

1993 2

Karta

КАРТА

НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

INDEPENDENT HISTORICAL JOURNAL

Независимый исторический журнал

Адрес:

390000, Россия, г.Рязань,
пл. Костюшко, 3.

Для писем:

390000, Россия, Рязань-центр,
а/я 20.

Телефон:

(0912) 77-51-17.

e-mail (RELCOM):

julia@memorial.ryazan.su

Учредитель:

Редакция независимой газеты
"Рязанский вестник".

Журнал зарегистрирован

Министерством печати и
информации 29.12.1992.

Свидетельство о регистрации
N 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Серёда
Игорь Блинушов
Сергей Романов
Олег Шубин
Петр Мицнер
Виктор Лозинский

Мнения авторов не
обязательно совпадают с
точкой зрения редакции.

Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.

Над номером работали:

А.Блинушов, И.Блинушов,
В.Дылевский, О.Николюкина,
В.Романов, С.Романов,
Ю.Серёда, О.Шубин.

Отпечатано ТОО "СЕРВИС".

390000, Рязань,
ул. Кольцова, 16.
Заказ N 3.

Подписано в печать 5.05.93.

Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

В НОМЕРЕ:

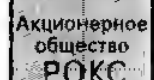
<i>А. РОГИНСКИЙ</i> Без указания причин смерти	3
<i>А. БЛИНУШОВ</i> «Таких лагерей предстоит много...»	5
<i>М. РОГАЧЕВ</i> «Размещены исключительно в тяжелых условиях...»	7
<i>А. ВОЛОГОДСКИЙ, К. ЗАВОЙСКИЙ</i> «Мертвая дорога» — музей коммунизма под открытым небом	8
<i>Т. КИЗНЫ</i> Фоторепортаж с «Мертвой дороги»	16
<i>А. ГАЛИЧ</i> «Летят утки»	18
<i>И. МИХАЙЛОВСКАЯ</i> О парламентском контроле над спецслужбами	19
<i>В. РУБАНОВ</i> «Важно, в каком направлении мы движемся»	21
<i>К 40-летию берлинского восстания 17 июня 1953 года.</i> Танки на Сталиналлее	23
<i>И. БЛИНУШОВ</i> «Мы были обречены на страдание...»	29
<i>Е. МЕСИЛО</i> Польские «банды УПА»	32
<i>Из архива Алексея Забелина.</i> Поляки, репрессированные в Смоленске	35
<i>Л. АЛЕКСЕЕВА</i> Движение за социально-экономические права. СМОТ.	37
<i>В. ДОЛИНИН</i> ...Факты победили марксизм	37
<i>А. СКОБОВ</i> «Солидарность» жива! СМОТ.	39

Журнал "КАРТА" издается при содействии:

Историко-просветительского,
правозащитного
и благотворительного
общества "Мемориал"

Рязанского
акционерного
общества "РОКС"

Рязанского отделения
Социально-
Экологического
Союза
(СоЭС)

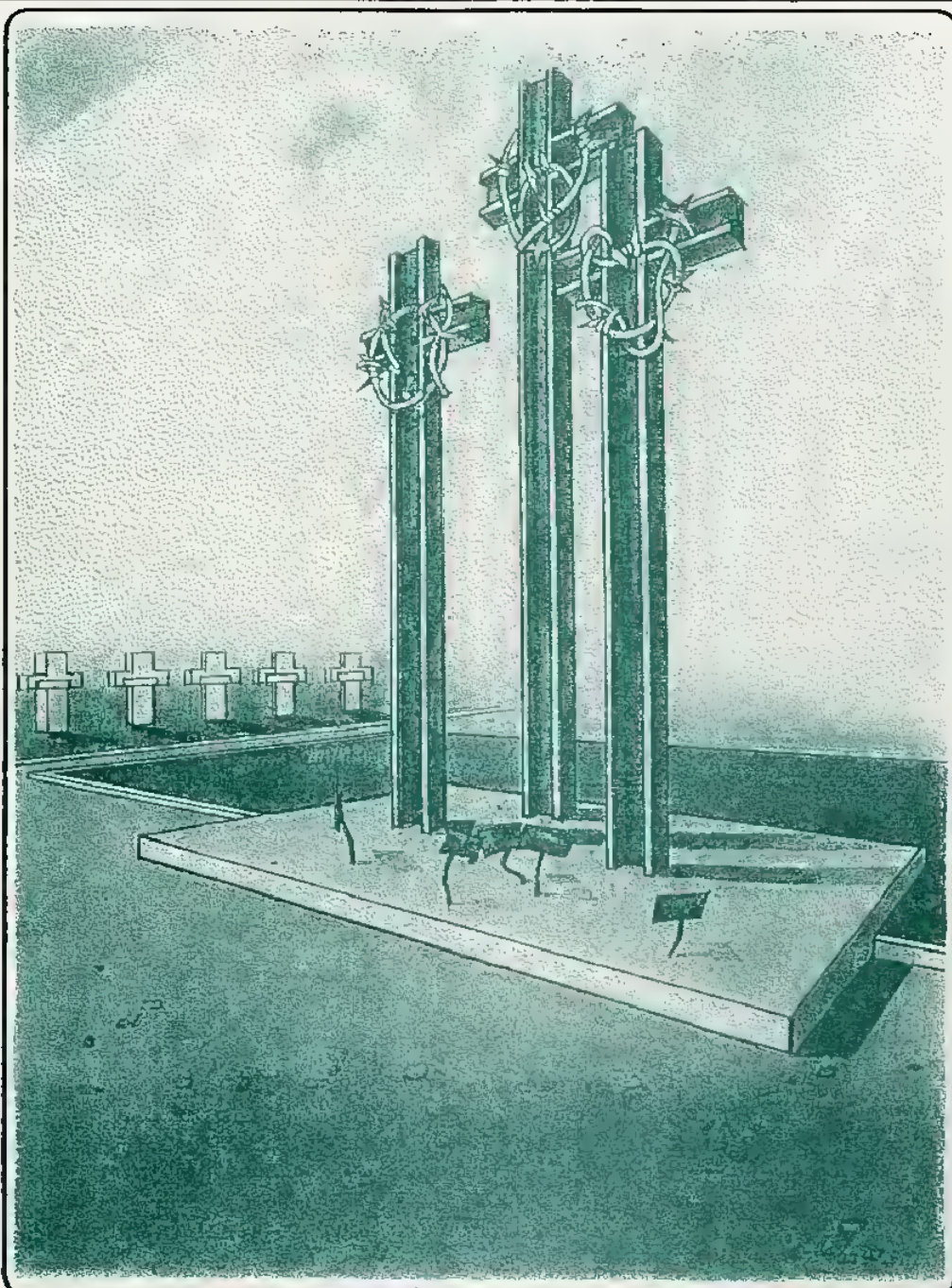
Рязанской
брокерско-сервисной
фирмы
"БРИГ-Ф" Лтд

Института Демократии
в Восточной Европе
(IDEE)

Исследовательского
Центра новейшей
истории "КАРТА"
(Варшава)

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ ВОЙНЫ

Рязанское региональное отделение правозащитного общества "МЕМОРИАЛ" и Акционерное Общество РОКС приступили к реализации крупного международного проекта "Солдаты второй войны". Первым этапом проекта будет восстановление кладбища лагеря НКВД N 178-454, на котором похоронены российские репатрианты, польские антифашисты, солдаты вермахта, офицеры итальянской и румынской армий. Этот проект будет шагом к примирению, взаимопониманию народов, втянутых тоталитарными режимами в мировую бойню.

Реализация проекта "Солдаты второй войны" будет проходить с участием немецкого "Народного Союза по уходу за могилами погибших воинов", Союза охраны памятников борьбы и мученичества Республики Польша, Всемирного Союза солдат АК.

Рязанский "Мемориал" и АО "РОКС" приглашают отечественных и зарубежных спонсоров к работе над проектом "Солдаты второй войны."

Фамилии и реклама спонсоров будут размещаться в средствах массовой информации ФРГ, Польши, России.

E-mail (я сети RELCOM) julia@memorial.ryazan.su

390000, Российская Федерация, г. Рязань-центр, а/я 20, "Мемориал"

Арсений РОГИНСКИЙ

Без указания причин смерти

СТ-2912

ср-3

СССР
КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
при Совете Министров СССР

16. АВГУСТА 1965 г.

3265-с

Совершенно секретно
УК - СССР
49556
15.08.1965
2-4 СЕКТОР

И И К

В 1955 году с ведома инстанций и по согласованию с Прокуратурой СССР Комитетом госбезопасности было издано указание N 108сс органам КГБ, определяющее порядок рассмотрения заявлений граждан, интересующихся судьбой лиц, расстрелянных по решениям несудебных органов (б. Коллегией ОГПУ, тройками ПП ОГПУ-НКВД-УНКВД и Комиссией НКВД СССР и Прокурора СССР). В соответствии с этими указаниями органы госбезопасности сообщают членам семей осужденных, что их родственники были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли в местах лишения свободы, а в необходимых случаях при разрешении имущественных или иных правовых вопросов регистрируют в загсах смерть расстрелянных с выдачей заявителям свидетельство, а которых даты смерти указываются в пределах 10 лет со дня ареста, а причины смерти — вымышленные.

Установление в 1955 году указанного порядка мотивировалось тем, что в период массовых репрессий было необоснованно осуждено большое количество лиц, поэтому сообщение о действительной судьбе репрессированных могло отрицательно влиять на положение их семей. Кроме того, предполагалось, что сообщение членам семей расстрелянных действительной судьбы их родственников могло быть использовано в то время отдельными враждебными элементами в ущерб интересам советского государства.

Существующий порядок сообщения вымышленных данных касается в основном невинно пострадавших советских граждан, которые были расстреляны по решениям несудебных органов в период массовых репрессий.

В результате пересмотра уголовных дел с 1954 по 1961 годы из общего количества расстрелянных в несудебном порядке около половины реабилитированы. В отношении большинства из них родственникам были объявлены не соответствующие действительности сведения о смерти, якобы наступившей в местах лишения свободы.

После проделанной Центральным Комитетом КПСС работы по разоблачению беззаконий, допущенных в период культа личности Сталина, существующий порядок рассмотрения заявлений граждан с запросами о судьбе их родственников считаем необходимым отменить.

Сообщение гражданам вымышленных дат и обстоятельств смерти близких им лиц ставит органы госбезопасности в ложное положение, особенно при опубликовании в печати дат смерти лиц, имевших в прошлом заслуги перед партией и государством. Кроме того, регистрация смерти расстрелянных лиц по решениям несудебных органов с указанием в документах вымышленных сроков их пребывания в местах заключения ставит членов их семей в неравные условия с членами семей лиц, расстрелянных по суду.

Советские люди о массовых нарушениях социалистической законности осведомлены, и мотивы, в силу которых в 1955 году был установлен порядок сообщения родственникам о судьбе репрессированных членов их семей, отпали.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным впредь на запросы граждан о судьбе их родственников, осужденных в несудебном порядке к расстрелу, устно сообщать действительные обстоятельства смерти этих лиц, а регистрацию в загсах их смерти производить датой расстрела, без указания причины смерти, как это делает Военная коллегия Верховного суда СССР и военные трибуналы в отношении лиц, расстрелянных по приговорам судов.

При этом имеется в виду, что данный порядок не будет распространяться на лиц, в отношении которых ответы давались в соответствии с ранее установленными и действующими в настоящее время порядками рассмотрения заявлений.

Уведомление граждан о действительной причине смерти осужденных лиц будет давать членам их семей, имеющим право на пенсионное обеспечение по случаю потери кормильца, основанное возбуждать ходатайства перед соответствующими органами пенсий на льготных основаниях как родственникам лиц, умерших от трудового увечья или погибших при исполнении служебных обязанностей.

Следует отметить, что количество заявлений о судьбе осужденных в несудебном порядке с каждым годом сокращается (в 1959 году 36225, а за 8 месяцев 1962 года 8018).

Установленный решением Президиума Совета Министров СССР от 15 декабря 1959 года (протокол N 37) порядок сообщения за границу дат смерти осужденных к расстрелу применительно к обстоятельствам каждого дела, но не ранее дат приведения приговора в исполнение и не позднее 10 лет со дня ареста, по нашему мнению, целесообразно не изменять.

Данное предложение согласовано с Прокуратурой СССР и Верховным судом СССР.

Прошу рассмотреть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

3 Сосисидин (В. СЕМЧАСТНЫЙ)

В документе этом поразителен не сам факт лжи — к лжи-то мы привыкли с детства — а то, что ложь с такой дотошностью расписывалась на высшем государственном уровне. О судьбах арестованных гнали всегда. Это знает каждый, кто прошел очереди к справочным окошечкам — прокуратурным, милицейским, гулаговским. Твой ближний находился в одной тюрьме, а тебе называли другую, его увозили на Восток, а говорили, что на Ссвер, или вовсе отговаривались незнанием («сведения о местопребывании не располагаем»), гнали о причинах ареста и осуждения, гнали о состоянии здоровья. И особая ложь — о причинах смерти — «сердечная недостаточность», «воспаление легких», но никогда не голод, не туберкулез, не самоубийство.

Правда раскрывалась постепенно, малыми дозами, в основном начиная с середины 50-х гг. Однако была категория жертв репрессий, о судьбе которой продолжали сознательно лгать и в пору первой реабилитации, и при застос, и в разгар перестройки. Под запретом во все эти эпохи оставалась правда о судьбах тех, кто был расстрелян по приговорам несудебных органов — «особых троек», «двоек», Комиссии НКВД и Прокурора СССР и т.д.

Самый ранний из известных нам приказов НКВД по этому поводу относится к 1939 г. Приказ предписывал на запросы родственников о судьбе того или иного расстрелянного отвечать, что он был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей без права переписки и передач. Осенью 1945 г. приказ был скорректирован — заявителям стали теперь говорить, что их родственники умерли в местах лишения свободы.

Шли годы, вопросы вокруг судеб расстрелянных накапливались и заставляли и МГБ, и Министерство юстиции и Прокуратуру обращаться в «инстанции» (т.е. в ЦК КПСС) с просьбой вынести решение по всем

аспектам этой проблемы: что отвечать устно, какие ответы можно давать письменно, как и где регистрировать смерть, как заполнять в свидетельстве о смерти сведения о дате, причине, месте ее, выдавать ли какие-либо документы, связанные с имущественными проблемами и т.д.

На заседании Президиума ЦК КПСС 18.08.1955 г., где разбирался этот вопрос, было вынесено Постановление, на основании которого через неделю тогдашний Председатель КГБ СССР И. Серов издал развернутое Указание. Приказывалось, как и раньше, сообщать относительно расстрелянных, что они были приговорены к 10 годам ИТЛ и умерли во время отбывания наказания. В необходимых случаях (если это требовалось для решения имущественных или правовых вопросов) приказывалось регистрировать смерть в органах ЗАГС по месту жительства осужденного до ареста и выдавать свидетельство о смерти. При этом дата смерти определялась органами КГБ произвольно в пределах 10 лет со дня ареста, вымышленной была и причина смерти, а в качестве места указывалось место жительства осужденного до ареста. Что касается расстрелянных по приговорам Военной коллегии Верховного суда, то здесь указания ЗАГСам должны были давать

уже не органы КГБ, а сама Военная коллегия.

Этот порядок просуществовал в течение 8 лет и был частично изменен только в 1963 г. Как изменен — может судить читатель, внимательно ознакомившийся с публикуемыми предложениями Семичастного.

Не останавливаясь на обосновании нововведений, отметим только их суть. Теперь тем, кто обращался за сведениями впервые, устно отвечали правду, в свидетельствах о смерти также писали правдивую дату и место смерти, и лишь в графе о ее причине ставили прочерк. Конечно, это можно было бы считать серьезным шагом по пути к исторической правде, если бы не одно обстоятельство: тем, кому ранее давались лживые ответы (в соответствии с указаниями 1955 г.), продолжали лгать по-прежнему. Не изменен был порядок и относительно сведений, сообщаемых за границу — здесь, как и прежде, предлагалось руководствоваться соображениями практической целесообразности в каждом отдельном случае.

Ложь образца 1963 года просуществовала до самых последних лет и была отменена (опять-таки по согласованию с «инстанцией») приказом по КГБ СССР от 30.09.1989 г. Таким образом, люди, получившие ответ между 1955 и 1963 гг. и не

обращавшиеся с новыми запросами после марта 1989 г., так и остались в заблуждении относительно подлинных причин и дат гибели своих близких. Напомню при этом, что речь идет лишь о тех, кто был расстрелян по решениям несудебных органов.

Трудно сказать, зачем нужно было это многолетнее нагромождение лжи. А почему столько лет утаивали правду о Катыни? Почему отрицали до последних месяцев подлинность дополнительных соглашений к германо-советскому пакту 1939 г.? Почему не раскрывали составов «троек»? Почему не опубликовали телеграмму 1939 г. о пытках, о которой обмолвился публично еще Хрущев? Система охраняла себя, утаивая от народа правду.

В «Мемориал» и в другие места сейчас обращаются люди с недоумениями — у них на руках справки второй половины 1950-х годов о смерти в лагерях их близких. И вот они встречают это же имя в списках расстрелянных, которые готовит Центральный архив МБ РФ и потом печатают «Вечерняя Москва» и «Российская газета». Чему верить? Тут ответ однозначен — информация в расстрельных списках, безусловно, правдива.

“МЕМОРИАЛ-АСПЕКТ”

Москва

КАРТА ТВОЕЙ ИСТОРИИ

КАРТА — правдивое описание:

- новейшей истории государств бывшего СССР и стран Восточной Европы;
- истории инакомыслия и борьбы за права человека; правозащитной деятельности наших современников.

КАРТА — публикация:

- исследований профессиональных и независимых историков;
- документов и фотографий из ваших семейных альбомов — бесценных материалов эпохи.

КАРТА — возможность:

- услышать живой голос очевидцев исторических событий;
- узнать о судьбе ваших родственников, пропавших в застенках тоталитарных режимов.

КАРТА — альтернатива «краткому курсу» истории, пронизанному ложью и шовинизмом.

Андрей БЛИНУШОВ

“Таких лагерей предстоит много...”

В апреле прошлого года на проходившей в Варшаве Неделе Совести мы вместе с журналистом «Московских новостей» Геннадием Жаворонковым рассказали о расстреле в 1943 году солдат польской дивизии имени Костюшко самими же поляками. Это заявление вызвало горячие протесты со стороны ветеранов Первой польской армии и семей польских руководителей послевоенного периода. Членов российского «Мемориала» окрестили русскими шовинистами, пытающимися свалить вину органов НКВД на многострадальный польский народ.

Более того, в беседе после конференции мне было энергично заявлено, что никто из офицеров Войска Польского с чекистами не сотрудничал, и в репрессиях против поляков части Первой армии никогда не участвовали.

Конечно, большинство польских граждан вступало в ряды формируемой в СССР в 1943 году польской армии для того, чтобы с оружием в руках освободить свою Родину от оккупантов. Для многих это был единственный шанс вырваться из сталинских лагерей и сельлок, единственная возможность вернуться в Польшу.

Но главная цель группы польских коммунистов была иной: под «мудрым руководством великого Сталина» в СССР уже было сформировано просоветское «демократическое» правительство, которое намеревалось на штыках армии-освободительницы принести полякам социализм.

Да простят меня ветераны войны, но Сталину все эти польские, румынские, чехословацкие корпуса были нужны не для укрепления боевой мощи советских вооруженных сил. Отнюдь. Тем самым создавалась видимость единения этих народов с Советским Союзом, культивировался образ спасителей человечества от коричневой чумы. Этой версии сильно мешало антифашистское подполье в странах Восточной Европы. Поэтому немедленно после прихода Красной Армии на этих территориях начинались репрессии против партизан. Коммунистический режим стремился уничтожить людей, которые могли помешать советизации восточноевропейских стран, к тому же эти люди имели боевой опыт и немалый авторитет у местного населения. Освободителями в глазах мирового общественного мнения должны были стать лишь местные коммунисты, восславлявшие национальные воинские формирования в составе советских вооруженных сил. Кроме того, Сталин стремился отнять заслуженную славу у партизан. Для этого НКВД за несколько месяцев до прихода Красной Армии забрасывало в немецкий тыл десантные группы из поляков, чехов, венгров и т.д. для срочной организации в лесах псевдопартизанских формирований. Например, в люблинском воеводстве Польши такие отряды, в противовес Армии Крайовой (АК), носили титулы «демократических боевых групп», «Гвардии Людовой» и тому подобное. Когда Советская Армия освобождала населенный пункт, заранее предупрежденные «партизаны» выходили из леса с месячной щетинной, в живописном обмундировании, рассказывая о своих «боевых подвигах». Командиры таких формирований тут же заявляли о пол-

Где мир исчез, его надо парисовать... Варшава, 1947 год. ФОТО ИНДРЖИХА МАРКО

ной солидарности с новым прокоммунистическим правительством, которое прибывало в армейском обозе. А что же происходило с настоящими подпольщиками-антифашистами?

Десятки свидетелей рассказывают о том, что подразделения Первой польской армии, сформированной в СССР, ВМЕСТЕ С НКВД НЕПОСРЕДСТВЕННО УЧАСТВОВАЛИ В РЕПРЕССИЯХ ПРОТИВ ПАРТИЗАН-АКОВЦЕВ.

Варшавякка Станислава Кумор, прошедшая все круги ада в советских концлагерях, рассказывает о приходе Красной Армии в белостокский округ Польши:

«Примерно за месяц до наступления в расположение нашего партизанского отряда АК на повзвонках была сброшена группа советских армейских разведчиков. В их задачу входило установление связи с нами, обеспечение отряда радиосвязью для координации действий с наступающими советскими частями. Взаимоотношения с разведчиками у нас установились отличные, они получили полную информацию об отряде — кто чем занимался, что планировалось. Договорились, что в момент советского наступления мы ударим немцам в тыл, взорвем мосты, заминировем дороги... Все прошло как нельзя лучше, мы встретили наступающие части объятиями и криками «Ура!». К нашему удивлению, среди советских подразделений была и польская часть первой армии. Сутки напролет мы говорили с этими ребятами, обмывали победу. Просыпаемся утром — вокруг нас колымо эти самые ребята, косиничковцы. Автоматы наперсас. Мы говорим: «Вы что, мужики, с ума сошли?» Они с нами не разговаривают, лица хмурые. Вышел вперед офицер — асс немедленно сдать оружие. Как так, говорим, вы же поляки?! Что же за подлость такая?! Мы же советскому наступлению помогали!»

Мало того, что разоружили нас поляки, они же нас в НКВД конвоировали. Чего потом было — вспомнить страшно. В Белостокской тюрьме чекисты ломали мне руки, жгли парисами, стегали по лицу плетками. Они знали о нашей подпольной деятельности все — мы ничего не узнали тогда от русских десантников, сброшенных к нам в отряд. И все наши акции против фашистов трактовались НКВД как подготовка к партизанской войне против Советов! Тогда мы поняли, что Сталин вопреку приговору польских партизан к уничтожению...»

Уже 23 августа 1944 года из Люблина в Россию, в лагерь под Рязанью был отправлен первый этап польских антифашистов. Перед отправкой арестованных актовцев держали за колючей проволокой... фашистского лагеря смерти Майдапек. Чекисты оказались рачительными хозяевами — ну, в самом деле, не пропадать же такому отличнейшему хозяйству...

И опять же, большинство подпольщиков оказались интернированными благодаря стараниям своих соотечественников — подручных НКВД. Чекисты, опасаясь, что аквцы вновь уйдут в леса, приказали командирам первой польской армии объявить набор добровольцев «для дальнейшей борьбы с оккупантами». Несколько сотен партизан АК пришли на вербовочный пункт, где заполнили под диктовку польских офицеров формуляры, и... наутро оказались уже за колючей проволокой.

Да и собственно депортацию в СССР интернированных актовцев инициировали сами поляки (на возражения оппонентов особо подчеркнул — у меня не вызывает сомнений, что поляки эти были чекистами и членами компартии).

Особенно усердствовало Управление информации Войска Польского.

Справка «КАРТЫ»

Главное управление информации (ГУИ) — служба контрразведки Войска Польского (ВП) с 1945 до 1967 года (особые отделы).

С осени 1945 года ГУИ вело работу через «отделы информации» военных округов. Структура ГУИ и методы его деятельности были слепком советской военной контрразведки «СМЕРШ». Долгое время руководящий костяк управления информации ВП составляли именно сотрудники «СМЕРШ». Все эти годы НКВД и МГБ фактически контролировали и направляли деятельность польского управления информации.

28 июня 1949 года военная комиссия польского политбюро с удовлетворением отметила, что советские принципы военной контрразведки отлично зарекомендовали себя в польской армии.

Совершенно секретно
Заместителю народного комиссара внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 2-го ранга
товарищу Серову

Докладная записка
о чрезвычайной обстановке
в лагере интернированных,
причастных к «АК»

В подчинении Главного Управления Информации Войска Польского имеется лагерь интернированных в м. Скробув, Любартовского уезда Люблинского округа, в котором находится 346 чел., причастных к «АК», в том числе:

- а) Старшего офицерского состава — 8 чел.
б) Офицерского.....21
в) Подофицерского.....167
г) Рядового.....50.

За последнее время интернированные резко стали проявлять не только враждебные настроения к Польске, правит. и Сов. Союзу, но и всеми мерами пытаются при любых обстоятельствах освободиться из лагеря

совершенно секретно

10

Заместителю Народного комиссара внутренних дел Союза ССР
комиссару государственной безопасности 2-го ранга
товарищу Серову

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

о чрезвычайной обстановке в лагере интернированных, причастных к «АК»

В подчинении Главного Управления Информации Войска Польского имеется лагерь интернированных в м. Скробув, Любартовского уезда, Люблинского округа, в котором находится 346 чел., причастных к «АК», в том числе:

а/ Старшего офицерского состава	— 8 чел.
б/ Офицерского.....	21
в/ Подофицерского.....	167
г/ Рядового.....	50

За последнее время интернированные резко стали проявлять не только враждебные настроения к Польскому Правительству и Советскому Союзу, но и всеми мерами пытаются при любых обстоятельствах освободиться из лагеря и перейти на службу в подполье «АК» или повстанцев — партизан. Для предотвращения подобных действий представителями Польского правительства и офицерами Красной Армии.

Все это подтверждается проводимыми нами следствием по делу вскрытого заговора интернированных, подготовлявших побег из лагеря к 1 апреля с.г.

Специальным планом заговорщиками было предусмотрено, что интернированные, которые будут находиться на хозяйственных

и перейти на службу в подполье «АК» для подрывной-террористической деятельности против представителей Польского Правительства и офицеров Красной Армии.

Все это подтверждается проводимым нами следствием по делу вскрытого заговора интернированных, подготовлявших побег из лагеря к 1 апреля с.г.

Специальным планом заговорщиками было предусмотрено, что интернированные, которые будут находиться на хозяйственных

работах внутри лагеря, в установленное время должны совершить нападение на охрану возле себя, разоружить ее, затем захватить караульные помещения, оружие в роте автоматчиков, освободить всех интернированных и, вооружив их, устроить восстание в лагере.

После удачного захвата оружия намечалось опенить здание отдела информации и штаб лагера, где изъять личные дела и др. документы и захватить их с собой или уничтожить.

Офицеров информации увести в лес. В отношении охраны было решено обезоружить таковую и предложить идти в лес, а тех лиц, которые откажутся, запереть в помещении.

В результате преступного отношения со стороны охраны, 27 марта с. г. в 11 час. 30 мин. из лагеря с хозяйственных работ бежало интернированных 48 чел., последние, по имеющимся данным, соединились с отрядами «АК» в Парчевском лесу готовятся к нападению на охрану лагеря, с целью освобождения всех интернированных.

В связи с создавшимся чрезвычайным положением в лагере интернированных, активизацией «АК» в Люблинском округе и не весьма надежной охраной, ходатайствую перед Вами о разрешении вопроса вывоза интернированных из пределов Польши, как возможную базу «АК».

НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ВОЙСКА ПОЛЬСКОГО
ПОЛК. КОЖУШКО. 04.1945 г.

Такие «докладные» в ведомство Берлин польские офицеры направляли десятками. На одну из них комиссар госбезопасности Иван Серов наложил красным карандашом резолюцию: «Учтите, чтобы впредь самовольно не разбегались». Ведь таких лагерей предостoit много.»

Рязань

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека»

Существовавшая в годы тоталитарного режима практика принятия без опубликования в печати законов, подзаконных актов и ведомственных директив об установлении различных видов юридической ответственности, организации и деятельности репрессивного аппарата являлась грубейшим нарушением норм государственной жизни и прав человека.

Учитывая законное право граждан на получение правдивой информации о творимемся произволе, необходимость преодоления его тяжелых последствий и недопущения подобного в будущем, постановляю:

1. Рассекретить законодательные акты, решения правительственных, партийных органов и ведомственные акты, служившие основанием для применения массовых репрессий и посягательств на права человека, но вопросам:

организации общих и специальных судов, внесудебных органов, а также ор-

ганов внутренних дел и государственной безопасности в области применения мер государственного принуждения;

организации и деятельности исправительно-трудовых учреждений, администрации мест поселения, режима отбывания различных видов наказаний;

установления уголовной и других видов юридической ответственности, применения репрессий в административном порядке (насильственного выселения из мест проживания, направления в ссылку, на спецпоселение и др.);

применения принудительного труда, в частности, мобилизации в воензированные трудовые формирования с ограничением свободы;

применения различных мер принуждения и ограничения прав в отношении бывших военнопленных и интернированных из числа советских и иностранных граждан, лиц без гражданства;

помещения лиц на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения;

2. Перечисленные в пункте 1 настоящего Указа нормативные и иные акты подлежат рассекретиванию независимо от времени их издания.

Снять с этих актов ограничения на ознакомление с ними и их публикацию.

Рассекретиванию подлежат также сведения о члене лиц, необоснованно подвергшихся наказаниям в уголовном и административном порядке и иным мерам государственного принуждения за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и другим признакам, протоколы заседаний внесудебных органов, служебная переписка и другие материалы, непосредственно связанные с политическими репрессиями.

3. Не подлежат рассекретиванию нормативные и методические материалы по оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов.

4. Министерству безопасности Российской Федерации, Министерству внутренних дел Российской Федерации, Комитету по делам архивов при Правительстве Российской Федерации и другим министерствам и ведомствам обеспечить выполнение настоящего Указа в течение 3 месяцев со дня его подписания.

Президент Российской Федерации
Б. Ельцин.

Москва, Кремль, 23 июня 1992 года.

Михаил РОГАЧЕВ

"Размещены исключительно в тяжелых условиях"

В СССР до войны было четыре «волны» высылки на спецпоселение. Две — относительно небольшие: высылка 1935 года из приграничных районов Украины и Белоруссии, в том числе советских поляков, и депортация 1940–1941 годов из Прибалтики. Зато две другие — воистину гигантские. Это «кулацкая высылка» 1930–1931 годов, охватившая 1,8 миллиона человек, и депортация 1940–1941 годов, «вбравшие» в себя около 1,2 миллиона польских граждан (поляков, евреев, украинцев и др.). В числе основных районов, куда направлялись высланные, был европейский Север, включавший и Коми АССР.

К тому времени, когда в Коми стали прибывать эшелоны с депортированными из Польши, этот огромный лесной малолюдный край был уже хорошо освоен ГУЛАГом. Воясы работали воркутинские и ухтинские лагеря, Локчимлаг (ликвидирован в 1940 году) и Усть-Вымлаг специализировались на лесоразработках, началось строительство Северо-Печерской железной дороги (естественно, силами заключенных). Центральные и южные районы были покрыты сетью спецпоселков, принявших более 30 тысяч человек из «кулацкой ссылки».

Первые партии депортированных начали прибывать в феврале-марте 1940 года. В августе НКВД Коми АССР отапортовало, что

в республику прибыли 2223 семьи осадников (10303 человека) и 2730 семей беженцев (8636 человек), всего 18939 человек. В декабре по данным того же ведомства число осадников и беженцев составило 19388 человек. Если учесть, что в первый, самый тяжелый год, была высокая смертность, то можно с уверенностью сказать, что число депортированных в Коми АССР превысило 20 тысяч человек.

По договору с ГУЛАГом депортированные были переданы в лесозаготовительные предприятия «Комилес»а, «Вычегдалссосплав»а и Народного комиссариата путей сообщения. Их ожидали холодные бараки, голод, тяжелейшая работа в цепных условиях. Многочисленные документы свидетельствуют, что спецпоселенцы были «размещены исключительно в тяжелых условиях».

Положение улучшилось, но ненадолго, после амнистии в августе 1941 года, последовавшей за советско-польским договором. Польские граждане были освобождены от спецпоселения. Многие мужчины уходили в армию Андерса. В Сыктывкаре начала действовать делегатура польского посольства в Москве, организовавшая доставку помощи, занимавшаяся созданием польских школ, инвалидов домов, детских садов. Люди старались уходить из спецпоселков, перебирались в села, поближе к единственному нела-

герному городу — Сыктывкару. Но уже к февралю 1943 года, после охлаждения отношений между советским и польским эмигрантским правительствами, деятельность делегатуры была свернута. Однако еще более года поляки оставались в Коми АССР. Лишь летом 1944 года их начали вывозить в «южные районы СССР». Проведенный в мае того же года учет «бывших польских граждан» зафиксировал 7553 человека, подлежащих переселению (в их числе 84 инвалида и 411 детей из детдомов). Таким образом, численность депортированных сократилась более чем на 12 тысяч человек. Трудно сказать, сколько из них навсегда осталось в земле Коми. По актам о смерти в Коми республиканском архиве ЗАГС установлено более трех тысяч польских граждан, умерших в 1940–1944 годах (не считая заключенных). Но это не полный список — далеко не все умершие регистрировались.

Ниже приводятся 2 документа из Центрального архива Республики Коми, характеризующие условия жизни депортированных. Первый относится к периоду спецпоселения, второй — ко времени, когда поляки были сняты с учета спецпоселения. Они не цитируются в комментариях, в них нет ничего сенсационного, они страшны своей обычностью. Оба документа публикуются впервые.

Сыктывкар

Письмо заместителя председателя Совета народных комиссаров Коми АССР Щегенева в Центральный отдел лесозаготовок Народного комиссариата путей сообщения СССР и Народный комиссариат внутренних дел

Переброска 200 семейств из Объячевского и Ношульского леспунктов в другие лесозаготовительные организации вызывалась и вызывается в данное время следующими обстоятельствами: спецпереселенцы размещены исключительно в тяжелых условиях, так например в Верхолузском леспункте размещены в старом разваленном бараке по 1,5 метра на человека, крыши текут, стекла в оконных рамах разбиты, спят на сплошных голых нарах, прачечной нет, баня не оборудована, нет даже умывальников, тазов, ведер, колодцы не оборудованы, льют грязную воду.

Такое же положение на участках «Гырка-Шор» Чернышского леспункта: нет дорог до поселков, продовольствие таскают на себе, нет необходимого количества инструментов (пил, топоров, багров и т.д.), а в связи с этим на полностью используется рабочая сила.

В связи с этим большое количество заболеваний и смертных случаев вплоть до эпидемических заболеваний (на старой базе Ношульского ЛПХ 10 случаев сыпного тифа).

До настоящего времени перебросено из системы леспунктов в другие организации 100 семейств.

На основе вышеизложенного обращаем Ваше внимание на срочном создании необходимых условий спецпереселенцам с тем, чтобы имелась полная возможность использовать их как рабочую силу.

Если в ближайшее время не будут созданы условия, мы будем вынуждены просить о дополнительной переброске спецпереселенцев в другие системы лесной промышленности.

(Переписка закончилась безрезультатно. Большинство семей по настоянию НКВД было оставлено на прежнем месте — Авт.)

Акт обследования помощником эпидемиолога Миндлинной в присутствии эпидемиолога Чуговой общежития польских граждан в Сыктывкаре.

Апрель 1942 г.

При обследовании установлено: общежитие на 6/10 д. 38 состоит из 2-х комнат, одна комната внизу размером в 15 кв. метров проживает 35 человек. Проживающие в этой комнате приехали из разных районов и из лагерей, работают в настоящее время в артели «Польский кустарь». Санитарное состояние общежития весьма неудовлетворительное, никакой мебели нет, кроме нар. Электрического освещения и керосиновых ламп нет, люди спят на голых нарах и на полу без постельных принадлежностей (ни матрацев, ни одеял, ни подушек нет, кроме своих грязных тряпок), спят вповалку, как попало — стоя, сидя. Умыльщика нет, воду пьют из того же таза, из которого мают пол.

Вторая комната находится наверху, на чердаке, площадь размером 6 метр. живут 10 человек. Здесь также антисанитарное состояние и большая скученность, спят на голых нарах.

Общежитие на 7/10 д. 52, санитарное состояние весьма неудовлетворительное, в комнате 6х10 кв. метров проживает 50 чел., а по словам коменданта только 5 человек, но на самом деле 50 человек, некоторые из них прибыли в ноябре месяце, другие в феврале из районов: с/с Палевицы Сыктывдинского района, с/с Маджа, Слобода. Работают в артели «Польский кустарь».

Все спят на голых нарах и под нарами на голом полу. Помещение не отапливается за отсутствием дров. Умыльщиков нет, ни у кого нет натурального белья. Это общежитие является сплошным очагом заразы (2 человека лежат в инфекционном отд. с диагнозом — сыпной тиф, 4/1 — направлено 4 чел. с подозрением на сыпной тиф).

7/10 д. 6 сырая грязная комната, потолок и стены покрыты плесенью, в комнате проживало 7 человек, они проживают в этой комнате с сентября месяца 1941 года. Из 7 человек — 2 умерло от истощения, 2 чел. лежат в инфекционном отделении горбольницы (одна с диагнозом брюшной тиф, вторая с диагнозом сыпной тиф). Осталось трое детей беспризорных.

Помещение не отапливается и не отапливалось. В комнате стоят две грязные кровати, столик. Все обследованные общежития, как видно из указанного, находятся в таком состоянии, которое безусловно является угрозой распространения эпидемических заболеваний.

Александр ВОЛОГОДСКИЙ, Константин ЗАВОЙСКИЙ

“МЕРТВАЯ ДОРОГА” —

МУЗЕЙ КОММУНИЗМА ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Через бескрайние болота Западно-Сибирской низменности, сквозь низкорослые полярные леса и тундру на сотни километров тянется узкой змейкой заброшенная железная дорога Салехард—Игарка. Безлюдность этих мест и почти полное отсутствие человеческой культурной деятельности способствовали тому, что эта Мертвая дорога и все, что когда-то было связано с ней, сохранилось в почти нетронутом виде. И сегодня, 40 лет спустя, стоит под открытым небом гигантский музей сталинского ГУЛАГА позднейшего времени, свидетельствуя о чудовищных условиях жизни заключенных, их рабском труде и о хронической неэффективности коммунистической системы.

Среди множества других сталинских «великих строек» (Беломорканал, Волгоканал, железная дорога Котлас—Воркута, участки Байкало-Амурской магистрали и др.) эпопея сооружения дороги Салехард—Игарка выделяется особой непродуктивностью и заведомой бессмысленностью. Спешно начатая по приказу высшего руководства страны, стройка была совершенно неподготовлена и с инженерно-технической, и с организационной точки зрения. Безответственных сталинских политиков и хозяйственных руководителей проект привлекал возможностью использовать одну из так называемых основных

«преимуществ социализма» — право властвующей коммунистической партии отнять у полуголодной, разрушенной войной страны огромные средства, ресурсы и без счета бросить их на решение проблемы, сулящей узкополитическую выгоду.

Рассказывают, что среди вольнонаемных строителей трассы встречались самоотверженные энтузиасты, увлеченные масштабами, дерзостью и беспримерностью поставленной перед ними задачи. Возможно, это было так, хотя подобный энтузиазм вряд ли был широко распространен. Скорее, в сталинской монополично-принудительной экономике, с ее системой массовых депортаций населения в Сибирь по классовым и другим признакам, с системой принудительного закрепощения работников и нищенской оплатой труда, у большинства «энтузиастов» просто не имелось лучшей возможности устроить свою жизнь.

Хочется отметить, что все добровольные участники проекта принимали как должное то обстоятельство, что рабочей силой «стройки коммунизма» были жестоко принуждаемые рабы — узники сталинского ГУЛАГА, на илечи которых легла вся тяжесть строительства в природных условиях, исключительно тяжелых даже по меркам севера Сибири. Эти трудности были вдобавок многократно усилены тупым, бесчеловечным волюнтаризмом вы-

сших партийных политиков СССР, трусостью, некомпетентностью и жесткостью хозяйственного и чекистского руководства.

Огромный труд всего этого разношерстного коллектива пропал даром — стройка так и осталась навсегда незавершенной. По сей день не эксплуатируется ни один перегон Мертвой дороги, ставшей дорогой смерти для десятков тысяч заключенных.

Сегодня такой итог грандиозного сталинского проекта представляется нам закономерным. Решение правительства СССР о строительстве дороги Салехард—Игарка и методы его воплощения в жизнь повторили в малом масштабе чудовищный эксперимент построения социализма, начатый партией большевиков в октябре 1917 года. Сколькими оказались и результаты.

Мы расскажем о Мертвой дороге и ее строителях. Современный оригинальный художественный фотоматериал добыт авторами во время специальных экспедиций в район восточного участка стройки. Исторические и технические сведения о дороге в значительной степени почерпнуты нами из устных источников — свидетельств участников стройки. Старинные фотографии собраны по немногим частным и открытым государственным архивам. К сожалению, до сих пор большая часть архивных документов ГУЛАГА, касающихся данной стройки, остается закрытой для исследова-

ния, и потому наш рассказ будет неполным. Мы все же надеемся, что собранный нами воедино фотографический и документальный материал даст читателю наглядное представление о целях и методах экономической сталинской типа, масштабах и характере хозяйственной деятельности советского ГУЛАГа, которые ясно видны на примере одного из самых бессмысленных его творений, железной дороги Салехард—Игарка.

Авторы выражают глубокую благодарность всем, кто способствовал выводу этого материала в свет: участнику строительства Мертвой дороги, бывшему политзаключенному Л. Шерешевскому; первым независимым исследователям истории строительства дороги Салехард—Игарка А. Никольскому и А. Берзину, любезно предоставившим часть собранных ими документов и архивных фотоматериалов; участникам экспедиций на Мертвую дорогу, проходивших под руководством соавтора этой статьи А. Вологодского, — в особенности М. Покровской, Ю. Потоцкому, а также Д. Давыдову, принимавшему участие в обработке собранных материалов. Последние экспедиции авторов проходили под эгидой и при финансовой поддержке общества «Мемориал».

По заданию правительства

Пролетая вдоль Северного полярного круга над Западно-Сибирской низменностью, путешественник и в наше время редко увидит под крылом самолета человеческое жилище. На протяжении сотен километров — ни города, ни поселка, ни единой живой деревушки. Места эти пустыны не случайно. Суровые природные условия сибирского севера тяжелы для жизни человека. Зимой — а этот сезон здесь длится восемь месяцев в году — на огромных пространствах лежит снежный покров, достигающий двухметровой толщины. Солнце почти не показывается из-за горизонта, столбик термометра падает до минус 50 градусов Цельсия, дуют сильные ветры. Коротким полярным летом на человека и животных набрасываются несметные полчища кровососущих насекомых. Кругом болота, болота — без конца и края...

Коренное население — ненцы, селькупы и кеты — издавна занималось рыболовством и охотой, вело кочевой образ жизни. Олень являлся основой заполярного быта. Он давал человеку пищу, тепло и жилье, обеспечивал передвижение по огромным пустынным просторам. Бездорожье, низкое плодородие здешних земель делали почти невозможным другие формы существования. Даже неприхотливая и всюду проникающая система лагерей сталинского ГУЛАГа только к концу сороковых годов сумела дотянуться своими отростками в эту глушь. Плотность населения в те времена составляла здесь всего 1 человек на 20 кв. километров. Ка-

жется очевидным, что строить в таком медвежьем углу Сибири протяженную дорогостоящую железнодорожную трассу неперспективно. Как же случилось, что добрая сотня тысяч строителей в течение четырех лет упорно пыталась осуществить этот безумный план?

В послевоенные годы советская коммунистическая система вошла в период расцвета. Окрыленная победой над нацистами во второй мировой войне, она искала приложения своим неслыханным способностям. Готовясь к новым столкновениям с Западом, руководство полугодной страны первоочередное внимание уделяло совершенствованию военной технологии и стратегии. В эти годы СССР разворачивает множество военных проектов, в частности проект создания сверхдальнобойного ракетного оружия и уникальный по технологической сложности и дороговизне проект создания ядерной бомбы. Во всех этих начинаниях коммунистическое руководство опиралось на созданную им же структуру Министерства внутренних дел СССР (МВД СССР), курируемую в то время сталинским палачом Лаврентием Берия и сосредоточившую в своих руках огромные исследовательско-проектные мощности, а также на тщательное отлаженный и надежный механизм организации принудительного труда — ГУЛАГ. Этот гигантский концерн лагерей невольников сделался к тому времени крупнейшим в СССР производителем и подрядчиком, способным в короткие сроки сконцентрировать в нужном месте трудовые ресурсы, достаточные, как казалось руководству страны, для решения любых хозяйственных задач.

Ожидая успешного завершения работ по созданию сверхмощных ядерных вооружений, сталинское Политбюро заранее обдумывало проекты их размещения. Под влиянием этих раздумий Совет Министров СССР (СМ СССР) принял 4 февраля 1947 года постановление N 228—104сс о необходимости строительства за Уральским хребтом на берегу Северного Ледовитого океана крупного секретного военного порта с большим комплексом сооружений, в частности — судоремонтного завода и трассы к нему. В апреле того же года СМ СССР, даже не потребовав от разработчиков технико-экономического обоснования проекта, принял постановление о начале строительства трассы. Выполнение проектно-изыскательских и строительных работ возлагалось на МВД СССР и на управление Главсевморпуть.

Решение соорудить огромную стратегическую военную базу в глубине территории СССР отчасти, возможно, объяснялось комплексом неполноценности тогдашнего руководства страны, которое еще помнило, сколь легко и быстро Гитлер дошел до Москвы и какими усилиями далось затем создание оборонной промышленности в эвакуации. В случае наступательной войны руководители также, вероятно, прельщала перспектива наносить из

глубокого тыла удары по различным точкам северного полушария, используя для этого разрабатываемые в то время секретные дальнобойные ракетные снаряды.

Все сказанное относительно мотивов руководства СССР является лишь нашим предположением. Истинные причины строительства порта и трассы, вероятно, можно было бы найти в документах правительства, но они и теперь, сорок лет спустя, остаются секретными, недоступными для исследователей. Между тем известен более поздний документ — докладная записка начальника комплексной Северной экспедиции Желдорпроекта П. К. Татаринцева. В ней необходимость строительства трассы и порта объясняется вполне мирными причинами — нуждами района. Автор записки ни слова не говорит о цели, для которой предполагалось строить гигантский порт Северного морского пути в районе, где воды около 8 месяцев в году скованы толстым слоем льда.

Как бы там ни было, будущий порт правительство СССР решило строить в низовье Обской губы, близ Мыса Каменного. И в марте 1947 года, в соответствии с февральским того же года постановлением СМ СССР, 501-е управление ГУЛАГа, занимавшееся прокладкой железных дорог (оно называлось Северное управление лагерей железнодорожного строительства — СУЛЖДС — и принадлежало так называемому Главному управлению лагерей железнодорожного строительства — ГУЛЖДС), засучив рукава начало прокладку 700-километровой трассы от станции Чум дороги Котлас—Воркута на северо-восток через Щучье и Новый Порт на Мыс Каменный. Предполагалось также ответить от основной магистрали на юго-восток линию до поселка Лабитнанги, стоявшего на левом берегу Оби.

Центром строительства трассы на Мыс Каменный стал поселок Абезь, расположенный неподалеку от места впадения реки Усы в Печору, — там же, где ранее располагалось Печорское управление ГУЛЖДС, строившее трассу Котлас—Воркута. Начальником строительства был чекист-полковник В. А. Барабанов. Там же в Абези находились штабная колонна — лагерь заключенных, работавших в управлении стройки, строительных центрах, культурных учреждениях ГУЛАГа, а также производственные лагерные колонны — авторемонтная, мостостроительного отряда, железнодорожников и т. д.

Само строительство трассы начиналось значительно севернее Абези, уходя в сторону обского побережья. В среднем, строители двигались к северу со скоростью около ста километров в сезон. К весне 1948 года рельсы дороги, скрепленные со шпалами пока на два костыля, дотянулись уже до Полярного Урала и через долину реки Сось вплотную подошли к границе Ямало-Ненецкого округа.

Строители двигались и к северу на юг, с другого конца трассы. Коротким полярным летом лихтеры и пароходы тяну-

лись вниз по Обской губе к будущим станциям Новый Порт и Мыс Каменный, забрасывая людей, уголь, продовольствие, лесоматериалы, паровозы, горючее для двигателей, инструменты и оборудование для будущего строительства. На левом берегу Обской губы строились двухэтажные землянки для учреждений и начальства, приземистые бараки для заключенных, шла разгрузка стройматериалов. К концу 1948 года было открыто движение до станции «Обская» и по ветке до Лабитнанги, открывавшей выход к реке Обь.

Но строителям не суждено было дотянуть трассу к Мысу Каменному. В 1948 году проектно-изыскательская экспедиция обнаружила роковую ошибку в кремлевском проекте. Выяснилось неприятное для сталинского руководства обстоятельство: район Мыса Каменного не пригоден для расположения крупного морского порта, так как глубина этой части Обской губы не превышает 5, а возле берегов — полтора метров. После этого запоздалого «открытия» строителям оставалось либо углублять до 10 метров дно огромных пространств Обской губы, либо прекратить строительство дороги к Мысу Каменному. Первый вариант был не по зубам даже сталинизму. Поэтому 29 января 1949 года Совет Министров СССР, не считаясь с уже произведенными затратами по строительству почти половины трассы, постановил прекратить работы (документ N 384-135сс). До эксплуатации к этому моменту оказался доведен лишь короткий участок Чум—Лабитнанги, который соединял железнодорожную сеть европейской части страны с рекой Обь.

Несмотря на эту чудовищную хозяйственную ошибку, обошедшуюся в копейку народному хозяйству страны, Политбюро не отказалось от своей затеи сооружения гигантского порта в северных морях. Тем же январским постановлением местоположение порта перенесли в еще более далекие края — в низовья реки Енисей. Новую железную дорогу приказано было тянуть теперь вдоль полярного круга на восток, 1300 километров по просторам Западно-Сибирской низменности от города Салехарда, стоящего на правом берегу Оби напротив поселка Лабитнанги, к поселку Ермаково, стоящему на левом берегу Енисея, и затем к городу Игарка на правом его берегу.

Новый вариант дороги афишировался руководством как очередное достижение коммунистической мысли, как первый участок так называемой Северной транссибирской магистрали — голубой мечты сталинского режима. Говорили, что от Игарки дорогу затем продолжат на север к городу Дудинке и горно-металлургическому комбинату города Норильска, а затем на восток к Колыме, к Охотскому и Берингову морям (выходило так, что трасса должна была связать воедино гигантскую систему северо-сибирских лагерей ГУЛАГа). Среди строителей пропагандировался пафос покорения суровой сибир-

ской природы. Им сообщалось, что дорога Салехард—Игарка будет в перспективе способствовать промышленному освоению района и поддерживать снабжение заполярных городов, соединив северо-восток Сибири с железнодорожной сетью европейской части страны. Соединение это должно было осуществляться через уже построенную рабами ГУЛАГа и переданную из ведения МВД в ведение гражданского Министерства путей сообщения трассу Котлас—Воркута, которая давала вывоз в центральные районы СССР угля с шахт городов Воркуты и Инты, нефти из района Ухты и лесоматериалов из множества лагерей ГУЛЕСЛАГА, расположенных на территории Коми АССР. Про эту трассу в народе говорили, что под каждой ее шпалой лежит заключенный.

Сложность поставленной сталинским правительством задачи состояла не в одной только ее трудоемкости. Дело усугублялось специфическими условиями Заполярья. Забитые в мерзлоту опоры со временем выталкиваются из нее. В толще болотистых почв часто встречаются скрытые поначалу промерзания — ледяные линзы, которые при оттаивании вызывают провалы грунта и осадку уже построенных сооружений. Неосторожное нарушение строителями тонкого верхнего слоя почвы изменяет ее теплоизолирующие свойства. В результате смещается граница вечной мерзлоты, и оттаявшие слои почвы начинают через некоторое время «плыть», вместе с возведенными объектами.

Даже если строителям трассы удалось бы все-таки завершить эту железную дорогу и пустить по ней поезда, то упомянутые выше процессы, медленно, но ежедневно приводя к искривлению рельсов, разрушению насыпей, зданий станций и мостов, свели бы на нет все их усилия. Такая трасса требовала бы практически непрерывного серьезного ремонта по всей своей длине. В итоге железная доро-

га должна была оказаться неслышанно трудоемкой в эксплуатации.

Однако приказ руководства страны вновь строго требовал пустить дорогу в кратчайшие сроки. И никто не осмеливался перечить: постановление Совета Министров о прокладке трассы было подписано лично самим коммунистическим тираном — товарищем Иосифом Сталиным.

Погоня за призраком

Центр строительства временно расположился в городе Салехарде в районе рыбкомбината. Приезжие вольнонаемные работники стали на частные квартиры. Стройуправление заняло здание учебного заведения. Неподалеку колючей проволокой обнесли участок земли, установив штабную колонну заключенных, работавших при управлении строительством. Салехардский деревообрабатывающий комбинат переключился на нужды стройки, превратившись в невольничье предприятие с вахтой и конвоем. Ряды колючей проволоки потянулись и выше по течению реки Полуй, туда, где началась укладка рельсов к вокзалу станции Салехард и где спешно возводился специальный поселок ГУЛЖДС. Рабов в колонны завозили на грузовиках под охраной, а в случае нехватки транспорта гнали, окруженных конвоем, пешим строем. Пересылкой, через которую на Мертвую дорогу поступала основная невольничья рабочая сила, стал поселок Лабитнанги на левом берегу Оби. Через Лабитнанги, который, как говорилось выше, ГУЛАГ уже соединил веткой с Печорской железной дорогой, завозили также материалы, машины и оборудование, необходимые для организации жизни и стройки. Тихий патриархальный сибирский город Салехард был ошеломлен напором неожиданно нагрянувших строителей, блеском золотых погон высокого гулаговского начальства, грохотом невиданной строитель-

«Мертвая дорога». Архивное фото.

ной техники, унылым видом серых зэкских колонн.

Отсюда, из Салехарда, строители ушли на восток в сторону Надыма. Начинать подготовительные работы на дороге им пришлось тотчас по выходе постановления Совета Министров, в разгар полярной зимы, без разведки, без проекта, без сметной документации. Тракторным поездом проложили они зимник, вдоль которого наспех ставили производственные колонны заключенных — невольных Героев очередной «великой стройки коммунизма». Лагерь под дулами автоматов строили для своего содержания сами заключенные. К лету на первых участках дороги уже развернулась обычная строительная деятельность: карьеры, насыпь, трубы, мосты...

Для увеличения темпов работ бывшее 501-е стройуправление (СУЛЖДС), только вчера бросившее на полпути дорогу к Мысу Каменному, разделилось на два строительных гиганта — Обское 501-е управление, с центром в Салехарде, укладывавшее западную часть трассы длиной 700 километров, и Енисейское 503-е, с центром сначала в Игарке, а затем в Ермаково. 503-е управление тянуло 600-километровую железнодорожную линию с востока на запад навстречу 501-му. Связь строителей с управлениями поддерживалась сначала по радио, а затем по столбовой телефонно-телеграфной линии, протянутой эсками от Салехарда до Игарки вдоль предполагавшейся трассы. Для инспекций на местах начальство пользовалось услугами полевой и военной авиации. Оба стройуправления входили в систему ГУЛЖДС, в свою очередь находившегося в ведении МВД СССР.

Согласно планам руководства ГУЛАГа, к 1952—1953 годам строители обоих управлений должны были встретиться на берегах реки Пур, примерно посередине 1300-километровой трассы. Наверху понимали, что качественно построить на вечной мерзлоте огромный объект в короткие сроки — задача нереальная. Потому руководители спешили сначала просто уложить на трассе рельсы без пролуксов, затем довести железную дорогу до состояния эксплуатации в минимальных объемах, а потом, когда хоть как-то пойдут поезда, достроить ее уже по-настоящему. Впрочем, и в окончательном виде трасса Салехард—Игарка должна была выглядеть неказисто — одноколейная, с разъездами через каждые 9—14 километров, она была запланирована пропускать не более шести поездов в сутки.

Основной объем строительных работ на трассе состоял в сооружении насыпи будущей железной дороги. В исключительно сложной геологической обстановке района этот объем оказался очень велик, хотя насыпь возводилась только в летний сезон по упрощенной технологии и принималась по заниженным техническим требованиям. Хорошо еще, что песок для отсыпки в изобилии имелся в долинах рек,

вдоль которых проходила значительная часть трассы. К насыпи его доставляли из близких карьеров самосвалами, увязавшими в бездорожье. Строительный лес почти весь был привозной. Его доставляли сплавом по рекам Обь, Таз и Енисей, в верховьях которых он заготавливался заключенными лагерей ГУЛЕСЛАГа. Со временем начала помогать и сама трасса: «вертушки» — маневровые паровозики с несколькими грузовыми платформами — доставляли на места необходимые строительные материалы по уже проложенным участкам дороги.

Надо заметить, что первое время правительство снабжало трассу щедро. На далекие просторы Сибири было заброшено из центра неслыханное по меркам ГУЛАГа количество новой тяжелой строительной техники. Не были редкостью даже экскаваторы. Но основными орудиями на земляных работах продолжали оставаться зэкская кирка, лопата и тачка. Насыпь большей частью возводилась по старинке: гуськом, напрягая все силы, вверх по кругому деревянному трапу заключенные катили груженные тачки. Ссыпав грунт, каждый получал бирку от учетчика и, сунув ее в карман, спускался по второму трапу вниз. Поверх насыпи другие зэки разравнивали грунт деревянными трамбовками. Возле дымокуров скаучали стрелки охраны.

Доставку и укладку рельсов проводили специальные укладочные городки — поезда с несколькими прицепными вагончиками, сновавшие по уже построенным участкам трассы. В вагонах-теплушках содержались под охраной отряды рабочих-заключенных. Вся работа по укладке рельсов проводилась вручную. Надев на руки брезентовые рукавицы, заключенные длинными железными щипцами перетаскивали рельсы на насыпь и укладывали их на уже установленные шпалы. Труд этот, как почти любой труд на Мертвой дороге, был тяжелым и малопродуктивным.

В местах, где трасса должна была пересекать маловодные в летний период ручьи, строители сооружали через них деревянные мосты или закладывали ручьи в бетонные трубы большого диаметра. Таких малых переправ пришлось строить сотни. Трасса пересекала также десятки рек, в том числе многоводные Таз, Пур, Надым. Строительство мостов через такие большие реки представляло из себя отдельную сложную техническую задачу и требовало значительных дополнительных материальных и трудовых затрат. Поэтому обычно в местах таких переправ строители сначала сооружали временные мосты на объездах, которые уже после открытия рабочего движения по дороге должны были постепенно заменяться на постоянные. Через реки-гиганты Обь и Енисей в летний сезон планировалось пустить паромные переправы, а зимой предполагалась ежегодная сезонная прокладка рельсового пути по льду (такая ледовая рельсовая переправа через Обь действи-

тельно наводилась и функционировала в годы строительства).

Первые признаки того, что интерес высшего руководства страны к дороге начал падать, появились в 1951 году. Идея построения гигантского порта в северных морях почему-то потеряла для Сталина свою былую привлекательность. В Политбюро постепенно вызревало мнение, что со строительством трассы Салехард—Игарка правительство и его ГУЛАГ опять несколько погорячились.

Поезда двигались на введенных в эксплуатацию участках со скоростью около 15 км/час и часто сходили с рельсов. В одном из заброшенных лагерей экспедиция авторов в 1989 году нашла плакат, красноречиво поясняющий создавшуюся ситуацию: «Путейцы! Приведите пути в хорошее состояние. Не допускайте схода подвижного состава». Какая еще железная дорога в мире видела такие призывы!

Тем не менее ГУЛАГ СССР был полон решимости довести строительство дороги до победного конца. В мае 1952 года в МВД была создана специальная комиссия для рассмотрения технического проекта, составленного комплексной Северной экспедицией Желдорпроекта, а в октябре того же года проект был направлен на утверждение в Государственный комитет по строительству при СМ СССР. Согласно этому документу для приведения трассы Салехард—Игарка в рабочее состояние правительству предлагалось выделить вдобавок к уже истраченным 3 миллиардам рублей еще не менее этой суммы, выйдя в итоге на освоение 6 миллиардов рублей.

25 марта 1953 года, вскоре после смерти И. Сталина, правительство СССР постановлением N 895-383сс остановило наконец разорительное строительство железной дороги Салехард—Игарка.

С момента принятия постановления о прекращении стройки трасса стала быстро умирать, превращаясь в то, что теперь называют Мертвой дорогой. После объявления амнистии определенным категориям заключенных стали худеть зэкские колонны. Исчез пропагандистский энтузиазм, пустыли города и поселки. Сталинизм слабел, и вольнонаемные двинулись в более обжитые районы. Все, чем жил в течение четырех лет этот огромный регион Сибири, сделалось в одночасье никому не нужным.

Бытовую утварь и предметы обихода, видимо, решено было уничтожить, дабы они не достались гражданам СССР бесплатно. В одном из притрассовых лагерей экспедиция авторов нашла огромное кладбище вещей — груды изрезанных ножами сапог, горы алюминиевых мисок, каждая из которых была аккуратно проткнута штыком посередине. Вероятно, впечатляющая это была картина, когда солдаты лагерной охраны МВД СССР по секретному приказу начальства ГУЛАГа кромали штатным оружием лагерную посуду! Впрочем, то, что мы приняли за сле-

ды штыков, могло оказаться и следами обычной заковской кирпичи, и уничтожать лагерное имущество заставляли самих заключенных. Так или иначе, эта работа также требовала немалых усилий. Поэтому большую часть лагерного хозяйства бросили на произвол судьбы.

Рабы Мертвой дороги

Как уже говорилось, работы на всех участках трассы Салехард—Игарка начинались с установки производственных колонн — комплексов построек, состоявших из лагеря для содержания заключенных, хозяйственных помещений, казарм охраны и жилья руководства. Такие колонны ставили через каждые 5–7 километров сразу на всем протяжении участка трассы, который предполагалось освоить в течение ближайшего года.

Через каждые 60 километров трассы сооружали железнодорожные станции с разъездами. 10–12 колонн на таком перегоне составляли отделение. Женские и мужские колонны ставили отдельно, но работы для мужчин и женщин в них были одинаковые — сыпать гравий и песок, копать мерзлую землю, грузить-разгружать транспорт. Везло тем женщинам, которые попадали на Центральный пошивочный комбинат (ЦПК), где они занимались женской работой — шитьем стеганых ватных костюмов для заключенных. В отделения входили не только строительные колонны, из которых каждый день выводили людей с лопатами, тачками, кирками и ломом, чтобы укладывать и ровнять насыпь. Некоторые лагеря имели специальные назначения. Так, в транспортных колоннах держали заключенных железнодорожников: машинистов и кочегаров, путейцев и ремонтников, обслуживавших трассу. Поскольку дорога требовала непрерывного капитального ремонта, лагеря продолжали функционировать и после ввода участков трассы в рабочую эксплуатацию.

Основные тяготы покорения природы доставались десантам эзков-первопроходцев. Из обжитых мест их забрасывали вперед, туда, где не было рельсов. Забрасывали на прицепленных к тракторам волокушах или — этапным строем, а иногда — везли издалека водными путями в глушь, намеченную проектировщиками. Там заключенных бросали буквально на произвол судьбы, если не считать неизменной опеки гулаговской охраны. В кратчайшие сроки в тяжелейших условиях эти десанты должны были обжиться на новом месте, подготовить базу для жизни и труда прибывающего невольничьего подкре-

ФОТО АЛЕКСАНДРА ВОЛОГОДСКОГО

пления. Очевидец инженер-изыскатель А. Побожий в своих записках рисует впечатляющую картину летней разгрузки заключенными-первопроходцами огромных литейных и барж, забросивших невольников Северным морским путем на пустынный берег реки Таз вместе с паровозами, железнодорожными вагонами, рельсами, шпалами. Этот гулаговский десант, видимо, положил начало упоминаемому выше строительному отделению 503-го стройуправления, тянувшего затем трассу от реки Таз в сторону Ермаково.

Не всегда заброска десанта проводилась в летнее время. В холодные месяцы первопроходцам приходилось еще тяжелее. Часто негде было взять лесоматериал: кругом тундра. До подвоза дерева приходилось жить в первобытных условиях — в землянках, палатках, утепленных «кирпичами», вырезаемыми из болотного торфа и мшистого дерна. Полярный холод и сырость пробирались в такие жилища, как ни затыкай щели мхом. Нары настилали из жердей, которые резали в зарослях, именуемых в учебниках «угнетенным лесом». На жердяных нарах заключенных держали, как обычно в ГУЛАГе, — без матрасов и тюфяков. Подстилкой и одеялом служили им собственные телогрейки иibuшлаты. По мере подвоза стройматериалов примитивные временки заменяли капитальными строениями — более пригодными для длительного житья деревянными, а в крупных центрах — даже каркасно-засыпными бараками с дощатыми нарами.

Во всех колоннах Мертвой дороги капитальные лагеря были построены по единой схеме, продуманной до мелочей руководством ГУЛАГа еще в 30-е годы. Каждый лагерь представлял собой квадратный участок земли размером примерно 200 на 200 метров, огороженный тремя рядами колючей проволоки, которая у че-

кистского начальства никогда не иссякала. Самое высокое заграждение с козырьком сооружалось между двумя более низкими. По углам квадрата торчали вышки охраны, на которые устанавливались прожекторы, по ночам заливавшие зону слепящим светом, дабы задумавшему побег заключенному некуда было скрыться. Для столь важной режимной цели, наряду со стройматериалами, колючей проволокой и инструментом, в каждый лагерь первым делом доставлялись передвижные электростанции.

На территории лагеря ставили 5–6 барачков для заключенных. Барачки были разделены на две половины человек на 40 каждая. Входы в половины барачков были разделенные. В центре каждой половины сооружали печку из старой металлической бочки или кирпича.

Вдоль стен настилали двухъярусные деревянные нары. На территории каждого лагеря размещались также столовая, баня для заключенных, иногда продуктовый ларек, склад личных вещей, медпункт, библиотека, спецотдел, ведавший учетом эзков и распределением рабочей силы, оперчекистский отдел (ОЧО), так называемый культурно-воспитательный (КВО) и другие отделы. Несколько домов — по сути те же лагерные барачки — ставили возле лагеря отдельно. Это были казарма охраны и жилье для начальства. Интересно, что в архитектуре лагерей Мертвой дороги, в общем подчиненной типичной для сталинского ГУЛАГа цели подавления индивидуальности человека и поддержания его психики на скотском уровне, начальство позволяло себе некоторую художественную свободу. В полуразрушенных лагерных строениях трассы среди угнетающе мрачной однообразности можно и сейчас изредка встретить радующие глаз декоративные излишества: арки с орнаментальными украшениями, построенные руками эзков беседки и даже натюрморты, нарисованные на оштукатуренных стенах барачков.

В каждом лагере непременно был свой штрафной изолятор (ШИЗО) — внутрилагерная тюрьма. Этот объект служил для умирения тех, кому лагерная жизнь казалась недостаточной суровой. Изолятор, обнесенный дополнительной оградой из колючей проволоки, располагался возле вышки в одном из углов лагеря. Он состоял из двух неотопляемых одиночных камер, одной общей на 4–6 человек и утепленного помещения для охраны. На крохотные окна камер навешивались толстые железные решетки. Деревянные двери с глазками для наблюдения за арестантами обивали железом. Штрафников кормили

холодной пищей по особо пониженным нормам.

В разгар строительства общее число заключенных, работавших на трассе, составляло 70–100 тысяч человек. Обычно в одном лагере сосредоточивали 400–500 человек. Более крупные лагеря ставили в местах особой концентрации работ: на строительстве больших мостов, заводов, поселков и т. д. Организационная структура этих лагерей была примерно той же.

Кое-что нам известно и о людях, заброшенных не по своей воле на эту гигантскую северную стройку, хотя архивы ГУЛАГа до сих пор остаются секретными. Не имея к ним доступа, мы ведем наш рассказ, в основном опираясь на устные свидетельства немногих оставшихся в живых бывших строителей трассы. Учитывая скудость источников, большой удачей экспедиций авторов на Мертвую дорогу оказалась находка в 1988 году картотеки и свода движения заключенных по одному из лагерей восточного участка линии. Документы содержали сведения о 473 заключенных лагеря. На 305 человек имелись личные карточки, каждая из которых содержала фамилию, имя, отчество заключенного, номер статьи, по которой он был осужден, срок заключения. На части карточек дополнительно были указаны национальность, район проживания до заключения, образование, долагерная профессия зэка. Статистические выводы, сделанные на основании изучения и анализа этих документов, подтвердили и дополнили устные свидетельства участников стройки.

Из совокупности имеющихся данных вырисовывается следующая картина. В среднем по лагерям около половины заключенных составляли так называемые «враги народа», то есть лица, осужденные на сроки от 10 до 25 лет по постыдно знаменитой 58-й статье тогдашнего Уголовного кодекса СССР, карающей граждан за политические преступления против сталинского режима. Сюда входили 14 градаций деяний — от измены Родине и пособничества контрреволюционной буржуазии в советское время, до совсем уж абсурдного пункта об ответственности за отправление руководящих должностей при царском строе. Разумеется, большинство «врагов народа» не совершили никаких деяний, подпадавших даже под это чудовищно хищное законодательство. Одни из них оказывались невольными жертвами сталинских политических кампаний и чисток, сотрясавших страну. Других коммунистическое государство привлекало этим незаконным способом в качестве бесплатной рабочей силы на свои «великие стройки».

Подавляющее большинство заключенных, осужденных по 58-й статье, были выходцами из западных регионов СССР, по которым прокатилась вторая мировая война. Нередко единственной виной этих людей было то, что до попадания под юрисдикцию коммунистов им довелось

пожить при иных режимах, не всегда столь безобразных, какими их изображала советская пропаганда. Среди узников Мертвой дороги значительное число составляли советские солдаты, побывавшие в немецком плену. В лагерях Мертвой дороги работали японские и немецкие военнопленные, трудилась так называемая историческая контрреволюция — белоэмигранты, захваченные НКВД во время войны в странах Европы, а также подпольщики и партизаны, сражавшиеся против нацистов (они вызывали у Сталина и лагерного начальства особые подозрения и неприязнь). Содержались там и деятели различных зарубежных партий и организаций, участники польского Сопротивления, воевавшие против Гитлера в рядах Армии Крайовой, лица, интернированные в Германию, и просто граждане СССР, проживавшие какое-то время на оккупированных территориях.

Особую небольшую группу «врагов народа» составляли лица, действительно принимавшие участие в вооруженной борьбе за независимость своих территорий от СССР. Главным образом это были жители Западной Украины. Украинцы, видимо, составляли самую многочисленную национальную группу невольников Мертвой дороги.

Интересен социальный состав лагерей трассы. В отличие от 37–38 годов, среди заключенных 58-й статьи теперь почти не встречались представители безрукой советской партийно-государственной номенклатуры. Для осуществления грандиозных сталинских строительных идей нужны были работяги. Поэтому основную массу «политических» на Мертвой дороге составляли рабочие и крестьяне — шоферы, трактористы, столяры, плотники, электрики и т. п. Вторым по продуктивности «источником», снабжавшим лагерь трассы тренированными рабочими руками, был Указ от 4 июня 1947 года «О борьбе с хищениями социалистической собственности». По данному указу гражданин СССР мог быть приговорен (и часто его приговаривали!) к непомерно большому сроку — 25 лет лагеря — за несоизмеримо малые проступки: за вынос домой нескольких килограммов зерна из колхозного хранилища, за кражу катушки ниток с фабрики и т. п. Количество осужденных по этому указу составляло около 15 % контингента заключенных.

Хотя процент интеллигенции в лагерях Мертвой дороги был невелик, там все же были по-прежнему представлены почти все интеллектуальные профессии. В бараках можно было встретить инженеров, учителей, врачей, писателей, художников, композиторов, архитекторов, юристов, ученых, профессиональных военных. На трассе несколько лет работал настоящий передвижной театр, труппа которого была целиком составлена из артистов-профессионалов, осужденных по 58-й статье. Лагерь Мертвой дороги прошли известный режиссер Л. Оболенский, дирижер Н.

Чернытинский, пианист В. Топилин, знаменитые спортсмены братья Старостины. Далеко не всем профессионалам находилось место по специальности. Большинство из них, пока хватало сил, проводили свой срок на общих работах — с тачкой и лопатой.

Остающиеся чуть менее 35% узников лагерей составляли лица, осужденные по уголовным статьям. Столь большой процент блатарей был настоящим бедствием для политических заключенных. Над ними издевались, их подвергали террору, грабили, а то и убивали. Уголовники, как правило, были совершенно непривычны к труду, презирали трудовые интересы и отношения. Они правдами и неправдами старались увильнуть от работы, присвоить результаты чужого труда, вытеснить политических на более тяжелые рабочие места. Уголовная элита — так называемые воры в законе — вообще не участвовала в общих работах. Лагерная администрация относилась к таким явлениям весьма терпимо, поскольку террор, которому уголовники подвергали политических, рассматривался ею как важная часть мероприятий по поддержанию внутрилагерной и трудовой дисциплины.

Методы террора на Мертвой дороге администрация ГУЛАГа разнообразила поощрением трудового энтузиазма. За выполнение особо срочных заданий заключенных, бывало, награждали дополнительными продуктами, махоркой или даже спиртом. На Мертвой дороге между зэками проводили и так называемое социалистическое соревнование. Бригады рабочих принимали на себя «социалистические обязательства», затем начальство подводило итоги, и полуголодных, ободренных победителей тут же за оградой из колючей проволоки премировали дополнительным пайком. В соответствии с пропагандистскими заверениями коммунистического руководства СССР, социалистическое соревнование являлось одним из главных стимулов к труду при социализме. Эффективность этого стимула представляется нам сомнительной. И на воле, и за колючей проволокой соревнование обычно сводилось к припискам и подтасовкам. Но коммунистическая партия упрямоставляла социалистически «соревноваться» всю советскую страну. В том числе и лагерное начальство обязано было «вовлечь» в социалистическое соревнование своих бесправных подопечных.

Но самым удивительным было то, что в попытках добиться от зэков эффективной работы руководство ГУЛАГа, обычно старавшееся не допустить досрочного освобождения заключенного и даже, при первой возможности, добавить ему новый срок, на Мертвой дороге решилось возобновить забытую с довоенных времен систему зачетов, по которой за перевыполнение дневного задания и при условии соблюдения режимных правил день лагерного срока зачитывался заключенному за два, а то и за три. Это нововведение дей-

ствительно вызвало у эзков энтузиазм! Неспыханное дело — в 1947 году по сети лагерей ГУЛАГа был объявлен добровольный набор заключенных на строительство Мертвой дороги. Тысячи долгосрочников со всей страны потянулись на суровый Север за желанной скорой свободой. Потянулись, конечно, этапами да пересыльными тюрьмами, под окрики охраны и лай сторожевых собак. Потому что для заключенных, пусть даже строителей-добровольцев, иной способ передвижения гулаговским режимом не был предусмотрен. В то же время на Мертвую дорогу, разумеется, не спрашивая согласия, гнали обычным порядком свежие этапы советских граждан, только что осужденных сталинскими судами на долгосрочное рабство ГУЛАГа. В начале 1948 года затеянная было чекистами игра в добровольцев закончилась: руководство ГУЛАГа разослало приказ очистить лагеря центральных районов от политических, и заключенных погнали строить Мертвую дорогу. Что касается зачетов, их то отменяли, то вновь вводили.

Офицеры охраны МВД и приезжие вольнонаемные строители пользовались, по сравнению с обычными советскими гражданами, значительными привилегиями. Для привлечения этих кадров на строительство сталинское государство установило им продолжительные отпуска, наивысший северный коэффициент (то есть платило двойной оклад по соответствующей специальности), а также ввело 10% прибавки к жалованью каждые полгода. И все же житье у них на Мертвой дороге было, большей частью, собачье. С семьями или без, годами ютились они, по сути дела, в тех же бараках, что и заключенные, — в районе, где о каких-либо бытовых удобствах не могло быть речи. Хотя в отношении этой категории работников социалистическое государство твердо держало свои обещания, качество их тогдашней жизни можно считать высоким лишь в сравнении с чудовищной нищетой, на которую коммунистический режим обрек подавляющее большинство остальных своих граждан.

Следует отметить, что большинство вольнонаемных строителей попадало на Мертвую дорогу совсем не добровольно. Их вербовали из высланных в Сибирь так называемых спецпереселенцев — классово чуждых лиц, лиц нежелательного происхождения (например, немецкого), освободившихся эзков и ссыльных, которые оседали в этой глуши, понимая, что возвращение в родные места с их документами может привлечь к ним внимание чекистов и кончиться новым арестом и новым сроком.

Далеко не всем заключенным строителям удавалось дожить даже до такого частичного освобождения. Правда, ситуация на Мертвой дороге существенно отличалась в лучшую сторону от положения на других сталинских стройках. Так А. Антонов-Овсеенко, прошедший лагерь ГУЛЖДС соседней трассы Котлас—Воркута, свидетельствует о том, что в этих сталинских лагерях конца 30-х — середины 40-х годов (как, впрочем, и в гитлеровских) эзк выдерживал на общих работах, в среднем, не более трех месяцев подряд. Наиболее живучие попадали затем в лазарет, чтобы спустя некоторое время вернуться в бригаду. Второй срыв обычно кончался похоронами, если можно так назвать процедуру, когда умершего без гроба просто бросали в яму, прицепив к ноге бирку с номером по формуляру — так назывался лагерный «паспорт», хранившийся у начальства и всюду сопровождавший заключенного в его скитаниях по ГУЛАГа. Насчитав двести трупов, могильщики забрасывали яму комьями мерзлой земли.

По свидетельству Л. Шерешевского, в лагерях ГУЛЖДС на трассе Салехард—Игарка смертность была ниже. Похожая в целом процедура «похорон» проводилась здесь более индивидуально. Зарывали эзков иногда даже поодиночке, а на бирке, кроме номера умершего, указывались еще и установочные данные — фамилия, возраст, статья и срок. На могиле, будь она на лагерьном кладбище или просто возле дороги, ставили колышек с дощечкой, на которой изображался условный шифр из букв и цифр, похожий на автомобильный номер. В сейфе спецчасти в особой папке для отчетности составлялся перечень этих номеров и фамилий умерших.

Эти и другие данные отчетности в примитивно зашифрованном виде сообщались начальству по селекторной связи.

Доведенные до отчаяния условиями лагеря, некоторые заключенные решались на отчаянный шаг — бежать. По существу, это граничило с безумием. Куда бежать, если вокруг лежат пространства огромной страны, превращенной Сталиным в тот же трудовой лагерь, напшигованный чекистскими осведомителями, разве что с режимом слегка вольнее. Как убежишь, когда на сотни километров простирается кругом бесплодная и враждебная жизни земля севера Сибири? Лишь узенькая полоска трассы тянется через тундру. Психологически человек всем существом держится за эту ниточку, связывающую его с жизнью, с надеждой на более светлое будущее. Сколь же невыносимо тяжел должен был быть режим тех лагерей, чтобы заключенный решился бежать, обрекая себя почти на верную смерть. Конечно, беглецов большей частью ловили. Бывало, что они возвращались сами, предпочитая суровое наказание голодной смерти.

С точки зрения демократии и прав человека подобное обращение государства со своими подданными выглядит откровенным издевательством, действием, направленным только на бессмысленное причинение им вреда. Однако анализируя факты в контексте советской истории, начинаешь понимать, что на этой последней своей «великой сталинской стройке» Совет Министров СССР и руководство ГУЛАГа, не скупясь на технику и инвестиции, действительно пытались организовать эффективный труд строителей. Вдохновляемые насильственной идеологией большевизма, они просто не представляли себе лучшего способа решать народнохозяйственные задачи, как только загоняя работников в квадраты из колючей проволоки, отнимая у них права и волю, экономя на их одежде, зарплате и питании. Казалось бы, неограниченное поступление бесплатной рабочей силы, отсутствие текучести кадров, более продолжительный, чем на воле, 9-часовой рабочий день, работа без выходных, жесткая лагерная дисциплина и ничтожные расходы на содержание работников под охраной должны были явить всему миру чудо эффективности коммунистического способа производства... Но чудо не состоялось.

Смерть Сталина в марте 1953 года ознаменовала конец бессмысленного строительства. Как уже говорилось, оно было остановлено постановлением ЦМ СССР. Тем же постановлением были свернуты, как «не вызванные нуждами на-

ФОТО АЛЕКСАНДРА ВОЛОГОДСКОГО

родного хозяйства», и другие «великие стройки» ГУЛАГа: Главный Туркменский канал, Самотечный канал Волга—Урал, Волга—Балтийский водный путь, гидроузел на Нижнем Дону, Усть-Донецкий порт, дорога Комсомольск—Победино — всего более 20 крупных транспортных и гидротехнических объектов. Это и другие постановления СМ отражали серьезные изменения в структуре советского государственного управления. Так, постановление Совмина от 18 марта 1953 года предусматривало передачу большинства лагерей ГУЛАГа в ведение союзного Минюста. Строительные Главки МВД переходили под начало соответствующих гражданских министерств. 27 марта Верховный Совет СССР издал указ об амнистии, которой подлежало более миллиона заключенных ГУЛАГа. Одновременно были сняты паспортные и режимные ограничения в 340 советских городах.

В 1956 году Никита Хрущев осторожно осудил сталинизм и приоткрыл завесу, скрывавшую до той поры масштабы деятельности системы лагерей. Началось освобождение политических заключенных, которых амнистия 1953 года большей частью обошла стороной. Было принципиально переработано уголовное законодательство, дававшее теперь гражданам значительно большие гарантии защиты от судебного произвола. Там не менее, попав за колючую проволоку, осужденный встречал в лагере обстановку, весьма похожую на прежнюю, сталинскую.

После отстранения Н. Хрущева в 1964 году от власти идея ГУЛАГа претерпела существенные изменения. Разумеется, коммунистическая система и не думала отказываться от применения принудительного труда и содержания заключенных в скотских условиях. Однако на новом этапе социализма, в связи с сокращением финансирования «великих» строек и опасениями отрицательной международной реакции, на передний план, вместо попыток сделать рабский труд сверхэффективным, пришла sereneкая мысль добиться хотя бы самокупаемости системы лагерей. Разработке этого принципа длительное время были посвящены творческие усилия специалистов КГБ и МВД, в последние годы применявших для достижения этой заветной цели новейшую вычислительную технику.

Использование компьютеров в деле повышения эффективности рабского труда дало наконец желаемый эффект. Двух с половиной миллионная армия эзков стала самокупаема трудиться на благо своей социалистической родины. Однако рабовладельческая суть советской пенитенциарной системы продолжала оставаться нетронутой даже после шести лет горбачевской перестройки. Советский социализм упрямо старался держаться сталинского направления, наказывая людей трудом. А не желающим работать за тарелку похлебки грозил лагерным карцером с голодным пайком.

В советских экономических сводках доля продукта, произведенного руками невольников, никак не была обозначена. Судя по многим признакам, она была мала. Известно, например, что часть подъяра по прокладке Байкало—Амурской магистрали, вновь затеянной уже в брежневские времена, получил, как и прежде, ГУЛАГ, только теперь его невольников советская пропаганда именвала комсомольцами-добровольцами.

Представляется очень вероятным, что с изделиями современных рабов советские люди встречались в быту ежедневно, поскольку ГУЛАГ производил множество вполне домашних товаров: мебель, стекло, цемент, кирпич, широкий ассортимент скобяных изделий и стройматериалов. Свой продукт эта невольничья фирма скромно не помечала специальным товарным знаком...

Итог

Вернемся к самой Мертвой дороге. Прежде чем поставить точку в ее истории, нам хотелось представить себе масштабы ущерба, нанесенного народному хозяйству СССР бесславной строительной эпопеей сталинского руководства. Сделать такую оценку совсем не просто, но попробуем хотя бы наметить пути, на которых нужно искать ответ.

Как уже говорилось, расчеты экспертов МВД СССР, проектировавших трассу Чум—Салехард—Игарка, приводили к исчислению затрат по госрасценкам в сумме более 6 миллиардов рублей. Освоение этих денег предполагалось осуществить в срок около 4 лет. Для того чтобы осознать, сколь велика была эта сумма для тогдашнего Советского Союза, достаточно заметить, что она составляла 12,5% капитальных вложений СССР в железнодорожное строительство за пятилетку 1946—1950 годов и составляла около 2% всех капитальных вложений СССР за тот же период!

К 1953 году строители сумели освоить более половины этих средств, которые, как оказалось в итоге, были выброшены на ветер. Эту бессмысленную трату нельзя рассматривать как дорогостоящую причуду процветающей сверхдержавы. Деньги были изъяты сталинскими вождями из нищенского бюджета разоренной войной страны и потому оказались безвозвратно утраченными для действительно насущных программ восстановления народного хозяйства СССР.

Полный расчет ущерба должен, кроме того, учитывать и другой очень существенный момент: истраченные впустую деньги, будучи разумно инвестированными в производство или развитие транспорта, принесли бы государству доход, который мог за время эксплуатации предприятия составить сотни процентов. Недополучение этого потенциального дохода следует приплюсовывать к уже рассчитанным затратам. При таком подсчете видно, что

последствия одной только этой «великой стройки» должны были ощущаться народным хозяйством СССР десятилетия спустя, а суммарные убытки от нее, вероятно, исчислялись десятком и более миллиардов рублей.

Но и этой величиной не исчерпать урона, нанесенного стране сталинской строительной авантюрой. Рабы ГУЛАГа — простые советские граждане, их навыки, инициатива, по существу, оказались потерянными для общества на долгие годы, если не навсегда. Оставаясь на свободе, они принесли бы обществу пользу, которую в неволе принести не сумели. Как учитывали проектировщики «великих строек» эти соображения в своих расчетах? Какой величиной могли они оценить неимоверные страдания заключенных строителей Мертвой дороги, их бессмысленный изнурительный труд, их загубленное здоровье и жизни, вдовство жен, сиротство детей? Ничтоже сумняшеся, коммунистические временщики приравняли все эти издержки к нулю.

Сказанное относится в полной мере и к другим сталинским эпопеям. Каждая «стройка века», затеянная коммунистическими правителями, причиняла народному хозяйству страны вполне определенный и весьма ощутимый вред, скрывавшийся от населения и окружающего мира средствами партийной пропаганды, усилиями аппарата секретной полиции ОГПУ—МГБ—КГБ и намеренно поддерживавшейся диспропорцией цен в экономике. Около двадцати крупных строек сталинского ГУЛАГа так и остались незавершенными. Сложите огромные растраниженные коммунистами суммы, которые никогда не вернутся людям, и вы поймете, почему одна из богатейших стран мира десятилетиями не могла выбраться из голода и нищеты.

На путешественника, попадающего сегодня в район Мертвой дороги Салехард—Игарка, открывающиеся пейзажи производят сюрреалистическое впечатление. В густом мелколесье, выросшем вдоль дороги за истекшие почти 40 лет, взгляд то и дело наталкивается на самые неожиданные для этих безлюдных мест предметы, начиная с посуды и настольных швейных машинок, и кончая огромными изъеденными коррозией паровозами. Сквозь листву проступают окруженные колючей проволокой полуразрушенные лагеря, мертвые поселки, фантастические очертания пустынного города Ермаково. Поросшая кустарником насыпь с кривыми ржавыми рельсами и развалившимися мостами уходит вперед до самого горизонта. Двигаясь вдоль этой дороги день за днем, километр за километром, все яснее осознаешь, сколь велика была разрушительная сила безумных большевистских идей. Идей, которые намеревались до основания разрушить весь мир...

Москва

Томаш КИЗНЫ

**"Я убедился,
в каком аду
строили
заключенные
эту дорогу..."**

**Фоторепортаж
с "Мертвой дороги"**

1. Железнодорожный путь, деформированный вечной мерзлотой. Май 1991 г.
2. Караульно-сторожевая вышка лагерной охраны. Май 1991 г.
3. "Мертвая дорога". Май 1991 г.
4. Брошенный локомотив. Июль 1990 г.
5. Инженеры посещают временную ж/д, построенную для транспортировки материалов (3 рельса?!). 1949-1953 гг., фотограф неизвестен.
6. Зброшенный ГУЛАГовский лагерь принудработ. Май 1991 г.
7. Груда мисок эков в одном из лагерей. Июль 1990 г.
8. Лозунги в лагерной культурно-воспитательной части (КВЧ). Июль 1990 г.

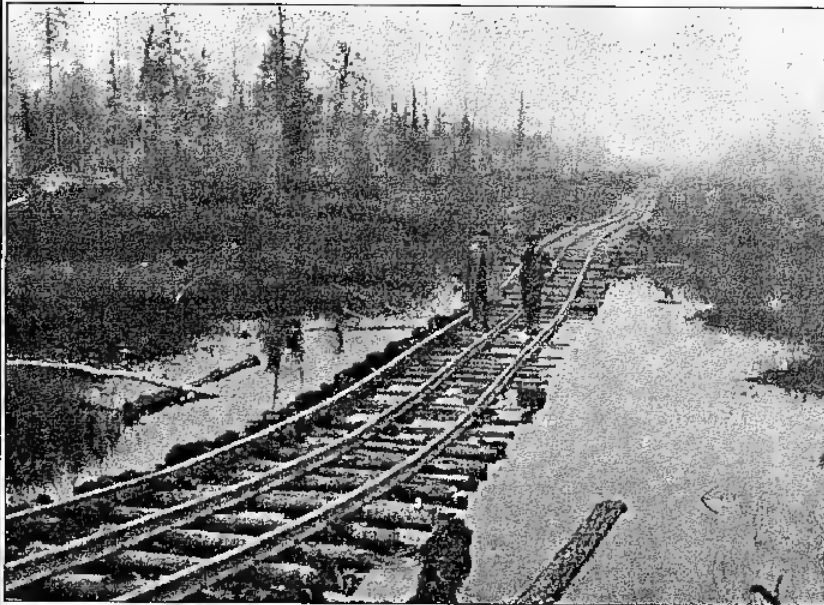

С Томашем КИЗНЫ
беседует Юлия Середа.

— Томаш, что, все-таки, для вас главное — фотография или путешествия?

— Главное — случай. Однажды я встретился с интереснейшим человеком, Александром Владимировичем Вологодским. От него я узнал, что где-то на Севере, вдоль Енисея, есть заброшенная железная дорога, которую строили зэки в конце сороковых — начале пятидесятых годов. Рассказывали, что вдоль трассы сохранились лагеря. Тогда это показалось невероятным. И мне, конечно же, очень захотелось все это увидеть. Тем более, что этот район достаточно труднодоступен, но всей трассе Мертвой дороги никто не проходил, кроме трех экспедиций Вологодского.

— Как выглядела ваша экспедиция? Ведь заброска в этот район — странно сложное и дорогое дело.

— В мае 1991 года я был в Салехарде, где познакомился с замечательными людьми из местного краеведческого музея, которые мне дали много интересных материалов по истории Мертвой дороги. Я обследовал участок дороги в районе Салехарда, но серьезной экспедиции по западному участку, то есть по "501-й стройке", не было.

— Восточный район Мертвой дороги тяжелее для экспедиционного исследования?

— Не думаю. Мне кажется, что оба эти участка достаточно трудны. Они за Полярным кругом. Салехард — город, который лежит точно на Полярном круге. Его жители этим очень гордятся и считают свой город из-за этого уникальным. Это, конечно, не совсем так. Ермаково, город, который возник во время строительства Мертвой дороги, так же лежит точно на Поляр-

— Самая большая проблема была в том, что я — иностранец. Тогда, во время первой нашей экспедиции, в июле 1989 года, на иностранцев «косились». И для поездки в такой район необходимо было получить специальное разрешение. Чуть раньше из-за отсутствия такой бумаги гебешники меня попросту вышвырнули из Воркуты.

К нашему удивлению, в московском УВИРе довольно благосклонно отнеслись к экспедиции "Мемориала" и необходимые разрешения были быстро получены. Я положил картонку с печатью в карман и забыл о ней. За все время экспедиции никто ни разу не поинтересовался этим разрешением.

Из Москвы в Норильск мы летели "Аэрофлотом". В Норильске пересели на "АН-10" до Игарки, где арендовали вертолет. Дело в том, что на некоторые участки мертвой дороги попасть очень сложно — только мотолодкой или вертолетом. Две наши экспедиции проходили по восточному участку дороги, который в сталинские времена назывался "стройкой 503".

— А на западном участке, который шел от Салехарда, вы были?

ном круге. Во времена стройки там жило около 15 тысяч человек, сейчас там живет один человек — рыбак Борис Кочурин.

А условия действительно казались нам страшными, потому что вертолет забросил нас на 50 километров от берега Енисея и мы шли пешком с Александром Вологодским и Эрнстом Ивановым в сторону реки. Искать лагеря было довольно непросто, потому что они находятся в 300–400 метрах от самой дороги, там все уже заросло. Экспедиция была летом, жара стояла невыносимая, до 35 градусов, очень высокая влажность, духота. И главная достопримечательность тех мест — гнус. Я себе и представить не мог, что это может быть так опасно — лесотундровые кровососущие. Если тщательно не подготовиться к встрече с такой достопримечательностью, все может закончиться весьма плачевно.

Для меня экспедиция по Мертвой дороге была очень важным эпизодом жизни. Я убедился, в каком глупом строении заключены эту дорогу. Идти пришлось в сапогах, так как там очень много болот. Постоянно промокшие ноги плюс жара — в результате отеки, потертости. Фотографировать из-за гнуса было невероятно сложно. Ведь надо выставить резкость, экспозицию, оценить композицию кадра. А в это время тебя просто поедом жрут. Каждый кадр давался усиленным волею.

Через неделю, когда мы вышли к опустевшему городу Ермаково, нас просто шатало. Посмотри, сказал я Саше Вологодскому, прошло только 7 дней, а мы уже доходяги... А люди здесь работали месячами, годами. Зимой морозы более 50 градусов... Как заключенные могли выдержать все это, для меня остается загадкой...

Вроцлав-Москва.

Я хотел бы поблагодарить господина Владимира Вадимовича Вологодского, научного сотрудника Института молекулярной генетики в Москве, члена общества "Мемориал", который последние несколько лет посвятил "Мертвой дороге". Экспедиция на "Мертвую Дорогу" была бы невозможной без помощи и личного участия господина Владимира Вадимовича Вологодского.

Я также хотел бы поблагодарить господина Эрика Григорьевича Иванова, который провел научные исследования в архивах фотографий и принял участие в экспедиции.

Экспедиции на "Мертвую Дорогу" были организованы с помощью московского "Мемориала".

Томаш КИЗНЫ.

ЛЕТЯТ УТКИ

С севера, с острова Жестова,
Птицы летят,
Шестеро, шестеро, шестеро
Серых утят...

Шестеро, шестеро
К югу летят.

—Хватит хмуриться,
хватит злобиться,

Воротить вораха былого...

Но когда по ночам приходит бессонница—

Мне на память приходит снова:

Мутный за тайгу

Ползет закат,

Стрелял на снегу

Пятьсот зека.

Ветер мокрый хлестал мочалкою.

То пактывал, то отканывал,

И толял вертухай с овчаркою

И такую нам ричь закатывал:

«Ворон, растудить твою, не выключит,

Глаз, растудить твою, ворону.

Но ежели кто закосит,

То мордой в снег.

И прощу, растудить твою, запомнить,

Что каждый шаг в сторону

Будет, растудить твою,

рассматриваться,

Как, растудить твою, побег!»

Вьюга полярная спячила,

Вьет паузяд?

А пятеро, пятеро, пятеро

Дальше летят...

Пятеро, пятеро

К югу летят.

Ну, а может, и впрямь бессовестно

Повторяться из слова в слово?

Но когда по ночам бессонница,

Мне на память приходит снова:

Не косят, не корчатся

Зека в снегах,

Разговор про творчество

Идет в верхах.

Репортеры сверкали лицами,

Кремом бритвенным пихла харя,

Говорил вертухай прилизанный,

Не прохожий на вертухай:

«Ворон, извиняюсь, не выключит,

Глаз, извиняюсь, ворону,

Но все ли сердцем усвоили,

Чему учил нас илярек?

И прощу, извиняюсь, запомнить,

Что каждый шаг в сторону

Будет, извиняюсь, рассматриваться,

Как, извиняюсь, побег!»

Грянул прищельно, с подветренной —

В сердце заряд.

А четверо, четверо, четверо

Дальше летят...

И если долетит хоть один,

Если даже никто не долетит,

Все равно стоило,

Надо было лететь!

Александр ГАЛИЧ

Инга МИХАЙЛОВСКАЯ

О парламентском контроле над спецслужбами

Эта статья — попытка изложить в логической упорядоченности ту правовую базу, на основе которой действуют органы безопасности и иные органы, называемые спецслужбами, отличительной чертой которых является осуществление тайной, негласной деятельности; это также размышление о том, что можно сделать в наших условиях, чтобы расширить гарантии контроля за соответствием деятельности всех этих спецслужб Закону.

Для начала — даты. 5 марта 1992 года был принят Закон о безопасности. Он имел слишком декларативный для закона характер, но содержал очень широкую и очень привлекательную концепцию безопасности, где на первом месте личность, на втором — общество, а государство, вообще — только на третьем. Закон этот глобально определял объекты безопасности. Это личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Вот с чего начиналась регламентация безопасности в законодательстве. Для непосредственного выполнения функций по обеспечению безопасности личности, общества, государства этим законом предписывалось в системе исполнительной власти образовать государственные органы обеспечения безопасности. Не государственные органы безопасности, а государственные органы обеспечения безопасности. И там же есть четкая формулировка, согласно которой при обеспечении безопасности не допускается ограничение прав и свобод граждан, за исключением случаев, прямо указанных в Законе. Кроме того, было сказано, что основным субъектом обеспечения безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной властей, т.е. все государство в целом.

Надо отметить, что Закон вводит и такой термин, как силы обеспечения безопасности. Наряду с силовыми структурами (МВД, МБ и войска, в том числе пограничные и внутренние) названы органы, обеспечивающие безопасное ведение работ в промышленности, в энергетике, на транспорте, в сельском хозяйстве, а также служба обеспечения безопасности средств связи, природоохранные органы, органы охраны здоровья населения и другие.

Во второй части Закон содержит более или менее конкретные нормы, а первая — такая хорошая, правда, ущербная в плане юридической формы — утопия! Никаких спецслужб, здравоохранение — в ряду органов безопасности, одним словом, идеальное общество далекого будущего.

19 марта 1992 года принимается За-

кон об оперативно-розыскной деятельности, который ее надлежащим образом регламентирует (до этого она регулировалась только секретными ведомственными актами).

Итак, сначала дается общая концепция, потом берется конкретная деятельность — оперативно-розыскная, традиционно привязываемая нами к уголовной юстиции (выявление, раскрытие преступлений). У американцев есть термин «полцейская разведка», т.е. понятие разведки и контрразведки они распространяют на негласную деятельность полиции. Наш же закон об оперативно-розыскной деятельности не регламентировал использование негласных средств получения информации разведывательными и контрразведывательными службами. Очевидно, что разведка и контрразведка не могут быть полностью отождествлены с деятельностью по раскрытию преступлений. И та и другая могут быть не связаны ни с какими преступлениями, а осуществляться ради сбора определенной информации, проведения тех или иных операций за пределами России и т.д.

После того, как был принят Закон об оперативно-розыскной деятельности, начали принимать законы о конкретных органах. 8 июля 1992 года — о внешней разведке, 8 августа — о федеральных органах государственной безопасности.

Здесь возникает вопрос о критериях издания закона. Если мы в качестве критерия выбираем вид деятельности, то такой подход дает возможность создавать огромное количество органов и разделять их правом вести эту деятельность. Если же мы в качестве критерия выбираем орган, происходит следующее. Принимая законы о конкретных органах (скажем, о федеральных органах государственной безопасности), мы можем «забыть на минуточку» о тех ограничениях в сфере и методах функционирования спецслужб, которые заложены в концептуальном и благообразном Законе о безопасности и «привязанном» к борьбе с преступностью Законе об оперативно-розыскной деятельности, и в «своем» законе о конкретном органе права и область деятельности данного органа значительно расширить.

Вот только один пример. Согласно Закону об оперативно-розыскной деятельности может быть только одно основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий: какая-то информация о преступлении, которое нужно раскрыть, или же поиск без вести пропавших лиц. И все. Но Закон о федеральных органах государственной безопасности не может ограничиться только этим (что, по существу, традиционно входит в задачи уголовной юстиции). Не может, потому что у органов безопасности есть еще специфические собственные задачи, напри-

мер, разведка и контрразведка. И эти задачи, естественно, получили закрепление в Законе. В частности, в ст. 2, п. «б», формулирующей задачи органов государственной безопасности, указывается на такую цель деятельности, как добывание разведывательной информации об угрозах безопасности Российской Федерации. В этом же пункте в качестве целей деятельности органов государственной безопасности указаны борьба с терроризмом, выявление, предупреждение, пресечение преступлений во взаимодействии с органами прокуратуры, внутренних дел по борьбе с организованной преступностью, коррупцией, наркобизнесом.

Следует отметить одну маленькую деталь. Дело в том, что, с одной стороны, в Законе сказано, что федеральные органы безопасности занимаются раскрытием преступлений, которые отнесены к их ведению. Но наряду с этим, в нарушение Уголовно-процессуального закона, появилось положение, что они все это могут делать еще и содействуя прокуратуре или органам внутренних дел. А это не процессуальное и трудно уловимое законом понятие — содействие. Это во-первых. Во-вторых, виды деяний описаны не уголовно-правовым языком. Что такое терроризм? Террористический акт? Есть такое преступление, но в пункте «а» второй статьи оно уже отнесено к ведению органов государственной безопасности, зачем повторять? Дальше. Наркобизнес — это понятие не уголовно-правовое. Надо тогда перечислить конкретные статьи, которые мы собираемся отнести к сфере деятельности органов безопасности.

Организованная преступность. О ней говорится очень много. Люди уже боятся на улицу выходить, но никто не знает на самом деле, что это такое. В Уголовном законе отсутствуют составы преступлений, описывающие деяния, совокупность которых и составляет организованную преступность. Более того, наша организованная преступность и организованная преступность на Западе — это совершенно не совпадающие явления. Потому что в тоталитарном государстве только одна структура могла быть организованной, и стержнем организованных противоправных деяний всегда были органы власти. На Западе же организованная преступность паразитировала на тех сферах деятельности, которые запрещены законом — проституции, торговле наркотиками и т.п. А у нас? Кофточки делала левые цеха. Что это за организованная преступность? Это просто «восполнение» нашей сумасшедшей экономики, без которого она и дня бы не прожила. Но мы отвлеклись.

Из всего сказанного ясно, что согласно действующему закону «О федераль-

ных органах государственной безопасности» основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий становятся фактически беспредельными. Такова правовая база, с которой мы живем сейчас.

Эта правовая неопределенность, эти «резиновые» рамки дают основания Министерству Безопасности, предлагать различные законопроекты, которые, ставя точки над *i*, возвращают нас к исходному положению. И можно забыть про тот чудесный Закон о безопасности, где все было написано так красиво.

Сейчас в Парламенте на рассмотрении находятся два законопроекта, которые предлагают очень «интересные» вещи. Такие, например, как расширение сферы негласной деятельности органов безопасности по сравнению с той, что определена законом сейчас. Например, поиск «любых угроз» безопасности дает право применить негласные методы для получения информации фактически по усмотрению самих «органов»; или такое основание для проведения оперативно-розыскных мероприятий, как «обеспечение режима специальной безопасности на объектах повышенной экологической опасности и в их окружении». Ведь под это определение все может подойти! Или «обеспечение безопасности и готовности к функционированию в военное время и в условиях чрезвычайной положения пунктов управления государством и вооруженными силами Российской Федерации».

Законопроекты предполагают организационно-структурное расширение системы органов государственной безопасности. Расширятся понятие командировки в другие органы. «В целях решения задач обеспечения безопасности Российской Федерации к органам государственной власти и управления — министерствам, ведомствам, предприятиям, учреждениям, организациям — независимо от форм собственности, могут быть прикомандированы сотрудники федеральных органов государственной безопасности». В действующем законе командировки тоже предусмотрены, но там сказано: с согласия этих органов управления. По новому же проекту никакого согласия не требуется, и, более того, если предприятие отказывается принять сотрудника безопасности, значит оно нарушает обязанность оказывать содействие федеральным органам безопасности в решении возложенных на них задач, а эта обязанность — оказывать содействие — проектом тоже закрепляется.

В этом законопроекте имеют место сужение конституционных гарантий прав граждан и попытка введения цензуры. Там очень интересно сказано по этому поводу: любой человек, который написал что-либо, касающееся КГБ, имеет право требовать от них экспертизы написанного. Если они разрешат, можно публиковать. А если не разрешат, а он опубликует, или вообще не станет обращаться за экспертизой, то его привлекут за разглашение государственной тайны. Причем, одновременно существует проект закона «О государственной тайне», где четкого

перечня сведений, составляющих государственную тайну, нет, лишь названы категории информации — такие расплывчатые, что всегда можно найти основания, чтобы обвинить человека в «разглашении».

В общем, остается только надеяться, что эти законопроекты парламентом приняты не будут. Видимо и сами их авторы понимают, что общественность и средства массовой информации мимо них не пройдут.

Возникает вопрос: есть ли смысл в этой ситуации вводить такой дополнительный механизм, контролирующей работу органов госбезопасности, как парламентский контроль? С одной стороны, все плохо: и парламент плох, и занят он, главным образом, борьбой с исполнительной властью, и в Комитете по вопросам обороны и безопасности, в основном, товарищи этой же профессии, не порвавшие уз с родным ведомством, — так есть ли смысл? Я, тем не менее, думаю, что смысл есть. Но надо принять закон «О контроле Верховного Совета за деятельностью спецслужб» (Комитет по правам человека уже предложил параллельный законопроект), суть которого сводилась бы вот к чему: следует создать особый, специальный комитет, который занимался бы исключительно таким контролем. А формироваться он может следующим образом: уже существуют комитеты в Парламенте — хорошие или плохие — от них никуда не деться. В контрольный орган должны войти по два человека от ряда комитетов, причем этих людей выбирает каждый комитет, и один идет от большинства, а другой представляет меньшинство членов того же самого комитета. Партийный принцип формирования этого органа нам в данный момент не подходит. Нельзя же, в самом деле, все фракции, которые существуют в парламенте, считать за партии. Вот когда выборы в парламент пройдут по партийному принципу, тогда этот подход будет применим и к формированию комитета.

В законопроекте расписаны задачи контролирующего комитета, в том числе бюджетный контроль. Это, надо сказать,

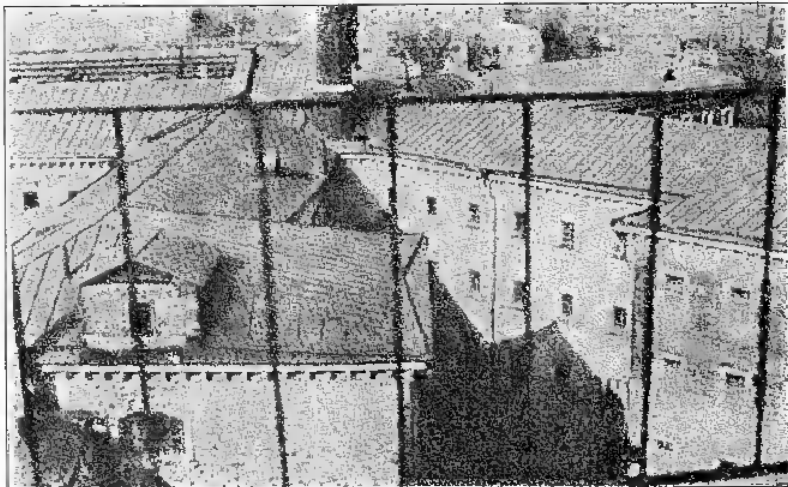
едва ли не самое сложное: в КГБ (а в ГРУ, может быть, еще сильнее), как ни в одной другой организации тщательно зашифровано, какое количество средств куда идет. Парламент же должен знать, какие деньги идут на зарплату, какие — на техническое обеспечение и прочее, и в каком соотношении это меняется.

Еще один важный момент. Законом предусматривается процедура создания комиссии по расследованию деятельности органов госбезопасности. Да, после августа 91-го такая комиссия уже создавалась. Но в ее заключении очень «хорошо» сказано, что хотя органы безопасности пережили очень тяжелый нравственный кризис, теперь они всем сердцем за демократию, готовы поддерживать... и т.д. Едва ли такой результат работы комиссии можно считать удовлетворительным.

Итак, для спецслужб, которые имеют право негласно заниматься сбором и обработкой информации (негласно! — потому они и СПЕЦслужбы) механизма контроля исполнительной власти недостаточно. Для гарантии предупреждения произвола с их стороны необходима еще и парламентская форма контроля, хотя я не завидую подконтрольному, который окажется под этими двумя воздействиями, особенно если учесть нынешние взаимоотношения исполнительной и законодательной власти в России.

Закон о парламентском контроле, проект которого подготовил Комитет по правам человека, не исключает и форм общественного контроля за деятельностью спецслужб, эффективность которого зависит от того, сколь быстро у нас будет создаваться гражданское общество, сколь быстро люди будут становиться полноправными собственниками — все «супирается», в конце концов, в процесс социально-экономических и политических преобразований. И, хотя мы справедливо говорим, что и это плохо, и то плохо, тем не менее, я думаю, что всегда есть почва для небольшого (именно небольшого — не надо себя тешить иллюзиями) продвижения вперед.

Москва

Секретный изолятор КГБ в Лефортово.

Владимир РУБАНОВ:

“Важно, в каком направлении мы движемся”

Спецслужбы и проблемы национальной безопасности
(По материалам доклада на международной конференции
КГБ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА)

Владимир Арсентьевич Рубанов, полковник КГБ в отставке. Работал в управлении КГБ, которое занималось вопросами информации. В 1989 году опубликовал в журнале «Международная жизнь» статью, в которой говорилось о том, что КГБ представляет угрозу другим государствам, и под это, в угоду военно-промышленному комплексу, строится наша внешняя политика. После публикации был вынужден уйти из Комитета. Вернулся в КГБ, когда туда пришел Вадим Бахатин, был назначен начальником аналитического управления КГБ СССР. Сейчас возглавляет частную консультационную фирму.

Проблемы законодательного регулирования деятельности спецслужб тесно связаны с процессом становления гражданского общества и правового государства. Право национальной безопасности — элемент общей правовой культуры. Общество столкнулось с явлением, известным со времен Французской революции: республику объявить не долго, где взять республиканцев? Демократию объявить не долго, где взять демократов? Сейчас, мне кажется, общество обладает ограниченным ресурсом людей, мыслящих свободно, мыслящих демократически.

Проблема национальной безопасности не сводится к проблеме спецслужб. Должна сформироваться новая правовая культура в сфере национальной безопасности.

Одна из проблем заключается в том, что процесс национальной идентификации России не завершен. Можно критиковать Закон о государственной безопасности, он того заслуживает, заслуживает он и своего названия. Дело в том, что должен существовать Закон о национальной безопасности, который формулирует именно право национальной безопасно-

сти. Именно такого типа законы реализуются для наций и государств. России это пока оказалось не под силу, не только, и даже не столько из-за того, что не хватило юридической техники и политической воли. Получился «закон о безопасности» потому, что в нашей раздираемой национальными противоречиями стране слово «национальной» оказалось настолько опасным, что сделали закон об абстрактной безопасности. Эта проблема имеет отношение не только к деятельности спецслужб, она, скорее, общеполитическая. Речь здесь идет не просто о словах. Дело в том, что, поскольку не произошло еще национальной идентификации России, и Закон о безопасности существует без прилагательного, имеется тенденция к трансформации права национальной безопасности в право государственной безопасности.

Понятие национальной безопасности содержит две составляющие: гражданскую и государственную. Как только мы отказались от термина «национальная безопасность», да еще отдели формирование законодательства государству, естественно, все сведется к проблеме государственной безопасности, что, собственно, и произошло. В этой связи я хотел бы напомнить изречение Льва Толстого; не важно, где мы находимся, важно, в каком направлении мы движемся. Нерешенность проблемы национальной безопасности приводит к тому, что Россия движется к тоталитаризму.

Итак, слова «национальной» в законе нет, но проблема существует и содержит в себе угрозу демократическим преобразованиям, угрозу возврата к тоталитарному режиму.

Право национальной безопасности базируется на понятии жизненно важных национальных интересов. Отказываясь от слова «национальной», мы делаем законодательство инструментальным, но не сущностным, выражающим именно роль и место национального развития в системе международных отношений. Возникает еще одна проблема: когда национальные интересы не являются результатом политического процесса, их начинают придумывать. И здесь закон о национальной безопасности, при всей незавершенности процесса национальной идентификации России, мог бы сыграть положительную роль, если бы он не занимался научным определением понятий, пока еще не получивших должного развития для дефиниции, а занялся бы процедурой определения национальных интересов.

В процессе подготовки, принятия и реализации Закона о безопасности нет главного — демократической процедуры.

Процесс законотворчества, по существу, отдан на откуп ведомствам и структурам власти, в которых действуют те же люди, что и прежде. Закон о государственной тайне, в частности, готовился в структурах исполнительной власти теми же людьми, которые охраняли тайны партийные, которые защищали диссертации о том, что основатель системы защиты секретов — В. И. Ленин. Речь не идет о том, что эти люди не могут изменить своих убеждений, а значит не могут быть экспертами. Но когда процедура не обеспечивает общественного и юридического контроля за подготовкой законодательства, появляются такие вещи, как прошлогодний Указ президента о защите государственных секретов. Дело в том, что 30.11.1990 года Комитетом конституционного надзора все акты, так или иначе затрагивающие права человека, были признаны незаконными, если они не публиковались. Когда появился Указ президента о защите государственных секретов, было не понятно, какой порядок он восстанавливал. То ли он принял заключение Комитета конституционного надзора о незаконности всех закрытых нормативных актов, то ли отменил решение Комитета конституционного надзора и восстановил антиконституционную практику. Я думаю, что этот случай свидетельствует и о попытках оставить все как есть, и о низкой юридической культуре президента. А, может быть, президента в очередной раз «подставили».

Законодательству в настоящий момент важно преодолеть идеологемы. Законодательство столкнулось с очень серьезной проблемой — проблемой отказа от прошлого. Дело не только в том, что необходимо изменить взгляды в вопросах национальной безопасности. Распад двухполюсной системы мира привел к необходимости сменить парадигму мышления. Преодоление конфронтации, отказ от образа врага, переход от концепции баланса сил к концепции баланса интересов предусматривают принципиально иной подход к формированию права национальной безопасности. С учетом этих изменений в международной жизни законодательства даже самых демократических государств устарели, они уже не отвечают тем международным отношениям, которые сложились на сегодня, и в этом смысле законодательства демократических государств для нас не указ. Россия может пойти дальше других государств, она имеет шанс выйти на мировую арену с прогрессивным законодательством.

Смена парадигмы мышления идет очень трудно, и в этом смысле бюрократ-

тия интернациональна. Я в США сталкивался с тем, что американцы, извиняясь, говорили: в наших спецслужбах работают такие же дуболомы, как и в ваших, и мы вынуждены это терпеть. Не стоит обольщаться демократичностью чужих спецслужб и брать с них пример. Следует не копировать чужой опыт, а, исходя из демократической идеи, преодолеть тоталитарное прошлое.

В 1991 году в окружении Буша родилась позитивная идея: необходимо перейти от системы безопасности конфронтационного типа, которая характерна для двухполюсного мира, к системе безопасности на основе сотрудничества. Но дальше идеи дело не пошло. Здесь нужны новые международные правовые регламентации права национальной безопасности, потому что сегодня разведка и контрразведка — это службы, изначально нацеленные на конфликтное взаимодействие.

Я понимаю реалии сегодняшнего дня, но необходимо уже сегодня наряду, а где-то и взамен, создавать структуры международного сотрудничества по вопросам общих угроз. Какие-то шаги делаются, в том числе и Министерством безопасности, но я хотел бы призвать представителей других государств к тому, чтобы процесс влияния на реформирование спецслужб через международно-правовое регулирование получил бы свое развитие. Старые структуры воспроизводят традиционные функции и генерируют прежние цели. Чем, например, может заниматься американский отдел в новом Министерстве безопасности? Я не хочу кого-то обвинять, дело в том, что политическими структурами Министерства безопасности цели толком не поставлены. Люди сами каким-то образом должны определяться. Поэтому у меня есть сильное подозрение, что проблемы с визами, которые возникли, связаны с тем, что некоторым службам надо как-то оправдать свое существование. Это, опять-таки, не проблема самих спецслужб. Дело в том, что у тех, кто имеет политическую власть на сегодня, нет достаточной политической воли для того, чтобы именно внешним воздействием проводить реформы спецслужб, четко ставить новые цели и задачи и помогать в реформировании, не преследуя целей наказания, унижения, разрушения. Я полагаю, что таким образом была бы оказана помощь большому количеству людей в этой структуре, которые заслуживают иного общественного отношения.

Поэтому преобразования должны носить не организационный характер, как сегодня. Они должны носить характер институциональный. Безопасность — понятие очень широкое, и ни в коем случае нельзя считать, что заниматься безопасностью должны исключительно спецслужбы. Комиссия академика Рыжова исходила из того, что именно через широту толкования понятия системы безопасности необходимо включить общество в обеспечение безопасности, включить общество в определение целей и задач, которыми должны заниматься спецслужбы,

Демонтаж памятника Дзержинскому уздания КГБ СССР.

а не так как сейчас: сначала объявлены широкие функции безопасности, а затем по этим функциям начинают разворачивать свою деятельность специальные службы. Когда мы говорим о спецслужбах, нужно говорить исключительно о функциях спецслужб — разведке и контрразведке. Можно говорить о разведке экономической, военной и других с четким определением роли и места того или иного вида спецслужб в обеспечении безопасности государства.

Я полагаю, что будущее КГБ, конечно же, не министерство, потому что министерство — это не спецслужба, а орган государственного управления по определению, хотим мы этого или не хотим. Примаков, как человек, более фундаментально подготовленный в общем плане, достаточно быстро это сообразил, и у него — служба внешней разведки. А контрразведка у нас — Министерство безопасности. Министерство. Для Конституционного суда, для любого юриста здесь достаточно оснований, чтобы отказать от сложившегося положения. Контрразведка — это оперативная служба, а не орган государственного управления — министерство, и, конечно же, не безопасность, потому что, еще раз повторю, безопасность — вопрос широкий и он не может быть передан исключительно специальным службам.

К вопросу организации. Совет безопасности задумывался как орган, который должен был скоординировать деятельность спецслужб и установить над ними контроль гражданских ведомств. Фактически этот орган должен выполнять роль политического мониторинга, взять у спецслужб информационную функцию, и т.д. Что же получилось на сегодняшний

день? Вместо структуры, обеспечивающей деятельность президента в сфере национальной безопасности, формируется структура, которая претендует на параллельную власть, в результате чего запутывается система управления. Кому должен подчиняться министр обороны, или министр безопасности — Черномырдину или Скокову? Если мы воспроизводим систему Совета безопасности США, то мы должны иметь в виду следующее: госсекретарь отвечает за внешнюю политику. Он один, и больше никто. Все остальные структуры ему помогают в обеспечении безопасности. Когда же создается межведомственная комиссия по международным вопросам, и во главе этой комиссии ставится секретарь Совета безопасности, у нас получаются две политики: политика Совета безопасности и политика Министерства иностранных дел, что, конечно же, не соответствует нормальным принципам управления.

Несколько слов о функциях службы безопасности. Необходимо четко ограничить круг явлений жизни общества, которыми должны заниматься службы безопасности, а также тех явлений, в которые они вмешиваться не должны. Одно из таких явлений — коммерческая тайна. Коммерческая тайна — это исключительно частное дело. Все дела, которые здесь возникают, должны рассматриваться только в порядке частного иска, а не публичного обвинения. Все попытки структур безопасности вмешаться в сферу частного права абсолютно не имеют правовой основы, они идут вразрез с мировой практикой.

Как показывает опыт зарубежных стран, негосударственная полиция, которая обеспечивает безопасность частных фирм, по численности примерно в два раза больше полиции государственной. Именно механизм взаимодействия негосударственных систем безопасности в промышленности и государственных органов безопасности и позволяет выбрать нормальную модель соединения частных и государственных интересов, позволяет эффективно вести борьбу с коррупцией, потому что «ворон ворону глаз не выклюет». Когда вопросами безопасности крупной частной фирмы занимается независимая служба безопасности, гарантий гораздо больше, нежели когда этим занимается служба государственная. Поэтому, я думаю, ресурсы Министерства безопасности, если таковые есть, следует постепенно трансформировать в сферу безопасности частного бизнеса.

Мне хочется напомнить мудрую мысль Стендаля: опираться можно только на то, что сопротивляется. Государству не следует в людях, которые сопротивляются, видеть только врагов, которые собираются что-то разрушить. Именно во взаимодействии, пусть даже конфликтном, может появиться та истина, которая нужна ни Министерству безопасности, ни его сегодняшним противникам, а всему обществу.

Москва

ТАНКИ НА СТАЛИНАЛЛЕЕ

К сорокалетию берлинского восстания 17 июня 1953 года

«Правительство Германской Демократической Республики приветствует инициативу рабочих по повышению норм выработки. Оно благодарит всех работников, которые повысили свои нормы за их большое патриотическое дело. Одновременно оно отвечает на пожелание рабочих по пересмотру и повышению норм».

Так Совет министров ГДР 28 мая 1953 года обосновал свое решение повысить рабочие нормы. Тем самым он дал существенный повод для событий, приведших к восстанию 17 июня 1953 года. Само многократное упоминание слова «норма» в тексте этого решения показывает, что речь идет о ключевом понятии, касающемся каждого работника. Какова же была предыстория?

Уже в 1948 году экономика советской оккупационной зоны была перестроена по социалистическому образцу. Это означало, что в государственном плане точно указывалось, какие товары должны производиться отдельными отраслями промышленности. Для осуществления плана предприятия должны были быть готовы и к выполнению предписанных норм выработки.

Поэтому правящая партия СЕПГ всеми силами пыталась повысить готовность рабочих к труду. С большим пропагандистским размахом преподносились высокие достижения отдельных рабочих. В качестве выдающегося примера приводился шахтер Адольф Хеннеке, который 13 октября 1948 года за одну смену выполнил почти четыре своих рабочих нормы. Это было началом движения активистов (движения Хеннеке), построенного по советскому образцу. Следующим примеру, как можно больше рабочих должны были взять обязательства перевыполнить свои нормы по сравнению с государственным планом. Якобы «добровольные» самообязательства преподносились в прессе как образец для подражания. Профсоюзы стали в ноябре 1948 года проводником движения активистов. С помощью давления они пытались обязать каждого отдельного работника к повышению норм. Этой же цели служили принятые в апреле 1950 года законы, касавшиеся повышения производительности труда. Однако отношение к этим кампаниям было скептическим, так как в результате приходилось больше работать.

План предусматривал к тому же ускоренное развитие тяжелой промышленности. Это нанесло ущерб отраслям, выпускавшим потребительские товары, так что положение со снабжением оставалось плохим, и многие вещи повседневного спроса можно было получить только по карточкам. Недовольство населения росло, правительство отвечало жесткими мерами. Такие экономические преступления как, например, нелегальная торговля, сурово наказывались; крестьяне, которые не выполняли план, приговаривались к большому сроку лишения свободы; политическое давление на некоммунистические круги (например, на церковные общины) возрастало. СЕПГ под руководством Вальтера Ульбрихта декларировало «Стро-

Берлин. 17 июня 1953 года. Советские танки против немецких рабочих.

ФОТОАРХИВ "МЕМОРИАЛ".

ительство социализма», что означало перенос созданной при Сталине политической системы в ГДР.

Однако, 5 марта 1953 года И. В. Сталин умер.

СЕПГ охватила растерянность, а население стало надеяться на улучшение условий жизни. Прессиники Сталина посоветовали Генеральному секретарю СЕПГ Вальтеру Ульбрихту в апреле 1953 года смягчить напряженную ситуацию.

Всего два месяца спустя, 9 июня 1953 года, политбюро СЕПГ приняло решение, названное «Новым курсом» и публично признало, что в прошлом совершались ошибки. Для улучшения снабжения предписывалось замедление темпов развития тяжелой промышленности. Многие мероприятия, вызывавшие недовольство, отменялись. Назначенное же на 28 мая повышение норм выработки на 10%, тем не менее, осталось в силе. Более того, предписывалась организация внутрипроизводственных дискуссий, во время которых рабочие должны были получить стимул для «добровольного» повышения своих норм на 15%. Эти мероприятия наталкивались на сопротивление. Появившаяся 16 июня 1953 года в профсоюзной газете «Трибуна» статья в защиту повышения норм выработки, вызвала общественный протест. Строительные рабочие на Сталиналлее прекратили работу и пошли в центр Восточного Берлина. К ним примкнули тысячи демонстрантов, которые перед «Домом министров» стали требовать отмены решения о повышении норм, а затем и отставки правительства. Голоса, требовавшие свободных выборов, становились все громче. На следующий день, 17 июня, была назначена генеральная забастовка. В этой взрывоопас-

ной ситуации осталось незамеченным то, что Совет министров отменил свое решение. Способом разрешения политического конфликта стала забастовка.

Утром 17 июня многие рабочие последовали призыву к генеральной забастовке. Они сформировали колонны и пошли от своих предприятий и строительных площадок в восточноберлинский городской центр, где стали предъявлять свои требования. Это были требования, в основном, общеполитического характера: свободные выборы, допуск западных партий, воссоединение Германии. Однако ни один представитель правительства не появился. Напряженность ситуации возросла, когда начала появляться советская военная техника. Дело дошло до столкновений, демонстранты стали разрывать на куски флаги и атаковать партийные и правительственные помещения. Городской транспорт в этом районе оказался парализован. Советские солдаты сделали первые выстрелы. Затем в городской черте появились танки, границы секторов закрылись. В 13 часов советский городской комендант ввел в Восточном Берлине чрезвычайное положение. Собрания были запрещены. С 21 часа действовал комендантский час. Улицы стали безлюдными, на них были видны лишь советские солдаты.

«Ди Вельт» 17 июня 1953 года:

*«Воскание в Восточном Берлине
Танки стреляют по рабочим*

Свыше сотни тысяч людей бунтовали против СЕПГ

Сель убитых — 100 раненых переправлены на Запад

Из нашего Берлинского бюро:

В среду, в 13 часов Стены объявили в Восточном Берлине чрезвычайное положение для подавления открытого вооруженного восточноберлинского населения против режима СЕПГ. Одновременно советские войска с танками Т-34, поддерживаемые цепями сторожевых постов Народной полиции, разгромили основные демонстрационные группы перед правительственным зданием на Ляйпцигер Штрассе. При этом они открыли огонь из пулеметов и карабинов по демонстрантам, число которых в общей сложности оценивается в 100 000 человек. Кровавые столкновения начали стихать только к вечеру и прекратились с наступлением темноты.

С возвышенных мест Западного Берлина незадолго до полуночи, при интенсивном хорошем видении, можно было видеть ясно отчетливые косяки в Восточном Берлине, которые ризожели овидыхающие красноармейцы. Простую советские цепи сторожевых постов были придвинуты вплотную к западным секторам.

Согласно имеющейся в Западном Берлине на вечер среды информации, до настоящего времени в ходе демонстраций погиб ли семь человек.

Число раненых пока трудно оценить. Только в западноберлинские больницы до позднего вечера поступили свыше 100 жи-

телей Восточного Берлина с огнестрельными ранениями. Никоторым из убитых берлинцев получили ранения в голову, один был раздавлен танком.

Кровавые столкновения между примерно 10 000 народных полицейскими 3000 красноармейцев с одной стороны и восточноберлинским населением с другой, выросли из начатых накануне строительными рабочими демонстраций против режима СЕПГ и эти свободные выборы. Возмения продолжались целый день, их сила нарастала с каждым часом. Хотя демонстрантам пришлось уйти из правительственного квартала под патиском виников и под пулеметными очередями, ситуация, учитывая возбуждение населения и генеральную забастовку, крайне напряжена. На всех предприятиях, включая индустрию и водоснабжение, работа остановлена. Несмотря на наступательные действия Советов и народных полицейских, волнения по и дело вспыхивали вплоть до наступления коммюнистического часа.

Известие о берлинской забастовке распространяется по всей ГДР. Во многих городах дело также дошло до забастовок и прекращения работы. Однако и эти волнения были подавлены с помощью советских оккупационных войск.

Правительство, отставка которого требовали демонстранты, события 17 июня лишь

укрепили. Тем министрам, которые относились к требованиям с определенным пошманием, пришлось покинуть свои посты. Секретарь Союза писателей ГДР Курт Бартель, которого называли «Куба», уже 20 июня 1953 года описал ситуацию с точки зрения правящих кругов в газете СЕПГ «Нойес Дойчланд»:

«Стыдитесь ли вы так, как стыжусь я? Вам придется очень много работать и очень хорошо вести себя, а в будущем действовать очень умно, прежде чем вам забудется этот нозор».

Для Бертольта Брехта, который получил от режима СЕПГ пособие льготы, включая и создание собственного театра, восстание было совершенно неожиданным. После его смерти (в 1956 году) в его творческом наследии было найдено стихотворение «Решение»:

«После восстания 17 июня секретарь Союза писателей приказал раздавать на Сталиналлее листовки, в которых можно было прочитать, что народ потерял доверие правительства, и что возразить еси он может только удвоенной работой. Не было бы разве лучше правительству распустил народ и выбрать новый?»

«Дайте нам хлеба и свободы!»

Свидетельство очевидца о событиях 17 июня 1953 года:

«По Вильгельмштрассе я подошел к границе сектора, которая пролегает там непосредственно около огромного здания Управления советской зоной (здания бывшего министерства воздушного транспорта). 30–40 полицейских в кожаных пальто перскрыли Вильгельмштрассе. А на Принц-Альбрехт-Штрассе находившиеся там обычно железные шлагбаумы сорваны, и транспорт свободно проезжает под окнами председателя Совета министров Грозевола.

Через руины я попал на Ляйпцигер Штрассе, где — от Потсдамер Плац до Фридрихштрассе — царил невероятная сутолока. С горы руин, на которую вскарабкались десятки людей, я посмотрел на людскую толпу. Множество народных полицейских, которые держали друг друга за португези, оценили четырехугольную площадь перед входами в здание, где во вторник проводили демонстрацию строительные рабочие. Сзади подъехали три покрашенные в зеленый цвет броневые автомобили с угрожающе торчащими стволами пулеметов. Впереди же толпятся массы. Я подошел туда в то время, как град камней полетел в правительственные окна и побил почти все стекла на первом и втором этажах. Из зарешеченных входных ворот на Ляйпцигер Штрассе полицейский водомет посылает струю.

«Иван, давай!»

Непосредственно после этого по Ляйпцигер Штрассе прибыло много грузовиков с красноармейцами. Люди кричат: «Иван, давай! Иван, давай!» Но это был только передовой отряд. Из Вильгельмштрассе, с севера, с угрожающим грохотом подошли шесть советских танков и въехали на Ляйпцигер Штрассе по обшим сторонам улицы. Это был сигнал для продвижения вперед многих ты-

Берлин. Форум немецких коммунистов.

ФОТО АДН

сая полицейских, которые до сих пор были спрятаны во дворах правительственного здания.

Несколькими цепями народная полиция движается на восток, по Ляйпцигер Штрассе и на север, по Вильгельмштрассе, за ними торчат стволы орудий советских танков, еще дальше сзади — много грузовиков с сидящими в них советскими солдатами. С возгласами негодования толпа медленно отходит назад. Но когда народная полиция останавливается после захвата Мауэрштрассе и площади Вильгельмплатц, все снова продвигаются вперед. Из громкоговорителей слышится: «Все это бессмысленно, Остробородый должен уйти!» Остробородый — это Ульбрихт, генеральный секретарь СЕПГ.

«И это называют народным правительством?»

Дальше советские танки продвигаются уже без защиты народной полиции и пытаются отеснить толпу к расположенной поблизости границе секторов. Хотя на свободной территории Фридрихштрассе им удается разделить массу, но за ними потоки снова сливаются. Под возгласы негодования сотни кирпичей обрушиваются на танки, так что военные предпочитают закрыть люки. Внезапно раздаются пулеметные очереди, еще и еще. Народ, который как раз собирался вытащить портреты Гротевольа из разбитых окон одного правительственного здания, начинает разбегаться толпами, но сразу же возвращается назад, как только обстановка становится спокойнее. Раздаются выкрики: «Свиньи стреляют в рабочих! И это называется народным правительством!» Другие сообщают, что советские танки врелись прямо в середину толпы.

На улице Унтер-ден-Линден царит ожигление. Большие группы дискутирующих стоят перед университетом и арсеналом.

С двумя перекрещенными черно-красно-золотыми знаменами, под лозунгом: «Хлеба, дайте нам хлеба, или мы уйдем вас!» — их там многие сотни. Однако, в большом облаке пыли к этому месту уже мчатся три советских танка и четыре броневедомоля. Красноармейцы на грузовиках — со скатанными шинелями через плечо — едут следом. Везде слышны враждебные выкрики. Озлобление нарастает, когда прибывают транспортные автомобили с вооруженными карабинами молодыми народными полицейскими из находящихся на казарменном положении полицейских частей.

На площади Лустарген, официальном месте парадов СЕПГ, видны следы танков на развороченной земле и на разбитых тротуарах. Цветочные клумбы раздавлены сотнями ног — и здесь танки вкатывались в толпу, и люди спасались на большой каменной трибуне, где обычно принимали ордены Ульбрихт, Пик и Гротеволь. На самом верш трибуны сидят несколько утомленных строительных рабочих с простеньким щитком: «За свободные выборы!»

На улице, ведущей к Александерплац, лежит споревавший и раздавленный танками легковой автомобиль. На площади волнуются новые массы народа. Я снова наталкиваюсь на плотную заградительную цепь перед президентом народной полицией.

«Мы бастуем дальше!»

Я отправляюсь назад пешком — езда невозможна из-за всеобщей забастовки транспорта — навстречу мне потоком идут люди, которые ранее стянулись к правительственному зданию с окрестных предприятий. Положение становится серьезным. На Лустарген тридцать выстрелы. Один советский танк выкатывается с улицы Унтер-ден-Линден мне навстречу и стреляет, передвигаясь зигзагами, в сторону городской электрички. Я обхожу Лустарген и возвращаюсь через Шпиттельмаркет к границе секторов у Галльских ворот. По улицам все еще идут группы людей, удивительно спокойных. По сторонам Лустаргена раздаются пулеметные очереди и выстрелы танков. А когда я пересек одну улицу, то увидел танк, стреляющий в направлении Александерплац. Всплыло призрачное воспоминание о первых майских днях 1945 года, когда не дожидаясь полного завершения вражды люди возвращались в свои городские районы, а откуда-то, пролетая по полупустым улицам, свистели пули...

Во время своего путешествия я разговаривал со многими людьми: с жителями многоквартирных домов, расположенных вокруг Александерплац, с рабочими строительных площадок на Сталиналлее, с крупными предприятиями в Шеневайде, с городских заводов, с большого сталеплавильного комбината в Хенингсдорфе, который расположен за пределами города и откуда через французский сектор к центральной части города провела колонна демонстрантов из 12 000 человек (весь персонал, исключая функционеров СЕПГ).

Везде я видел спокойную решимость проводить забастовку до выполнения требований. «Они слишком далеко завели дело и теперь полностью разоблачили себя», — таково было общее мнение.»

«Они хотели смести диктатуру СЕПГ»

Свидетельство Фрица Шенка о событиях в Государственной плановой комиссии:

«Пойдемте, нам надо продолжать», — сказал Лойшнер и оттащил меня от окна. Когда мы шли по пустым коридорам, он высказал свое мнение: «Сейчас дело принимает чисто политический характер. До сих пор можно было еще думать, что основной темой действительно являются нормы. Но когда разбиваются витрины НО (НО — Handelsorganisation — государственная торговая организация в ГДР. — Прим. пер.), а частный магазин по соседству оказывается в покое, тут уж ясно, что акция направлена против чего-то совсем другого. С нормами это не имеет ничего общего.»

«Когда же вмешаются войска?» — спросил я. «Понятия не имею, но до крайностей дело не дойдет». Он не пояснил, что подразумевал под «крайностями».

Тем временем мы добрались до нашего секретариата, и шеф планового отдела был озабочен только тем, как бы побыстрее начать запланированное совещание. Мне было дано задание привести самых важных сотрудников. Когда я хотел выйти во двор, меня задержала охрана: Зельбманн приказал де-

Befehl!

Ueber die Stadt Halle ist der

Ausnahmestand

verhängt. Demonstrationen, Versammlungen und Zusammenrottungen jeder Art sind verboten.

Jeder Aufenthalt auf den Straßen ist von

21.00 bis 4 Uhr

verboten.

Im Falle von Widerstand wird von der Waffe Gebrauch gemacht!

Halle, den 17. Juni 1953

Chef der Garnison und Militärkommandant der Stadt Halle (Saale)

Приказ о введении комендантского часа в городе Галле.

ржать двери закрытыми и готовить их баррикадирование. Мне пришлось сходить за пропуском, подписанным Зельбманном. Вскоре я нанел Байера, Ланге, Штрассенбергер и еще некоторых функционеров. Они стояли за цепью заграждения и дискутировали, частью с бастующими, частью друг с другом. Мое требование явиться на заседание они посчитали за плохую шутку. Они были глубоко подавлены, и их настроение выражалось в циничных высказываниях. Большинство наверняка предпочло бы перейти к бастующим, но никто не сомневался в том, что русские очень быстро подавят восстание. Они спорили также над вопросом, что случится, если русские не вмешаются, и восстание приведет к тем результатам, на которые надеются массы. Большинство считало, что тогда очень быстро произошло бы воссоединение и образование общегерманской Федеративной Республики. Но с этим никто не был по-настоящему согласен. Хотя они хотели, чтобы была смещена диктатура СЕПГ, но с объединением «сломя голову», как они выражались, они согласны не были. Они опасались, что в таком случае в Германии распространится бы хищнический капитализм и, возможно, могло бы повториться зло прошедших десятилетий. Они были совершенно пессимистичны. В конце концов они подчинились и последовали за мной в здание.»

Приказ военного коменданта советского сектора Берлина об объявлении чрезвычайного положения в советском секторе Берлина.

Берлин (АДП). Для установления прочного общественного порядка в советском секторе Берлина приказываю:

1. С 13 часов 17 июня 1953 года в советском секторе Берлина объявляется чрезвычайное положение.

2. Запрещаются все демонстрации, собрания, митинги и прочие скопления людей более трех человек на улицах и площадях, а также в общественных зданиях.

3. Запрещается всяческое передвижение

пешеходов и транспортных средств с 21 часа до 5 часов.

4. Нарушители этого приказа наказываются по законам военного времени.

Военный комендант советского сектора
Большого Берлина
подп. Генерал-майор Дибров.

«Магдебург следует за Берлином!»

Сообщение очевидца из Магдебурга:

«17 июня 1953 года я пришел на свое рабочее место на заводе Эрнст-Тельманн-Верк — Кранбау в 6.30. После короткого совещания мы решили приготовить транспарант с надписью: «Магдебург следует за Берлином!». В обусловленное время мы вышли с транспарантом на заводской двор. Сначала было 80 коллег, но когда мы покидали завод, в колонне было около 3000 человек. От своего завода мы промаршировали к другим предприятиям: Грубе-Грунзон-Верк и Р. Вольфф—Букау. После этого все разрастающаяся колонна направилась к заводу Шеффнер-Будденберг-Верке и к центру города. Около 9.15 мы пришли к зданию ОСНП (ОСНП (FDGB) — Объединение свободных немецких профсоюзов — Прим. пер.) и убрали с него всю пропаганду СЕПГ, флаги тоже были нами спущены.

На Дойчер Платц мы встретились с колонной из Нойштадта, которая влилась в нашу. Вместе мы двигались дальше в направлении Отто-фон-Гернике-Штрассе к зданию районного управления ССНМ (ССНМ (FDJ) — Союз свободной немецкой молодежи. — Прим. пер.). В 9.45 мы были на Дамашке-Платц перед зданием управления Службы государственной безопасности. Здание — как и все другие перед этим — было занято демонстрантами, а имеющиеся там документы уничтожены. Где бы мы ни находили капис-либбиду рекламные щиты СЕПГ, мы их срывали и растапывали. После этого колонна демонстрантов направилась к президенту Народной полиции и расположенным поблизости зданиям юстиции и тюрьмы. В разгар демонстрации подошли части Советов. К вечеру им удалось разбить митингующих. На следующий день почти все демонстранты — несшие транспаранты, выкрикивавшие лозунги, были арестованы.»

«Это будет самый прекрасный день в моей жизни»

Свидетельство рабочего из Бранденбурга.
«Вечером 16 июня мы слышали по РИАС (RIAS — Радиостанция в американском секторе) о Берлинском восстании. Моя семья с трудом верила этому, и мы были полны ожидания. На предприятии все говорили о том, что услышали по РИАС. Повсюду образовывались группы, в которых отдельные рабочие задавались вопросом, не должен ли и наш завод бастовать. Сначала еще никто не отважился сказать: «Мы хотим бастовать».

Мы поработали примерно полчаса, после чего один коллега, которого мы не знали, распространил известие, что строительные рабочие сталеплавильного завода бастуют и

Июль 53-го. Марксисты оуждают «вражеские вылазки».

ФОТО АДН

уже находится на пути к центру города. Нас охватило сильное возбуждение при мысли, что мы можем там не оказаться или опоздать. По правде говоря, мы все еще были инертны несколько скептически, потому что человек, который рассказывал это, работал на нашем заводе недолго, а у нас уже был неприятный опыт с людьми, которые переходили от группы к группе и разносили разные слухи. Часто среди них оказывались шпионы.

Мы, рабочие, посоветовались, что следует делать, и решили, что один из нас должен поехать на сталеплавильный завод и посмотреть, что там произошло. Через некоторое время посланец вернулся и все нам подтвердил. Улицы полны рабочих, и все движется к центру. С некоторыми товарищами по работе, которым я полностью доверял, мы решили «доставить до кондиции» остальных. Сначала мы распределились по цеховым помещениям и поговорили с рабочими, о которых мы знали, что они достаточно отважны для дальнейшего распространения призывов к забастовке. Мы рассылывали на то, что наши призывы распространяются повсюду.

Наконец двое моих товарищей и я просто остановили свои станки. Это должно было сразу стать заметным, потому что это были большие машины. Служом мы собрали свои инструменты и швырнули их на верстак. Коллеги поняли команду и начали делать то же самое. Те немногие, которые продолжали работать, требовали от нас прекратить это. Через несколько минут в машинном зале не осталось ни одного человека. Мы собрались во дворе, где развернулась жаркая дискуссия. Некоторые еще никак не могли поверить в новости — это было слишком прекрасным, чтобы быть правдой. Другие же рвались идти сразу, чтобы присутствовать при всех событиях. Но мы хотели, чтобы пошла вся фирма.

Тем временем появились «товарищи» и функционеры, а также руководитель завода; они спросили, что случилось. «Вы ведь лучше нас знаете, что случилось», — был ответ. «Может быть, вы нам скажете, что происходит на сталеплавильном заводе?» — спросил один из товарищей, а другой крикнул: «Сталеплавильный бастует». Тут «товарищи»

сразу поняли, в чем дело. Один возразил: «Сталеплавильный завод не бастует, я проводит демонстрацию. И там не все сталевары, а только строительные рабочие, они выдвигают требования по поводу оплаты по местному тарифу класса А». На это мы сказали: «Хорошо, тогда мы тоже проведем демонстрацию об оплате по местному тарифу класса А». Началась дискуссия, и функционеры пытались уговорить нас протокольно оформить наши требования и направить их через директора завода. Наши требования оравданы, и их следовало бы учесть, сказал верный линии партии представитель руководства профкома. Получилась проходная дебата. Мы знали, что означает отсрочка. В конце концов, один коллега предложил проголосовать, что следует делать — демонстрировать или работать. Представитель профсоюзов, который все еще пытался овладеть собранием, сформулировал вопрос: «Кто за то, что все протоколируется и работа возобновляется?» Никто не поднял руку, даже никто из «товарищей». Раздался бурный хохот. Профсоюзный деятель не знал, что сказать. Из толпы раздался возглас: «Другое предложение!» Теперь представитель профсоюза был вынужден вынести на голосование и это предложение. Около 90 процентов рук поднялись вверх. На вопрос «Кто против?» ни одна рука не была поднята. «Это будет самый прекрасный день моей жизни», — сказал кто-то рядом со мной.

Сообщение правительства ГДР

Мероприятия правительства Германской Демократической Республики по улучшению положения народа были отмечены фашистскими и другими реакционными элементами в Западном Берлине провокациями и тяжкими нарушениями порядка в демократическом секторе Берлина. Эти провокации должны осложнить установление единства Германии.

Повод для оставления работы строительных рабочих в Берлине отпал после вчерашнего решения по вопросу о нормах.

Беспорядки, до которых затем должно дело, являются делом провокаторов и фашистских агентов зарубежных держав и их помощников из немецких капиталистических монополий. Эти силы недовольны де-

мократической властью в Германской Демократической Республике, организующей улучшение положения населения. Правительство призывает население:

1. Поддерживать мероприятия по немедленному восстановлению порядка в городе и создать условия для нормальной и спокойной работы на предприятиях.

2. Виновные в беспорядках будут привлечены к ответственности и строго наказаны. Призываем рабочих и всех честных граждан схватить провокаторов и передать их государственным органам.

3. Необходимо, чтобы рабочие и техническая интеллигенция в сотрудничестве с органами власти сами предприняли необходимые меры по восстановлению нормального рабочего процесса.

Правительство Германской Демократической Республики

Председатель Совета Министров Отто Гротеволь

Берлин, 17 июня 1953 г.

Вид и размах восстания

Интенсивность народного восстания была неодинаковой в разных городах. Наряду с оставлением работы и демонстрациями во многих населенных пунктах произошли настоящие мятежи населения и даже попытки — частью успешные — освобождения заключенных. Во многих местах для насильственного подавления выступлений использовались советские военные.

Забастовки:

в 13 столицах округов, в 97 районных центрах, в 196 прочих городах и населенных пунктах, в общей сложности в 304 населенных пунктах.

На ряде предприятий забастовки проводились еще до 17 июня 1953 года: "Фортиттшахт" Климбината "Вильгельм Пик", Мансфельд (металлургический завод) — 17 апреля.

Фабрика искусственного волокна Премниц — 28 апреля.

ФЕБ-Веркцойгмашиненфабрик Берлин — 6 мая.

ФЕМАГ — Финстервальде — 27 мая.

ФЕБ-Газелан, Фюрстенвальде — 27 мая.

Кнеллберг, электромеханическая фабрика, Финстервальде — 28 мая.

ЛЕВ Даймлер, Хеннигсдорф — 30 мая.

Фабрика холодильного оборудования Нагем, Хемниц — 3 июня.

Завод броневых щитов САГ Кройтхайм, Хемниц — 3 июня.

Только в центрах восстаний бастовали в общей сложности по меньшей мере 110 крупных предприятий с 267 000 рабочих.

Демонстрации:

в 7 столицах округов, в 43 районных центрах, в 105 прочих городах и населенных пунктах, в общей сложности в 155 населенных пунктах.

Восстания населения:

в 6 столицах округов, в 22 районных центрах, в 44 прочих городах и населенных пунктах, в общей сложности в 72 населенных пунктах.

Попытки освобождения заключенных:

в 4 столицах округов, в 12 районных центрах, в 8 прочих городах и населенных пунктах, в общей сложности в 24 населенных пунктах.

Количество освобожденных 17 июня заключенных — 2-3 тысячи человек; в некоторых населенных пунктах — Вайсенфельс, Гюстров, Косвиг попытки освобождения не удалось, в других были открыты одновременно несколько тюрем. Есть показания свидетелей из городов: Биттерфельд, Бранденбург, Кальбе, Айслебен, Генниа, Гера, Герлиц, Гоммери, Галле, Йена, Лейпциг, Магдебург, Мерзебург, Преч, Рослау, Зиннеберг и Трентов.

Применение советский войск:

в 13 столицах округов, в 51 районном центре, в 57 прочих городах и населенных пунктах, в общей сложности в 121 населенном пункте.

Чрезвычайное положение

было объявлено Советскими оккупационными властями в 10 из 14 округов, в 167 из 214 районов советской зоны.

Центры народного восстания.

Центрами демонстраций, наряду с Берлином и его окрестностями, была, прежде всего, среднегерманская промышленная об-

ласть (с городами Биттерфельд, Галле, Лейпциг и Мерзебург) и Магдебургский регион, в меньшей степени — области Йена/Гера, Бранденбург и Герлиц. Во всех этих городах забастовки начинались на крупных предприятиях.

Жертвы восстания.

Так как Советская Армия применяла оружие, в основном, соразмерно ситуации, и солдаты не стреляли вслепую по бастующим или демонстрантам, число убитых и раненых — как ни жаль каждую отдельную жертву — было довольно низким. Согласно сообщению Министра государственной безопасности, погибли 19 демонстрантов и 2 человека, не принимавших участия в событиях, а также 4 сотрудника полиции и госбезопасности. Ранены были 126 демонстрантов, 61 прохожий и 191 сотрудник сил безопасности. Вероятно, эти цифры занижены, тем более что в них не могли быть включены убитые и раненые, которые были переправлены 17 июня из Восточного Берлина в Западный через границу секторов. В западноберлинских больницах от ран скончались 8 участников июньского восстания.

Следует отметить, что имеются данные, о более, чем 267 убитых среди восставших и 116 убитых среди сил безопасности и функционеров режима.

Объявление военного коменданта города Магдебург

Настоящим сообщая, что граждане Дарч Альфред и Штраух Герберт приговорены судом военного трибунала к смертной казни через расстрел за активные провокационные действия 17 июня 1953 года, направленные против установленного порядка, а также за участие в бандитских действиях.

Приговор приведен в исполнение 18 июня 1953 года.

Военный комендант города Магдебург.

Материал подготовлен с использованием документов Института Аденауэра и частных архивов.

Перевод с немецкого Олега ШУБИНА.

Бонн — Рязань

"MEMORIAL" — THE HUMAN RIGHTS DEFENDING, HISTORICAL-EDUCATIONAL AND CHARITY SOCIETY

The regional department of independent historical-educational, human rights defending and mercy society "Memorial" (Ryazan-city, Russia) was set up in October 1989. Its principal tasks are: human rights defense activity; historical justice restoration; collecting of information about political repressions victims rehabilitation; secret burials discovery; historical-educational activity; juridical and moral aid to the victims of Stalin repressions; mercy.

Ryazan "Memorial" has found the places of imprisonment and burial of Polish Armja Krajowa fighters on the territory of the region; discovered and sent to Poland the lists of prisoners and fallen soldiers of AK; found a burial place of a Brigade General of AK, a National Hero of the Polish Republic Kazimierz Tumidałsky whose remains have been exhumated and taken to Poland.

"Memorial" has begun to realize the first project of NKVD (№ 178-454) concentration camp cemeteries restoration, where the

Poles, the Germans, the Italians, the Romanians and the Russians had been buried; established the facts of multinational imprisonment in Ryazan psychiatric clinic of the Spaniards and the Poles; found documents and location of 20 NKVD concentration camps and the German and the Austrian citizens cemeteries; discovered a secret burial of Soviet people, who had been shot in 1938; prepared documents and helped in the rehabilitation of two largest groups of political opposition 1960-80 in Ryazan region.

Ryazan "Memorial" is carrying out its activity using private contributions and foreign citizens and organizations donations. To continue the programs mentioned above, "Memorial" needs some technical means and equipment, such as computers, xerox etc., for the creation of computer data-bases; financial resources for archiv research and addition of "The Vestnik" newspaper and "The Kartia" magazine.

Список немецких военнопленных и интернированных,
похороненных на рязанских кладбищах
(Продолжение. Начало в "Карте" N 1.)

Fortsetzung der Liste deutscher Kriegsgefangener,
die in Rjasan gestorben sind

(Die Namen sind aus dem Russischen rückübersetzt)

Name, Vorname und Vatersname des Verstorbenen	Ge- burts- jahr	Nationa- lität	Dienstgrad	Todes- datum	Beisetzungs- datum	Begräbnis- u. Quartal- nummer
März Josef Josef	1910	Deutsche	Obergefreiter	17.10.44	19.10.44	2 - 1
Gack Martin Martin	1917	Deutsche	Obergefreiter	18.10.44	19.10.44	3 - 1
Ostermann Georg Franz	1908	Deutsche	Obergefreiter	21.10.44	22.10.44	4 - 1
Mayer Friedrich Heinrich	1919	Deutsche	Obergefreiter	21.10.44	22.10.44	5 - 1
Jürgensen Eduard Christian	1903	Deutsche	Soldat	24.10.44	25.10.44	6 - 1
Feit Karl Gustav	1901	Deutsche	Obergefreiter	30.10.44	01.11.44	7 - 1
Frosch Wilhelm Adam	1906	Deutsche	Soldat	03.11.44	04.11.44	8 - 1
Kiegajer Karl Karl	1925	Deutsche	Gefreiter	02.11.44	04.11.44	9 - 1
Klinksick Wilhelm Wilhelm	1903	Deutsche	Gefreiter	03.11.44	05.11.44	10 - 1
Schockenhaf Theodor Eberhard	1903	Deutsche	Obergefreiter	04.11.44	05.11.44	11 - 1
Bockenholdt Heinrich Heinrich	1904	Deutsche	Soldat	06.11.44	09.11.44	12 - 1
Fluckfeider Mathios Peter	1903	Deutsche	Soldat	08.11.44	13.11.44	13 - 1
Feraebrieke Hermann August	1899	Deutsche	Obergefreiter	12.11.44	13.11.44	14 - 1
Frei Anton Juhann	1898	Deutsche	Stabsgefreiter	13.11.44	14.11.44	15 - 1
Mayer Josef Johann	1917	Deutsche	Unteroffizier	11.11.44	15.11.44	16 - 1
Beckert Paul Josef	1901	Deutsche	Obergefreiter	14.11.44	17.11.44	17 - 1
Miller Huck August	1898	Deutsche	Gefreiter	14.11.44	17.11.44	18 - 1
Hibgler Herbert August	1915	Deutsche	Obergefreiter	15.11.44	21.11.44	19 - 1
Stehorler Wilhelm Georg	1904	Deutsche	Obergefreiter	18.11.44	21.11.44	20 - 1
Kraibuhler Albert Friedrich	1917	Deutsche	Stabsgefreiter	19.11.44	21.11.44	21 - 1
Lang Rudolf Hermann	1905	Deutsche	Unteroffizier	20.11.44	22.11.44	22 - 1
Kohnen Walter Paul	1908	Deutsche	Gefreiter	24.11.44	27.11.44	23 - 1
Retzow Karl Walter	1898	Deutsche	Stabsgefreiter	25.11.44	27.11.44	24 - 1
Meier Otto Eleip	1910	Deutsche	Soldat	24.11.44	25.11.44	25 - 1
Battschis Walter Johann	1900	Deutsche	Unteroffizier	07.12.44	08.12.44	26 - 2
Ratznhut Adolf Adolf	1909	Deutsche	Obergefreiter	07.12.44	08.12.44	27 - 2
Natzulack Hans Juhann	1925	Deutsche	Soldat	09.12.44	12.12.44	28 - 2
Killraiter Willy Gustav	1906	Deutsche	Soldat	10.12.44	12.12.44	29 - 2
Moneburg August August	1911	Deutsche	Gefreiter	14.12.44	19.12.44	30 - 2
Hommel Hans Otto	1919	Deutsche	Stabsgefreiter	16.12.44	19.12.44	31 - 2
Fost Karl Karl	1913	Deutsche	Obergefreiter	27.12.44	30.12.44	32 - 2
Neymann Otto Gustav	1911	Deutsche	Unteroffizier	28.12.44	30.12.44	33 - 2
Falke Hans Fritz	1919	Deutsche	Obergefreiter	08.01.45	11.01.45	34 - 2
Meier Johann Konrad	1909	Deutsche	Soldat	20.01.45	24.01.45	36 - 2
Titernos Martin Josef	1911	Deutsche	Obergefreiter	24.01.45	25.01.45	38 - 2
Titz Walter August	1907	Deutsche	Obergefreiter	27.01.45	31.01.45	39 - 2
Schnoff Erid Friedrich	1901	Deutsche	Gefreiter	03.02.45	06.02.45	40 - 2
Galetz Ewald Friedrich	1911	Deutsche	Obergefreiter	06.02.45	08.02.45	41 - 2
Kalbert Josef					08.02.45	42 - 2
Gerburger Domini Gettfried	1916	Deutsche	Unteroffizier	07.02.45	10.02.45	44 - 2

Игорь БЛИНУШОВ

“Мы были обречены на страдание...”

Интервью с членом общины
Истинно Православной Церкви
Иваном Федоровичем ЧЕСНОКОВЫМ.

«Истинно-православная церковь (ИПЦ) — контрреволюц. группировка, созданная реакц. правосл. духовенством для борьбы с Сов. властью под прикрытием религии...»
(«Атеистический словарь», Политиздат, 1983 г.)

— Иван Федорович, как водится, расскажите о себе: откуда вы, кто ваши родители, как вы пришли в общину?

— Я родился и вырос в селе Куймань Трубетчинского района тогда Рязанской, а теперь Липецкой области. Отец до 14-го года работал на шахте в Донбасса, в Гражданскую воевал в Красной армии. И сколько жил — а умер он недавно, в 1982 году — считал, что самый большой грех, непрощенный, совершил в жизни, и за который всю жизнь молился, — это когда он участвовал в той войне. Думаю, что не по своей воле. Во всяком случае, на братоубийство он не был способен.

Семья наша была глубоко верующая, сестра отца, Мария Ивановна, была монашкой. Когда началось гонение, в конце 20-х, разогнали и ее монастырь. Часть старших монахинь с игуменьей забрали, а остальные разбежались кто куда.

Село было большим, но «активистов» — всего 4–5 человек, остальные — люди как люди.

— А когда возникла ваша община?

— В Липецке был такой епископ Уар. Я его сам-то не видел, но знаю, что это его были слова о том, что наступает Последнее Время, что пришел Антихрист на землю, что истинно верующие должны пострадать, а претерпевшие до конца будут спасены. Потом появился Федор Андреевич Феррапонтов, простой мирянин, но взялся проповедовать, стал миссионером. Дети у него были, несколько дочерей даже у нас жили, когда нас еще так не гоняли. А познакомились с епископом Уаром мои братья двоюродные Василий Петрович и Дмитрий Петрович — они в лагере погибли оба. Потом, когда всех старших общины арестовали, отца познакомили с епископом. Тот его благословил, мол, давайте, кто как может — вера наша не должна угаснуть, ведь Церковь непобедима.

— Какой регион охватывала община?

— Там были верующие из Липецкой, Рязанской, Орловской областей.

— И после ареста епископа Уара и старших членов общины ее центр переместился к вам, в Куймань?

— Да, можно сказать и так. Село, я уже говорил, было большое, много верующих.

— А когда вы стали называть себя «истинно православными»?

— Вы знаете, мы были просто православные, гонимые. А название «истинно православные» — это, по-моему, КГБ нам придумало. Как было? Не признавали мы

«красных» священников и тогдашнего Патриарха Алексия.

— А вот интересно, было ли в сознании простых верующих это разделение священников на «красных» и «белых»?

— Было. Какое разделение? Не ходили в такие церкви. У нас в селе была церковь — закрыли ее в 30-е, разломали. А в соседнем селе, в Лубне, и сейчас церковь сохранилась — там «красный» поп был. Он так, для проформы служил. Ну, кто-то из верующих туда ходил. Из наших же — никто. Не признавали.

— Как на вас отразилась коллективизация?

— У нас началось в 1931-м — немного запоздали. Сначала соседей раскулачили — их четыре брата было — они после революции крупнорушку завели и еще что-то, они к нам жить перешли. Потом за отца взялись: записывайся! Отец уклонился, куда-то уехал. Тогда у нас корову забрали — четверо детей было — и началось!

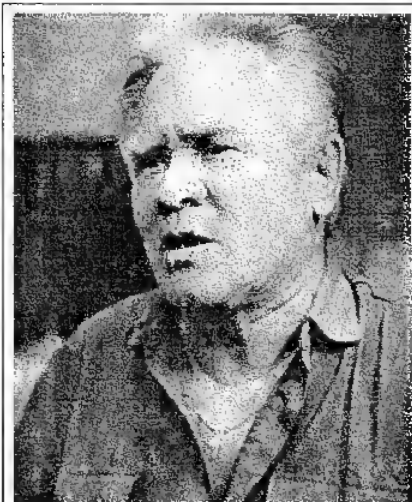
Отца в первый раз арестовали, и он где-то отбывал. Потом снова скрывался. А двоюродных братьев забрали, они простые сельские мужики были, пахари...

В 37-м году сильные гонения были, особенно на молодежь. И ведь что делали? Привозят в МГБ — там Глазунов такой был перед войной — молодых девушек, поиздеваются, поглумятся, изнасилуют и отпустят. Но ведь они приходили, говорили матерям, мол, так и так. И ведь не одну я знаю, некоторые и сейчас живы. — это было в порядке вещей...

— Итак, ваш отец возглавлял общину, находился на нелегальном положении, а как жили вы?

— Ох, знаете, сколько пришлось в детстве натерпеться! Ведь если зайдут «советчики», то, как говорится, без пинка поезд не уйдет, хоть дети, хоть кто. Приходят — если мать на виду оставила кофту или юбку — прихватят и все. Даже вот мячик — я им играл — забрали...

Брат мой старший — до войны это было — отказался в армии служить. Ну как Сатане служить? Ему дали, по-моему, пять лет, и вот я, мальчишка, стал ему первые передачи носить. Как-то пришел в сельсовет, крестик на мне, как обычно, был. И вдруг милиционер подъезжает на лошади, с плеткой, — как увидел меня: «Ах, богомол!» — и плеткой — крест-накрест. Ну, я заплакал, убежал. Дома никому не сказал, уже с неделю прошло, когда мать увидела. Пришлось рассказать, как было. «Ну, ладно, — говорит, — Господь терпел и нам велел...»

Иван Чесноков.
ФОТО СЕРГЕЯ РОМАНОВА

А в 39 году пришли и за матерью: «Собирайся!» Причем, муж ее двоюродной сестры арестовывал, активист. Ну, мать помолится, попрощалась со мной и младшим братом — ему только семь лет тогда было — ушли. Потом, правда, отпустили. И так пять раз арестовывали, уведут — отпустят. Думали, наверное, за что посадить. Наконец, дали ей «без определенного места жительства» — три года. Отправили на Дальний Восток, до сих пор адрес помню: Амурская железная дорога, станция Средне-Белая...

— И что же — так вдвоём с семилетним братом и жили?

— Так и жили: мне тринадцать, ему семь. Дом свой. Ну, когда наши верующие покормят, отец изредка наведывался. Его после этого искать начали усиленно. Однажды ночью меня под пистолетом во двор вытащили: «Где отец, говори! А то здесь и закопаем, никто не узнает...» Печь разломали. Чуть мы не угорели однажды: я ее заново сложил, а неправильно... Но дома как было при родителях, так и шло, как молились, так и продолжали.

Приближалась война. Брать стали всех, арестовали и меня — пятнадцать мне было. Тогда удалось сбежать из сельсовета...

— Иван Федорович, пожалуйста, немного подробнее о начале войны — как ее приближение ощущалось в глубинке?

— Страшно было. С Украины начали скот гнать, бросали его везде, представляете, по полям ходит, можно было лошадей поймать, впрячь для работы...

Тетку мою, Марию Ивановну, монашку, арестовали — и с концами. Позже узнал: расстреляли ее в Рязани, когда немцы подходили... И остались мы совсем без присмотра. А тут еще появились дезертиры. Первым председатель колхоза дезертировал, коммунист. Его поймали — и все. Наш сосед, тракторист — тоже поймали, дали десять лет. А жена его больная осталась — умерла. Таких трагедий много было.

В 1943 году освободилась мать, да ненадолго. Снова ее посадили, а потом и отца достали. Выдали его. Ну, и мой черед пришел. Пришли за мной в сентябре — я и не скрывался. Избили меня тогда пострашному, повезли в район, в Лебедянь. Потом следствие в Рязани, приговор ОСО: статья 58-10 — пять лет... Дальше — Воркута, ссылка в Новосибирскую область, новый срок — еще пять лет — Озерлаг. Номер свой, К-162, до смерти не забуду: я его как шифр в камере хранения использую... Потом опять ссылка... Да разве это так расскажешь? Вся жизнь ведь.

— Скажите, а там, в лагерях, удавалось молиться?

— Да, собирались в бараках, в комнатках, где жили...

— А что было с общиной после вашего ареста, вы знаете?

— Последний удар по ней был нанесен в 43 году. Она была арестована, полностью. А в 44-м выселили вообще всех, даже кого просто подозревали, кто не был в колхозе — всех. Выслали в Сибирь, в Тюмень. Но связи между собой они не теря-

ли. При Хрущеве начали освобождать, стало полегче.

— То есть, раскидали вас по странам...

— Да. Вот даже чуваши были в общине. Да и просто верующие приходили — на Воркуте, например, на Рождество, на Пасху приходили, молились вместе. Пели, голоса хорошие находились...

— Значит, в обряде вы от обычных православных не отличались?

— Священников не было у нас. Поэтому служба была неполной. За батюшку и за дьякона не позволялось читать, а те молитвы, которые клир поет — все исполнялись. Читались все акафисты, каноны. Даже неграмотные знали все молитвы, старались наизусть учить — в лагере священных книг не давали. Исповедовались друг перед другом...

— Иван Федорович, а какова послевоенная история общины?

— Вернее ее назвать не послевоенной, а постсталинской. Потому что, кто сразу после войны освобождался — их снова сажали...

Отец освободился в 1953 году. Многие тогда отпали от нашей веры, слишком непосильной ноша оказалась. А отца в покое не оставили, в 57-м году — снова арест — семь лет... Вернулся он домой уже совсем стариком. В Липецке община существовала, но начались распри. Кто-то, наверное, хотел возвыситься, часть верующих отделилась — они по более суровому закону жили: даже от пенсий государственных отказывались.

И сейчас еще община есть — в Липецке, в Куймани, но уже того упорства нет.

— А с границей у вас не было связей?

— Вы знаете, нам даже в Липецком КГБ сказали: вас спасло только то, что вы не были связаны с границей. А не то бы вас никого здесь не было...

— Иван Федорович, вот такой у меня вопрос. Вы попали в эти дьявольские жернова совсем молодым, только из-за того, что родились и выросли в религиозной семье. Очевидно, в те годы вы еще не были таким убежденным верующим, просто тянулись за родителями и родными. Вы не жалаете иногда, что судьба оказалась к вам такой жестокой?

— Знаете, иногда бывает, что вроде и пожалеешь, но когда подумаешь: все же во имя чего-то все это делалось, люди отстаивали свои убеждения. Я никогда не осудил ни отца, ни мать, хотя, по существу, мы, дети, остались одни. Был разговор, но такого порядка: могло ли быть по-другому, не так тяжело, как нам выпало? Ведь, если без Бога — и не вынесли бы всего... И сейчас, когда я уже в таком возрасте, я думаю: правильно они поступили. Не могло быть иначе. Сейчас ведь все открылось... Надо было поступать только так.

Мне запомнилось — я еще мальчишкой был — любил побаловаться, пошалить, а отец мне: «Надо вести себя более серьезно. Знаешь, какое тебя испытание ждет? Как ты его вынесешь?» Я только после увидел — какое. Мы были обречены на страдание...

Эта беседа состоялась в конце 1991 года. Тогда рязанскому "Мемориалу" удалось помочь Ивану Федоровичу с реабилитацией, достать кое-что из лекарств, посодействовать с гуманитарной помощью — в меру своих невеликих сил.

Была предпринята и попытка найти следы сгнившей тетки-монахини. Но позиция органов была твердой: никаких расстрелов в Рязани не было, никаких документов не сохранилось, и нечего, мол, огульно охавать...

Примерно в то же время в рязанский "Мемориал" поступило заявление от жителя города Рязька Рязанской области Ивана Петровича Любимова, пенсионера, бывшего главврача районной больницы.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Зная о том, что вы занимаетесь исследованием преступлений сталинизма и реабилитацией, прошу оказать содействие в точном установлении места захоронения расстрелянных жителей нашей области, которые тайно похоронены в 1941 году в Шуваловском лесу Рязького района Рязанской области.

Сведения получены от Дубровина Ивана Андреевича, заслуженного педагога РСФСР, ныне пенсионера, который до и после войны работал в должности заместителя прокурора района. После войны Дубровин окончил пединститут и длительное время работал директором средней школы N 2 Рязька.

Осенью 1941 года немцы подошли к г. Скопин, т.е. расстояние до фронта от г. Рязька составляло 40 км. В Рязьке из престарелых граждан и тех, кого не призвали в армию, создали истребительный отряд, вооруженный дотопным оружием. Разместили отряд в Шуваловском лесу в 6 км от Рязька. Находился он в бывшем доме графа и в сохранившихся постройках. В составе отряда был и Дубровин И. А. — молодой юрист, зам. прокурора Рязького района.

В то же время в Рязьке разыгралась трагедия. Один из милиционеров отозвал на службу и принёс доложить о причине начальнику Рязького РО НКВД. Разъяренный начальник выхватил пистолет и ранил своего сослуживца. Раненый просился в кабинет к политработнику отдела, лица защиты. Комиссар не стал слушать и застрелил раненого.

Родственники погибшего, несмотря на очень тревожное время, обратились в Москву с жалобой и требованием выдать труп для захоронения. Прибыл какой-то уполномоченный. Начальник и комиссар были отправлены в штрафной батальон, а труп приказано было отплатить родственникам.

Ночью в истребительный отряд прибыли люди из РО НКВД и начальник тюрьмы г. Рязька Прудцев. Прибывшие отобрали несколько человек «самых надежных» (в смысле, партийных и комсомольцев). Среди них был и Дубровин И. А. С лопатами

группа двинулась в лес, шли примерно 2 км, затем зажгли фонари, зашипыненные сверху колпаками, и стали разрыть траншею. На небольшой глубине обнаружили массу трупов мужчин, еще неразложившихся, одетых только в кальсоны. По очертаниям траншеи трупов было несколько десятков.

Из груды трупов они извелили милиционера, убитого начальником и комиссаром, он был опознан по одежде. Милиционеру оказали «привилегию»: его закопали в одежде. Могила была зарыта и замаскирована. Труп отдали родственникам, подписку не брали, просто встали молчать. Как говорил Дубровин, расстрелянные — политзаключенные из пересыльной тюрьмы Рязька. Зам. прокурора района об этом, конечно, не мог не знать.

ЛЮБИМОВ И. П.
22.06.1991.

Разведка из местности в июле того же года результатов не дала: лес большой, за полвека на месте захоронения могли вырасти взрослые деревья. Подозрительные же ямы оказывались выходами белой глины.

Через депутатскую комиссию по гласности и восстановлению прав жертв политических репрессий рязанского горсовета мемориальцы обратились в областную прокуратуру с просьбой провести соответствующую проверку.

Первый ответ из прокуратуры был на informalно, мягко говоря, скуп:

«Заявление Любимова И. П. о расстреле якобы бывших политзаключенных из иррегулярной пехоты г. Рязька и об обнаружении их трупов в лесу в 2 км от Рязьки проверяется совместно с работниками УМБ РФ, УВД и прокуратуры.

Проверка осложняется тем, что автор заявления Любимов умер, Дубровин И. А. письменно отказался подтвердить изложенное Любимовым в заявлении. Он также отказался показать место обнаружения трупов, несмотря на то, что ему предлагали для этого транспорт и другие условия. Дубровин также отрицает о своей работе в 1939—1948 гг. в органах прокуратуры в г. Рязьке...

Старший помощник прокурора области старший советник юстиции А. Ф. КОНДРИН.

3.11.1992.»

Думается, не будет сильным преувеличением утверждение, что архивы местных «Мемориалов» на девять десятых заполнены подобными «результатами проверок». Тем неожиданнее было пришедшее 3 месяца спустя новое письмо из прокуратуры.

«В дополнение к письму от 03.11.92 на N 13-75/92 сообщая, что в связи с приближением в конце 1941 года к Рязькому району фронта по совместному указанию бывшего руководства госбезопасности и прокуратуры области в Рязький район была направлена группа работников для контроля за проведением и исполнением на месте приговоров в отношении осужденных к высшей мере наказания — расстрелу.

Акция по исполнению приговоров проводилась в течение дня 25 ноября 1941 года в подвальном помещении Рязького РО НКВД силами работников отделения милиции.

Всего было расстреляно 36 человек, в т. ч. 24 человека по обвинению в антисоветской агитации (ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР), из них 11 — женщины, главным образом, жителей Лебедянского и Трубетчинского районов Липецкой области (быв. Рязанской), 12 человек, осужденных военным трибуна-

лом за воинские преступления: дезертирства, гомовольное оставление части в боевой обстановке (ст. 193 п.п. 7-10 УК РСФСР). Личности всех репрессированных установлены. Осужденные по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР в настоящее время реабилитированы. (Итак, вовсе не приближение фронта было причиной расстрела! Жертвы уже были обречены. а «группа контроля» должна была лишь удостовериться: не смотря ни на что — кара неотвратима... — Н. Б.)

По сообщению Дубровина И. А., на которого ссылается автор письма Любимов И. П., расстрелянные были захоронены в 2-3 км от г. Рязька в районе Шуваловского лесничества, однако точного места не указал, сославшись, что лично его не знает. Несмотря на многочисленные опросы граждан г. Рязька, это место пока установить не удалось.

Исполнение приговоров в отношении осужденных было поручено заместителю начальника Рязького РО НКВД Евдокимову Г. И., политруку Колчину В. А. и ст. оперуполномоченному — Шкиркову И. М. Ответственными за исполнение приговоров явились: представитель 1-го спецотдела УНКВД Рязанской области сержант госбезопасности Фролов В. Н. и помощник прокурора области Рязанцев А. Ф.

Во время приведения приговоров в исполнение на почве ссоры Евдокимовым Г. И., с участием Колчина В. А. и Шкиркова И. М., в присутствии Фролова В. Н. и Рязанцева А. Ф., был застрелен участковый уполномоченный Мешков А. Е.

Приговором военного трибунала войск НКВД Московской области от 9 февраля 1942 года по ст. 193-17 п.п. «а», «б» УК РСФСР Евдокимов Г. И. осужден к высшей мере наказания — расстрелу, Колчин В. А. — к 10 годам лишения свободы, Фролов В. Н. — к 8 годам лишения свободы. Рязанцев А. Ф. этим приговором осужден по ст. 110 ч. 2 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы.

Определением Военной коллегии Верхов-

ного суда СССР от 26 марта 1942 года Евдокимову расстрел заменен — 10 годами лишения свободы. Приговором военного трибунала войск НКВД МО от 2 апреля 1942 года Шкирков И. М. осужден по ст. 193-17 п. «б» УК РСФСР к 10 годам лишения свободы.

Понек места захоронения жертв репрессий продолжается.

Первый заместитель прокурора Рязанской области, старший советник юстиции А. В. ПИЛИПЕНКО. 27.01.1993.»

Вот так к тридцати шести жертвам добавилась тридцать седьмая. Еще одна неизвестная провинциальная трагедия, которая едва ли когда-нибудь раскроет свою тайну. Действительно ли опоздал участковый Мешков «на работу» и попал под пулю вошедшего в палаточный раж начальника? Или не сумел выстрелить в женищину, изглянувшую перед смертью ему в глаза?

Видно и у палаточников не выдерживали нервы, и, как от брошенного в воду камня, расходились от этого преступления новые кровавые круги...

И, наконец, перед нами «Список лиц, приговоренных судами к высшей мере наказания и расстрелянных 25 ноября 1941 года в подвальном помещении Рязького РО УНКВД». Из одиннадцати женщин — десять входили в Куйманскую общину:

Аксенова Александра Максимовна, 1916 г. р., из с. Павловское Лебедянского района;

Голубых Мария Васильевна, 1900 г. р., из п. Волотовские Дворики Лебедянского района;

Жданова Мария Федоровна, 1908 г. р., из с. Куймань;

Копытина Варяра Ивановна, 1890 г. р., из с. Парроф Трубетчинского района;

Наумова Дарья Федоровна, 1886 г. р., из с. Куймань;

Несейкина Татьяна Михайловна, 1883 г. р., из с. Павловское;

Пяшинина Инна Андреевна, 1915 г. р., из с. Нижне-Бруслаевка Лебедянского района;

Шерстнева Марфа Ивановна, 1895 г. р., из с. Павловское;

Чеснокова Евгения Сергеевна, 1880 г. р., из с. Куймань;

и в самом конце, под N 34: Чеснокова Мария Ивановна, 1878 г. р., из с. Куймань, осужденная Рязоблсудом от 21.09.41 г. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР, реабилитированная по Указу ПВС от 16.01.89 г. ...

Что ж, вот он — happy end по-советски: узнать хоть чуточку правды о судьбе родного человека, а уж если и могилку удастся отыскать...

И что значат прошедшие полвека, если болит у Ивана Федоровича сердце, и страдание это — по-прежнему с ним. В том страшном списке, кроме тетки, нашел он еще трех своих родственниц. И когда он вспомнит несню, с которой Мария Чеснокова покидала монастырь: «Прощай же, обитель святая, Прощай, наша мать, навсегда! Тебя нам, обитель святая. Не видеть уже никогда...» — голос его дрожит...

Евангелие монахини Марии Чесноковой.

ФОТО СЕРГЕЯ РОМАНОВА

Евгениуш МЕСИЛО

Польские “банды УПА”

Этим материалом “Карта” открывает серию публикаций об антикоммунистическом повстанческом движении на Украине, в Прибалтике, странах Восточной Европы. Мы не склонны к апологетике этой партизанской войны — описываемые события являются трагедией тысяч людей различных национальностей, вероисповеданий и политических убеждений. Несомненно одно: часовой механизм этой борьбы был запущен лидерами тоталитарных режимов. Наша задача — на основе документов, воспоминаний, свидетельских показаний воссоздать подлинную картину происшедшего. Публикуемый ниже материал во многом разрушает миф о «бандформированиях» Украинской повстанческой армии (УПА), обнажает тайные пружины провокационной деятельности органов госбезопасности.

РЕДАКЦИЯ.

ПРОВОКАЦИЯ была одним из основных методов борьбы с подпольем в Польше после 1944 года. Провокации планировались против всей вооруженной оппозиции. Полностью доказано их использование против организации украинских националистов ОУН и украинской повстанческой армии УПА.

В начальный период (1946–1947 гг.) для борьбы против вооруженного подполья и против сочувствующего ему населения использовались войсковые подразделения, действующие партизанскими методами. Формировали их, как правило, из солдат — бывших членов коммунистических партизанских формирований, замаскированных под «сражающиеся банды». Этот же метод использовался НКВД при борьбе против УПА на территории СССР.

Кроме внешнего сходства с противником, лжеповстанцам следовало добиться доверия той части населения, которая сочувствовала подполью.

ЗАМЫСЕЛ вести борьбу таким методом родился еще в 1945 году. На это указывает совершенно секретная разработка: «Тактика борьбы с бандами», представленная 5 января 1946 года начальнику Главного политико-воспитательного управления Войска Польского бригадному генералу Казимежу Светликову и начальнику Генерального штаба ВП генералу брони Владиславу Копелицу начальником организационно-инструкторского отдела Главного политико-воспитательного управления полковником Нойгебауером. Разработка состояла из четырех частей: 1 — тактика банд, 2 — тактика демократических властей, 3 — итоги, 4 — изменение тактики борьбы.

Приведенные в ней оценки и предположения касались в основном Белостокского воеводства. Однако по мнению полковника Нойгебауера, они с успехом могли быть использованы и в других районах страны, находящихся под угрозой деятельности банд.

Главным в разработке был пункт четвертый. В нем полковник предлагал создавать из партийных активистов, рабочих, солдат, офицеров партизанские отряды, одетые в гражданское, с целью внести дезорганизацию в ряды банд. Усилить репрессии против членов банд и лиц, с ними сотрудничающих. Не оставлять безнаказанными крестьян, укрывающих бандитов. На бандитский террор реагировать соответствующим контртеррором. Установить правило коллективной ответственности деревень за преступления, происшедшие на их территории. На преступные акты реагировать немедленно: а) установлением материального наказания (конфискацией имущества), б) массовыми арестами, в) переселением жителей деревень на западные территории (причем, с расселе-

нием), г) немедленным расстрелом на месте схваченных с оружием в руках, а также владельцев домов, в которых было найдено оружие, е) при коллективном сопротивлении (в крайнем случае) — сожжение деревень.

ДЛЯ обоснования предлагаемых методов полковник Нойгебауер сослался на миротворческие акции на польских землях после 17 сентября 1939 года, когда, по его мнению, в процессе коллективизации и сбора госпоставок там господствовали порядок и спокойствие.

Заметки заместителя начальника Генерального штаба Польской армии бригадного генерала Стефана Массора с заседания Политбюро ЦК ПРП, которых состоялось 17 июня 1946 года, свидетельствуют о том, что полковник Нойгебауер не был одинок в своих замыслах. Во втором пункте совещания, посвященного борьбе с подпольем, в связи с приближающимся всенародным референдумом, он записал: «Использование в тех местах, где имеется сильный актив, гражданских партизан». В пункте 15 записано: «Вопрос превентивных арестов и ликвидации активистов противника».

ОТМ, что такие методы использовались на практике, свидетельствуют отдельные тайственные убийства деятелей оппозиции, произведенные неизвестными исполнителями. Эти методы были настолько успешны, что Государственная комиссия безопасности признала очень важным в предвыборном процессе использовать боевые группы, одетые в гражданское, и рекомендовала, чтобы их акции были строго скоординированы с войсковыми подразделениями во избежание недоразумений. Несколько позже, в октябре 1946 года, руководство Корпуса внутренней безопасности издало директиву, требующую в числе прочего, в тактике действий против банд организовать конспиративную деятельность с использованием специальных подразделений в гражданской одежде. Благодаря сохранившимся документам, многое известно об использовании таких подразделений на территории, охваченной действиями украинского подполья.

Характерно, что спецподразделения использовались, как правило, когда активность групп УПА ослабевала или совсем исчезала. Такая ситуация впервые возникла в июне 1946 года после насильственного выселения украинского населения на территорию СССР. Реакция руководства 8-й пехотной дивизии на потерю активности боевого подполья была немедленной. 19 июля 1946 года начальник штаба дивизии подполковник Рожковский в посланной в штаб оперативной группы “Жешуф” шифротелеграмме докладывал: «Подраз-

деления дивизии, организованные в виде партизан, выехали на места».

ВОЗНИКАЕТ вопрос: сколько было таких подразделений? Куда и с какой целью они были посланы? Из шифрограммы № 302 полковника Евченко, посланной 29 июня 1946 года в Генеральный штаб польской армии, следует, что такие группы входили в состав каждого полка. 8-я пехотная дивизия имела 4 полка. Известно также, что в состав 32-го пехотного полка, входившего в 8-ю дивизию, на 27 июля входили 4 партизанских подразделения, действовавших на территории Сандоховского уезда.

В это самое время в Бжазовском уезде действовали 4 группы из 36-го пехотного полка и столько же из 34-го пехотного полка и 37-го полка легкой артиллерии в Лесном уезде.

В донесении от 27 июля по является информация об аналогичных группах, посланных в уезды Пшимыский, Ярославский, Любановский 26-м, 28-м и 30-м пехотными полками, входившими в состав 9-й пехотной дивизии. Насчитывали они от 50 до 100 человек, хорошо вооруженных и переодетых в обмундирование УПА. Об их текущей деятельности был информирован начальник Генерального штаба генерал брони Владислав Корчиц. Если принять, что в каждом полку было по 4 подразделения, то в составе 8-й и 9-й пехотных дивизий их было 32. Такие же подразделения имелись в распоряжении областных и уездных отделов общественной безопасности. Зарождение одного из таких подразделений описал Владислав Пожега — заместитель министра в 80-е годы, а в 47-м году «боец УПА». Он пишет: «В областном управлении общественной безопасности в Жишове возникло мнение, что необходимо создать взвод, в соответствии с наилучшими традициями УПА. Нужно было найти людей, которые бы хорошо знали обстоятельства, практику, обычаи и привычки украинских националистов. Соответственно физически и психологически их подготовить, обмунди-

ровать и вооружить так, как был обмундирован и вооружен противник. С этим не было никаких проблем. Наши склады были полны трофеев, добытых у разбитых групп УПА. В управлении было несколько человек, годных для такого дела. Несколько других мы умыкнули у соседей. Остаток одолжили у армии. Искали людей, знающих украинский язык. Брали только добровольцев. Все происходило в полнейшем секрете. Когда группа, названная «взводом Чумака» была подготовлена, ее посадили в автомашины, плотно закрыли брезентом, вывезли в лес, пожелали счастья и предоставили собственной судьбе. Конечно, были обговорены сигналы и способы сотрудничества, назначены люди, опекающие взвод. Не помню, сколько взвод Чумака слонялся по территории, пока произошла первая перестрелка (к сожалению, со своими). Для начала новое подразделение должно было добиться известности. Там и сяма кое-кого потормошили. Однако, старательно избегали мест, о которых было известно, что там есть милиция или армия. Было приказано избегать столкновений со своими. А вот как выглядело возвращение взвода, по выполнении задания, в казармы. Была подготовлена «успешная операция»: солдаты окружили взвод, заперли его в старом сарае. Вечером к сараю подъехали машины и погрузили задержанных. Колонна двинулась в направлении города, въехала на территорию Управления безопасности через задние ворота при погашенных фарах. Так взвод Чумака прекратил свое существование. Его сотрудники, однако, были еще нужны. Они набрались опыта, который пригодился в следующей операции.»

ГЛАВНЫМ заданием фиктивных «бандеровских» подразделений было преследование гражданского населения, непосредственного тыла подпольщиков, а также дезориентация их потенциальных союзников. Этой цели можно было достичь только акциями, подрывающими доверие к «своему» подполью. Это был пре-

красный повод для властей, оправдывающий использование самых суровых репрессий.

Все это вызывает сомнение в подлинности многих операций, приписываемых подполью после 45-го года. Очень похоже, что вскоре появятся документы, позволяющие узнать правду об акциях, ответственность за которые возлагалась до сих пор на польское и украинское подполье.

Ниже мы приводим несколько документов 1946–47 гг., которые показывают, что подобными методами чекисты пользовались многократно. В частности, для уничтожения распыленных подразделений Украинской Повстанческой Армии и выявления тех украинцев, которые избежали выселения в процессе акции «Висла» 28 апреля—31 июля 1947 года.

Годом позже, уже после полной ликвидации УПА на территории Польши, оказалось, что служба безопасности заинтересована в «воскрешении» организации украинских националистов. Миссию по организации фиктивного руководства ОУН, имеющего связи с украинским подпольем в СССР и руководством ОУН за границей, была поручена агенту Управления безопасности Леону Лапинскому (псевдонимы — Зенон, Богуслав, Рвущий), бывшему начальнику безопасности в 3-м округе ОУН на Любелщине.

Вся сеть, насчитывающая несколько десятков человек, была в мае 1954 года раскрыта органами безопасности. А Зенон совершил фиктивное самоубийство. Деятельность этой организации, полностью контролировавшаяся польскими и советскими органами ГБ, и последующая ее ликвидация, стали предлогом для массовых арестов и очередным поводом для убеждения общественности в том, что существует угроза со стороны украинских националистов.

Заметки заместителя начальника Генерального штаба польской армии генерала бригады Стефана Массора с заседания Политбюро ЦК ПОРП 18 июня 1946 года, Варшава.
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

Отряд чекистов, замаскированный под повстанцев УПА.

1. Прежде всего обращено внимание на два вопроса: единоличность руководства трех частей, составляющих службу безопасности — служба безопасности (Министерства и воеводства), войска службы безопасности, милиция, действующая до сих пор самостоятельно, без единого руководства. Организация лучшей оперативной разведки, являющейся основой борьбы с бандитизмом. Решение принято не было.

Предложены меры:

- улучшить отбор кадров;
- усилить специализацию;
- улучшить использование денежных средств и увеличить суммы;
- приспособить разведку к характеру деревни, главной базы банд.

Кроме того, затронуты следующие вопросы:

2. Использование в тех местах, где имеется сильный актив, гражданских партизан.

3. Использование оперативными группами безопасности гражданской одежды.

4. Необходимость санкций против пошени формы бандитами.

5. Необходимость санкций против родственников бандитов (их баз и разведки).

6. Проблема охраны железнодорожных путей, принципиальных ревизий относительно тесного сотрудничества безопасности и службы охраны железных дорог, а также чистки этой службы.

7. Подтверждено, что проблема безопасности шоссейных дорог зависит от правильной организации агентурной разведки и уничтожения банд. Это задача воеводских комитетов партии и воеводских комитетов безопасности.

8. Отмечены недостатки милиции и необходимость ее дальнейшей чистки.

9. Повторный нажим на раздачу оружия активу и добровольному резерву гражданской милиции.

10. Необходимость чистки администрации воеводства Краковского, Варшавского, а прежде всего Жешуфского.

11. Оговорена дальнейшая необходимость прекращения схематичных тяжелых операций и приспособления гибких операций к характеру местностей и банд.

12. Необходимость завершения операции по уничтожению разбитых или рассеянных банд и одиночных бандитов.

13. Подчеркнута перегрузка армии разпорядками несвойскими заданиями и опасность полного прекращения учебы в армии уже в течение трех месяцев.

14. Затронута необходимость сотрудничества воеводских командантов с секретарями ПОРП.

15. Вопрос превентивных арестов и ликвидации активистов противника.

Подпись Массора.

Шифрограмма N 266 начальника штаба 8-й пехотной дивизии подполковника Рожковского начальнику штаба оперативной группы "Жешуф" подполковнику Евченко, информирующая о результатах деятельности подразделений польской армии, сформированных в виде УПА. Романовздруй, 20 июля 1946 года. **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.**

Подразделения дивизии специальными группами в виде партизан действуют в своих районах.

В районе Виланова и Романовздруя в ночь с 19 на 20 июля 1946 года подразделения 32-го пехотного полка вступили в бой с группами бандеровцев, которых рассеяли. Потерь нет.

Подполковник Рожковский.

Приказ командира 9-й пехотной дивизии командирам 28-го и 30-го пехотных полков по вопросу формирования подразделений польской армии, действующих в виде УПА. Пшемьсль, 3 августа 1947 года. **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.**

Командир дивизии приказал до 5 августа 1947 года из имеющихся в составе полка разведывательных взводов создать разведподразделение в составе 30 человек. Подразделение переодеть в бандеровскую одежду и сделать похожим на банду.

Действовать они будут партизанскими методами. Эти подразделения получают специальное задание от офицеров разведки оперативной группы. Об исполнении приказа доложить до 5 августа 1947 года по телефону или радио.

И.О. начальника 9-й пехотной дивизии, начальник 1-го отдела капитан Моллингер.

Распоряжение N 001 штаба оперативной группы войскового округа N 5 по вопросу создания разведывательных подразделений польской армии, действующих в виде солдат УПА. Жешуф, 1 августа 1947 года. **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.**

В результате деятельности подразделений оперативной группы "Висла" в уездах Любачув, Пшемьсль, Санок, Леско, Новый Сонж и Горлице боевые подразделения УПА разбиты и дезорганизованы, потеряли боеспособность своих людей, вооружение и снаряжение. Часть сотен УПА (сотни "Громеники", "Бурлаки", "Романа") под нажимом подразделений польской армии были вытеснены на территорию Чехословакии. Другие, например, сотни "Бира", "Хрина" и "Стаха" — на территорию СССР, где окружены и ликвидированы в основном местными подразделениями армии. Остатки боевых подразделений УПА блуждают до сих пор в районе Жешуфского воеводства в небольших количествах, избегая столкновения с армией и действуя мелкими группами от двух до четырех человек, в основном с целью добычи средств пропитания.

На территории воеводства осталась часть хозяйственного снабжения и медицинского персонала УПА, задачей которых является освоение района, приготовление запасов продовольствия и вербовка новых членов банд среди вновь появившегося населения.

Для полной ликвидации остатков банд в районного управления УПА командир оперативной группы 5-го военного округа приказывает командирам дивизий и бригад сформировать

1. В каждой дивизии по 5 и в каждой бригаде по 3 разведывательных подразделения в составе от 20 до 30 человек. Вооружение и организационные указания в прилагаемой инструкции.

2. Среди личного состава разведывательных подразделений выбрать в каждой дивизии по 2 и в каждой бригаде по 1 разведподразделению, которые следует переодеть в бандеровскую форму, внешне уподобив их бандам. Действовать они будут партизанскими методами, стараясь вступить в самый близкий контакт с бандами, выдавая себя за бандеровские подразделения с целью максимально быстрой и наиболее успешной ликвидации бандитских групп.

3. Каждому из разведподразделений вы-

делить особый, четко очерченный район деятельности, по которому имеются точные данные, что в нем действуют банды.

4. На период деятельности разведподразделений освободить районы от присутствия других военных подразделений, отрядов гражданской милиции, добровольного резерва гражданской милиции, а также обратить особое внимание на организацию связи, которая бы исключала всякую возможность взаимных недоразумений и огневого контакта между разведподразделениями и другими войсковыми частями и милицией.

5. Руководство подразделениями централизовать.

6. Разведподразделения должны всегда находиться на своей строгой очередной территории.

7. Связь с вышестоящим руководством разведподразделения должны поддерживать исключительно при помощи шифрованной связи.

Начальник разведотдела опергруппы 5-го военного округа подполковник Евченко.
Начальник штаба опергруппы 5-го военного округа полковник Хиленский.

Инструкция N 1 по организации и методам деятельности разведывательных подразделений оперативной группы 5-го военного округа.

1. Разведывательные подразделения сформировать из наилучших представителей личного состава частей дивизии. Обеспечить наилучшими унтер-офицерскими и офицерскими кадрами с целью интенсивного обучения. В кратчайший срок подразделения должны начать разведдеятельность на территории.

2. Вооружить каждое подразделение двумя-тремя ручными пулеметами, 70% автоматами, 30% карабинами, гранатами.

3. По мере возможности обеспечить подразделения радиостанциями короткого радиуса действия.

4. ...промежуточные пункты снабжения содержать в строгом секрете. Подразделения обеспечить сухим пайком.

5. Методы деятельности в разведывательной акции: всеми имеющимися и возможными средствами организовать сотрудничество с органами безопасности и милицией, а так же со своими соседями. По мере возможности использовать для работы собак, которых с этой целью необходимо получить в гражданской милиции.

Любое встреченное подозрительное или вооруженное лицо должно считаться бандитом. Необходимо, в первую очередь, попытаться взять его живым, а при отсутствии такой возможности — уничтожить.

Начальник разведывательного отдела опергруппы 5-го военного округа подполковник Евченко.

По материалам польского независимого исторического журнала "KARTA".

Вариана

ПОЛЯКИ, РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В СМОЛЕНСКЕ

(Из архива Алексея Забелина)

Сколько их было: расстрелянных, раскулаченных и сосланных, лишенных элементарных человеческих прав, высланных из страны, запертых в «психушки»? Сколько их, превращенных заживо в тень бессловесную, добывало уголь в Воркуте, рыло Беломорканал, обживало ГУЛАГи?..

Одни источники указывают 20 миллионов душ, другие — 45. Как будто между этими зловещими цифрами нет никакой разницы. Есть. Между — бездонная траншея с закопанными заживо, безвестно погребенными, сломленными и жаждавшими прихода смерти как избавления от терзающих физических и духовных мук. В это число распятых, обрета потусторонний голос, входят первые 12.000 смолян, вывезенных и собранных воедино в картотеке А. А. Забелина. На очередном заседании краеведческого клуба «Феникс» он сделал частичный анализ того произвола, который творился на Смоленщине (причем, только в северных ее районах) в первые годы советской власти. А картина, обрисованная Алексеем Александровичем, хотел он того или нет, получилась зловеющая и впечатляющая. Пик репрессий, как и везде по стране, — 1937 год. Погибли все слои населения, но больше всех, конечно же, крестьяне (78 процентов). И мы еще удивляемся количеству исчезнувших, пустующих сел, полному упадку сельского хозяйства.

А началось все гораздо раньше 37-го, это потом по накатанной дорожке «легче» стало... В 1922 г. в г. Смоленске состоялся процесс над священнослужителями, по которому осуждено было 47 человек. 1928 г. — так называемый «Смоленский нарыв», затем арестованы работники Геденовской больницы, расформированы театральное училище, латышский и еврейский театры (многие посажены). И дальше: «де-

ло животноводов», «дело учителей» в г. Демидове, «дело землеустроителей», арестованы 5 студентов литературного факультета педагогического института (по иронии судьбы освобождены в 1941 г. немцами, расстрелять их не успели), сфабриковано «дело» на профессора этого же института, арестован брат писателя Ильенкова... И пошло, и поехало... Из частных примеров: из деревни Семеновщина Демидовского района высланы с семьями в Сибирь 4 брата Якушенковы, супруги Соболевы из соседней деревни, 4 брата Панасенковы из дер. Задорье Велижского района и 4 брата Богдановы. К 4 годам лишения свободы приговорен 72-летний крестьянин из дер. Высокое Духовщинского района А. С. Бялковский, к 10 годам — 78-летний А. Н. Ратников из Сычевского района. Крестьянка М. И. Романовская выслана с двумя детьми в Новосибирскую область. И этому списку нет конца.

Наглядно прослеживается копирование во всем московских процессов, примерно одинаковое количество проходивших по «делу» лиц (5–10 человек) — на столько, видимо, пришла «разнарядка» сверху.

А. А. Забелин поделился своими воспоминаниями о знакомстве с правнучкой адмирала Нахимова Асей (в то время — лишенкой), о встречах во время войны с маршалом Мерецковым, незадолго перед тем прибывшим на Волховский фронт прямо из Лефортовской тюрьмы. И подумалось, что не случайно он, депутат горсовета, занялся сбором, выявлением, систематизацией и реабилитацией незаконно осужденных лиц. К такому подвижничеству обычно толкает что-то личное. Случайно ли эти люди, разбросанные по стране, вдруг приходят к одним мыслям, одним поискам: Д. Юрасов, А. Забелин... Или

действительно «пепел стучится в наши сердца», и пришло время раздумий и покаяния. И то, и другое.

Мать А. А. Забелина — Мария Александровна, бывшая дворянка, была осуждена «за связь с белоэмигрантами, участниками контрреволюционной организации «Спасение родины и революции» и расстреляна. Впрочем, у кого в семье не было подобных трагедий? Но не каждый способен оставшуюся жизнь посвятить хотя бы и столь святому делу. Каждодневная суета, погоня за «дефицитом», да и склонности сердечной нет к людским страданиям (пусть и к прежним — от них нынешние), и лень-матушка. Тем больше мы должны ценить душевную щедрость и неуспокоенность избранных. Низжайший поклон и благодарность живущих и будущих поколений Алексею Александровичу, взвалившему на себя сей тяжкий крест. Огромную работу начал и продолжает этот неутомимый, благородный, честный человек. Опять куда-то едет, разыскивает свидетелей, листает подшивки газет и журналов. Мечтает об издании областной «Книги Памяти». А картотека все растет, и ей не видно конца. Но лишь бы она не пополнялась из нашего времени. В это хочется верить.

*Уже среди новых пыток я опять,
Среди новых жертв, куда ни обратиться,
Куда ни посмотреть, куда ни стать
Я в третьем круге, там,*

*где дождь струится,
Проклятый, вечный, грузный, ледяной,
Всегда такой же, он все так же длится...*

Кажется, Данте стал Нострадамусом для нашей, отдельно существующей страны. Его ад — не вымысел, он существовал здесь, в реальном мире. Увы...

Материал подготовила Г. КОВАЛЕВА
Смоленск

АВГЛИС Варфоломей Адамович, 1873 г. р.; урож. Ковенской губ., Польша; арестован 13.03.31 г., ст. 58, п. 10.

АГАФОНОВА Александра Ивановна, 1885 г. р.; родилась в Польше; осуждена 8.10.38 г., ст. 58, п.п. 8, 10; 10 лет ИТЛ.

АНОЩЕНКОВА-МЕЛЬЧАРАК Маргарита Антоновна, 1900 г. р.; урож. Польши; арестована 17.06.38 г., ст. 58, п. 10; 8 лет ИТЛ.

АНТОНЮК Моисей Маркович, 1894 г. р.; урож. Польши; арестован 8.10.38 г., ст. 58, п. 10; 8 лет ИТЛ.

АПТЕКИН Лев Борисович, 1889 г. р.; урож. дер. Докшицы Виленской губ., Польша; арестован 3.02.38 г., ст. 58, п. 6; 10 лет ИТЛ, по протесту облпрокурора освобожден в мае 1939 года.

АПТЕКИН Мотя Борухович, 1907 г. р.; урож. дер. Докшицы Виленской губ.; арестован 5.02.38 г., ст. 58, п. 6; 10 лет ИТЛ, на основании директивы НКВД 00919-39 года решение отменено, из ИТЛ освобожден в 1939 году.

АСТАШЕК Станислав Иванович, 1888 г. р.; урож. Калишской губ., Польша; осужден ОСО НКВД в Москве в феврале 1938 г., ст. 58, п.п. 9, 10; 10 лет ИТЛ, срок снижен до 3 лет.

АФАНАСЬЕВА Вера Адамовна, 1891 г. р.; урож. Варшавской губ.; арестована 7.01.30 г., ст. 58, п.п. 8, 10.

АФАНАСЬЕВА-МОТОВИЛОВА Елена Титовна, 1908 г. р.; урож. Варшавской губ.; арестована 4.12.29 г., ст. 58, п. 8.

БАЛЮНИС Иван Адамович, 1875 г. р.; урож. гор. Вильно; арестован 09.03.38 г., приговорен ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 10; приговор приведен в исполнение 10.04.38 г.

БАНАШЕК (БОНАШЕК) Александр Павлович, 1889 г. р.; урож. Польши; арестован 24.10.37 г., приговорен ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п. 10; приговор приведен в исполнение 29.12.37 г.

БОБРОВА-ЯНОВСКАЯ Регина Григорьевна, 1903 г. р.; урож. гор. Белостока, Польша; арестована 31.05.37 г., приговорена ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п. 6; приговор приведен в исполнение 26.09.37 г.

БОГДАНОВИЧ Антон Юльянович, 1915 г. р.; урож. гор. Рокон, Польша; арестован 31.10.37 г., приговорен ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 12; приговор приведен в исполнение 22.12.37 г.

БОНДАРЕВ Антон Антонович, 1895 г. р.; урож. Виленской губ.; арестован 01.03.30 г., ст. 58, п. 10; 3 года ИТЛ.

БОРОДИЧ Викентий Викентьевич, 1892 г. р.; урож. Виленской губ.; арестован 27.04.38 г., приговорен к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 10; приговор приведен в исполнение 02.06.38 г.

БРЕНЕР Антон Флорнатович, 1886 г. р.; урож. гор. Лодзь; арестован 21.08.37 г., приговорен ОСО НКВД к ВМН, ст. 58, п. 10; приговор приведен в исполнение 25.09.37 г.

БРЕНЕР Юлиана Яновна, 1890 г. р.; урож. Люблинского воев.; арестована 12.09.37 г., осуждена ОСО НКВД в Москве, ст. 58, п. 10; 10 лет ИТЛ.

ВАЙВАРЕК Иосиф Лаврентьевич, 1870 г. р.; урож. Калишской губ., Польша; арестован 21.08.37 г., приговорен ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п. 10; приговор приведен в исполнение 14.10.37 г.

ВАЙНБЕРГ Исаак Григорьевич, 1896 г. р.; урож. Польши; арестован 10.08.37 г., приговорен ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п. 6; приговор приведен в исполнение 13.11.37 г.

ВАРАКСА Станислав Адамович, 1898 г. р.; урож. Виленской губ.; арестован 17.07.38 г., ст.ст. 17-58, п. 6; 5 лет ИТЛ.

ВАСИВАЙТЕС Роман Романович, 1883 г. р.; урож. Варшавской губ.; арестован 26.10.37 г., приговорен ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 10; приговор приведен в исполнение 9.02.38 г.

ВАСИЛЕВСКИЙ Константин Константинович, 1888 г. р.; урож. гор. Вильно; арестован 15.04.38 г., приговорен ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п.п. 4, 6, 10, 11; приговор приведен в исполнение 01.09.38 г.

ВАСИЛЬЕВА-МИСБАХ Ванда Густавовна, 1891 г. р.; урож. гор. Лодзь; арестована 17.04.38 г., приговорена ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п. 6; приговор приведен в исполнение 3.06.38 г.

ВЕЛИСЕВИЧ Елена Осиповна, 1906 г. р.; урож. Варшавы; арестована 22.10.37 г., приговорена ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 10; приговор приведен в исполнение 25.11.37 г.

ВОЙЦЕЛЕНКО Владимир Иванович, 1894 г. р.; урож. Виленской губ.; арестован 17.11.37 г., ст. 58, п. 10; 10 лет ИТЛ.

ВОЛЧЕНКОВА Екатерина Войтеховна, 1901 г. р.; урож. гор. Августова, Польша; арестована 16.06.38 г., ст. 58, п.п. 4, 10 и 11; 10 лет ИТЛ.

ВОЛЬСКИЙ Сигизмунд Михайлович, 1897 г. р.; урож. Варшавы; арестован 10.08.37 г., приговорен ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 10; приговор приведен в исполнение 8.10.37 г.

ВУЙЦИК Иосиф Викентьевич, 1902 г. р.; урож. Радомской губ., Польша; осужден ОСО НКВД в Москве 4.07.36 г., ст. 58, п. 1 "г" (недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене); 5 лет ссылки в Казахстан.

ГАВЛИК Павел Иванович, 1894 г. р.; урож. Познанской губ.; арестован 20.08.37 г., приговорен ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 10; приговор приведен в исполнение 25.09.37 г.

ГАРТЕНКРАУТ Израиль Моисеевич, 1908 г. р.; урож. гор. Люблин; арестован 13.11.40 г., осужден ОСО НКВД в Москве, ст. 58, п. 4; 10 лет ИТЛ.

ГЛЕМБОВЕЦКИЙ Лонгин Александрович, 1865 г. р.; урож. Варшавы; арестован 26.11.30 г., ст. 58, п. 10; 5 лет концлагеря с заменой высылкой в Казахстан.

ГОЛУБОВСКИЙ Григорий Вильгельмович, 1889 г. р.; урож. Калишского повета, Познанского воев.; арестован 2.04.38 г., приговорен к ВМН, ст. 58, п. 10; приговор приведен в исполнение 11.11.37 г.

ГОЛУБЬ Павел Викторович, 1905 г. р.; урож. Виленской губ.; арестован 5.10.37 г., приговорен к ВМН; приговор приведен в исполнение 11.11.37 г.

ГОРНОСТАЙСКИЙ (ГРОНОСТАЙСКИЙ) Франц Александрович, 1893 г. р.; урож. Ломжинского повета, Варшавского воев.; арестован 27.06.31 г., осужден ОСО ОГПУ, ст. 58, п. 10.

ГРАБОВСКИЙ Ян Осипович, 1891 г. р.; урож. Варшавской губ.; арестован 10.02.38 г., приговорен ОСО НКВД к ВМН, ст. 58, п. 6; приговор приведен в исполнение 14.04.38 г.

ГРИГО Александра Александровна, 1898 г. р.; урож. Варшавы; арестована 9.11.37 г., приговорена ОСО НКВД к ВМН, ст. 58, п. 10; приговор приведен в исполнение 13.12.37 г.

ДАВИДОК (ДАВЫДЮК) Устин Акимович, 1885 г. р.; урож. Польши; арестован 16.07.38 г., приговорен к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 10; приговор приведен в исполнение 8.10.38 г.

ДЕ ВИТ (Де ВИТТ) Петр Яковлевич, 1873 г. р.; урож. Виленской губ.; арестован 8.03.33 г., ст. 58, п.п. 7, 11.

ДМИТРОШИН Федор Иванович, 1876 г. р.; урож. Люблинской губ.; арестован 24.06.38 г., приговорен к ВМН, ст. 58, п. 10; приговор приведен в исполнение 26.07.38 г.

ДОБРЖИНСКИЙ Станислав Станиславович, 1897 г. р.; урож. Калишской губ., Польша; арестован 20.08.37 г., приговорен ОСО НКВД в Москве к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 10; приговор приведен в исполнение 08.10.37 г.

ДРОЗДОВА Анна Николаевна, 1894 г. р.; урож. Польши; арестована 20.05.38 г., ст. 58, п. 6; 6 лет ИТЛ.

ЕВТУХ Франц Людвигович, 1898 г. р.; урож. Гродненской губ.; арестован 20.08.37 г., приговорен к ВМН, ст. 58 п. 6; приговор приведен в исполнение 27.11.37 г.

ЖОЛНЕРЕВИЧ Игнатий Францевич, 1890 г. р.; урож. Виленской губ.; арестован 20.01.30 г., ст. 58, п.п. 4, 6, 10 и 11; 5 лет тюремного заключения; арестован 1.02.36 г., ст. 58, п.п. 10, 11; 5 лет ИТЛ.

ЖУК Бронислав Мартынович, 1888 г. р.; урож. Польши; арестован 5.03.38 г., приговорен ОСО НКВД к ВМН, ст. 58, п.п. 7, 10; приговор приведен в исполнение 19.06.38 г.

ЗАЛЕВСКИЙ Александр Александрович, 1873 г. р.; урож. Виленской губ.; арестован 29.07.38 г., ст. 58, п. 10; 8 лет ИТЛ.

ЗАЛЕСНЫЙ Антон Станиславович, 1884 г. р.; урож. Польши; арестован 20.10.37 г., приговорен ОСО НКВД к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 10 и 11; приговор приведен в исполнение 11.11.37 г.

ЗАЛЕСНЫЙ Федор Станиславович, 1892 г. р.; урож. Польши; арестован 20.10.37 г., приговорен ОСО НКВД к ВМН, ст. 58, п.п. 6, 10 и 11; приговор приведен в исполнение 11.11.37 г.

ЗАЧЕК Тадеуш Станиславович, 1894 г. р.; урож. Варшавской губ.; арестован 16.12.30 г., ст. 58, п. 6; 3 года концлагеря.

ЗДАНОВИЧ Генрих Станиславович, 1906 г. р.; урож. Виленской губ.; арестован 18.11.37 г., приговорен ОСО НКВД к ВМН, ст. 58, п. 6; приговор приведен в исполнение 14.04.38 г.

ИВАНОВСКАЯ Франциска Казимировна, 1877 г. р.; урож. Варшавы; арестована 1.06.38 г., приговорена к ВМН, ст. 17-58, п.8, ст. 58, п. 10; приговор приведен в исполнение 2.10.38 г.

ИВОН Михаил Акимович, 1880 г. р.; урож. Польши; арестован 20.08.37 г., приговорен ОСО НКВД к ВМН; приговор приведен в исполнение 14.10.37 г.

ИГЕЛЬСТРОМ Софья Александровна, 1874 г. р.; урож. с. Впялярово, Смоленского р-на; арестована 28.03.30 г., ст. 58, п. 10; 5 лет концлагеря.

ИЖИЦКИЙ Антон Яковлевич, 1893 г. р.; урож. Польши; арестован 2.06.38 г., ст. 58, п.п. 6, 10; 10 лет ИТЛ.

ИЗМАЙЛОВА Елена Викторовна, 1895 г. р.; урож. Польши; арестована 22.11.37 г., осуждена ОСО НКВД, ст. 58, п. 10; 10 лет ИТЛ.

(Продолжение следует).

Людмила АЛЕКСЕЕВА

Движение за социально-экономические права. СМОТ.

Движение за социально-экономические права появилось гораздо позже национальных, религиозных и правозащитного, его начало относится к 1978 году, и к началу 80-х годов оно не вышло из зачаточного состояния. Однако события в Польше показали перспективность рабочего, а точнее — профсоюзного движения в стране, социально-экономическая система которой подобна советской, и это обусловило повышенный интерес к аналогичным явлениям в СССР...

Планы создания профсоюзной организации горячо обсуждались и среди правозащитников и среди «социал-демократов». После долгих дискуссий было решено не лимитировать и без того слабые возможности какими-то политическими рамками, и создать правозащитную организацию, которая объединила бы людей самых разных профессий и убеждений. Так родился СМОТ — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся. Целью СМОТа было оказание правовой, моральной и материальной помощи своим членам. Для этого внутри СМОТа намеревались создать «кооперативные» объединения — кассы взаимопомощи, объединения для покупки или аренды домов в загородной местности для совместного пользования, для создания детских садов там, где их нет или не хватает, и даже для товарообмена (скажем, посылать из Москвы в другие города чай или сгущенное молоко, имеющиеся в Москве, в обмен на свиную тушенку, которая есть в некоторых районах Восточной Сибири, но отсутствует в Москве). Кроме того, при СМОТе должны были действовать рабочие группы, собирающие и обобщающие информацию о положении в области социально-экономических прав в информационных бюллетенях.

Структурно СМОТ должен был представлять объединение самостоятельных групп, не менее пяти членов в каждой — жителей одного города, поселка, работников одного учреждения, предприятия. Каждая такая группа сама должна была определять свое «поле деятельности», исходя из местных условий и своих возможностей. Каждая группа выделяла представителя в координационный орган СМОТ, и обнародовались только фамилии представителей. Они не должны были представлять списки членов своей группы и даже не должны были объяснять, кто они такие — лишь называть их численность.

При создании СМОТ (28 декабря 1978 года) были объявлены имена восьми представителей: Людмила Агапова (инженер), Владимир Борисов (электрик), Лев Волохонский (рабочий), Александр Иванченко (инженер), Евгений Николаев (географ), Валерия Новодворская (библиотекарь), Владимир Сквирский (геолог), Альбина Якорева (студентка, исключенная из института).

Вячеслав ДОЛИНИН

...Факты победили марксизм

Учитывая, что мы с Ростиславом Евдокимовым были редакторами бюллетеня Свободного межпрофессионального объединения трудящихся, нас очень интересовали польские события 1980 года. Конечно, мы очень внимательно следили за тем, что делается в Польше. И наш профсоюз — СМОТ — вступил в контакт с польской «Солидарностью». Контакт этот не был продолжительным. Выразился он, в частности, в том, что от «Солидарности» нам прислали несколько посылок с медикаментами. Это было как раз в 1980 году, в порядке оказания помощи СМОТу. Дело в том, что СМОТ, помимо задач политических, старался решать, главным образом, задачи социальные, которые и должен решать профсоюз. В нашей стране, где с медикаментами плохо, такая помощь имела немалое значение. По линии СМОТа делалось еще кое-что в порядке оказания социальной помощи. Например, я знаю, что из Питера отправлялись в Ростов мыло. Надо сказать, что когда СМОТ создавался, предусматривалась целая программа оказания социальной помощи членам профсоюза.

Вскоре к ним присоединились еще шестеро: Вадим Баранов (шофер), Валентин Самойлов (пенсионер), Николай Никитин (шофер), Николай Розанов (инженер), а через несколько месяцев — Наталья Лесниченко (машинистка) и Всеволод Кувакин (юрист).

Но вскоре трое были арестованы (Сквирский, Никитин, Волохонский), двое эмигрировали (Николаев и Баранов), а несколько человек через некоторое время покинули СМОТ без особого нажима властей...

17 июня 1982 года в Москве были арестованы издатели Информационного бюллетеня СМОТ Валерий Сендеров (математик, после увольнения из школы работал сторожем), Владимир Гершуни (рабочий, бывший политзаключенный) и Илья Гельцер (студент Института стали и сплавов)...

В связи с этими арестами были проведены многочисленные обыски в Москве, Киеве и Ленинграде, где 13 июня был арестован литератор Вячеслав Долинин, а 22 июня — филолог Ростислав Евдокимов. При аресте Евдокимов, как и Сендеров, заявил, что считает себя членом НТС...

11 сентября 1982 года произошли обыски в нескольких деревнях новгородской области, где в лесничестве работал освободившийся из лагеря Лев Волохонский и несколько его друзей. 8 декабря Волохонский был арестован. На следующий день после его ареста был объявлен новый состав Совета представителей СМОТ: москвич Николай Уханов, ленинградцы Татьяна Плетнева, Александр Скобов, Ирина Цуркова, Владимир Сытинский, Русакова и Павлов (последняя фамилия — псевдоним).

В Ленинграде в нескольких местах на стенах зданий появились надписи: «Свободу Волохонскому!», «Свободу политзаключенным!». В Перми и Иваново распространялись листовки за подписью СМОТ с призывом бойкотировать суббота 18 декабря. 20 декабря в Ленинграде снова прошла серия обысков и были арестованы А. Скобов и И. Цуркова.

12 июня был арестован Николай Уханов. После этого Совет представителей СМОТ опубликовал заявление, что впредь не будет объявлять имена своих новых членов.

Однако и после всех этих арестов Информационный бюллетень СМОТ продолжал выходить, только после N 35 выпуски перестали нумероваться, на них указывается лишь время выхода в свет.

"История неакомыслия в СССР".

KHRONIKA PRESS, 1984.

То, что он стал организацией политической — результат того, что он функционировал в системе, где всякая независимая от власти организация становилась политической и оппозиционной. Такова особенность тоталитарного режима: он выталкивает в оппозицию всякого, кто не пляшет под его дудку.

Да, у нас была связь с «Солидарностью». Конечно, масштабы СМОТа и «Солидарности» несопоставимы. В СМОТе было максимум 300 человек в различных группах. Но перед нами и «Солидарность» стояла общая задача, мы делали общее дело. Общее дело — демократизация общества, свержение коммунизма. Мы, конечно, понимали, что откуда существует коммунистическая диктатура, ни о каких свободных профсоюзах говорить не приходится, трудящийся человек обязательно будет рабом этого государства. А поскольку он раб, то, естественно, государство всякую его борьбу за свои права будет пресекать самыми жестокими методами. В чем мы и убедились на своем опыте.

У нас была тесная связь с НТС. Тогда, в 80-м, НТС выпустил сборник материалов «СМОТ и «Солидарность», где сопоставлялись процессы профсоюзной деятельности в Советском Союзе и в Польше. Конечно, 95 процентов сборника было посвящено «Солидарности», и лишь 5 — СМОТу. Но даже это не отражает реального соотношения сил: 10 миллионов членов «Солидарности» и 300 человек в СМОТе — совсем разные масштабы. Но наши власти переполошились. После нашего ареста нам постоянно говорили: «Мы не позволим вам создать «Солидарность»!» Это говорили гебисты, они же язвительно звали Льва Волохонского «Лех Валенса».

На самом деле они всерьез боялись, что сложится мощное профсоюзное движение и опыт «Солидарности» будет усвоен рабочим классом нашей страны. Но, к сожалению, наш рабочий класс тогда еще не созрел для того, чтобы создать такое движение. СМОТ продержался несколько дольше, чем «Солидарность». Когда ввели военное положение в Польше, СМОТ принял специальное заявление против введения военного положения. Мы надеялись тогда, что «Солидарность», как мощная организация, сможет что-то противопоставить вооруженной силе, сможет провести кампанию гражданского неповиновения или еще какую-нибудь мощную ненасильственную акцию, которая поможет развитию демократического процесса в Польше. К сожалению, этого не получилось, военные власти и КГБ заставили «Солидарность» врасплох.

Мы очень надеялись тогда, что Польша быстро выйдет из кризиса, который сложился после введения военного положения. Но выход оказался медленным. Тогда мы несколько не сомневались, что Польша раньше нас сбросит коммунистов. Польское общество было более зрелым, оно дальше, чем наше продвинулось по пути к демократии. Но шел период закручивания гаек и у нас, и по всей Восточной Европе. За разгромом «Солидарности» последовал разгром СМОТа и, в общем-то, почти полный разгром демократического движения в нашей стране. Не только СМОТа, но и Хельсинкских групп, и национально-демократических движений.

Однако, «Солидарность» разгромить до конца не удалось, она ушла в подполье. СМОТ тоже был в подполье. Возродиться он начал только в 1987 году, когда вышли из лагерей его активисты. А до этого он находился в состоянии стагнации. За это время многие уехали, многие просто отошли от профсоюзной работы.

Нас очень вдохновлял успех «Солидарности». Мы видели в польских событиях прообраз наших будущих событий. Мы видели, что народ способен встать против коммунистического рабства. И начинается это с не очень сильных толчков, которыми, например, были незначительные поначалу эксцессы на гданьской судовой верфи. Я не говорю о расстреле 1970 года, тогда были серьезные эксцессы, но «Солидарность» возникла позже.

Кроме публикации в информационном бюллетене СМОТ сводок о событиях в Польше и нашего заявления, мы распространяли литературу о «Солидарности», издания НТС. Мы работали в тех кругах, которые давно привыкли к самиздату и тамиздату. Существовала целая сеть распространителей и размножителей самиздата, самиздатских библиотек. Я был связан с десятками людей, которые этим занимались. Я знал, у кого что есть из литературы и производил обмен этой литературы между разными кругами. Эти люди между собой знакомы не были, а через меня шло очень много контактов. По такой же схеме действовали еще многие.

Неплохая связь у нас была с Эстонией. Мы поставляли в Эстонию

литературу, получали оттуда информацию, и часть ее использовали в нашем бюллетене. Кроме того, эстонцы пробовали нас некоторую информацию переправлять по каналам НТС или прямо по почте в Швецию, Германию. Дело в том, что эстонский КГБ бдительно следил за шведскими и немецкими адресами, и посылать письма в Швецию и Германию из Москвы и Питера было проще — местные Комитеты не были в курсе связей эстонских диссидентов.

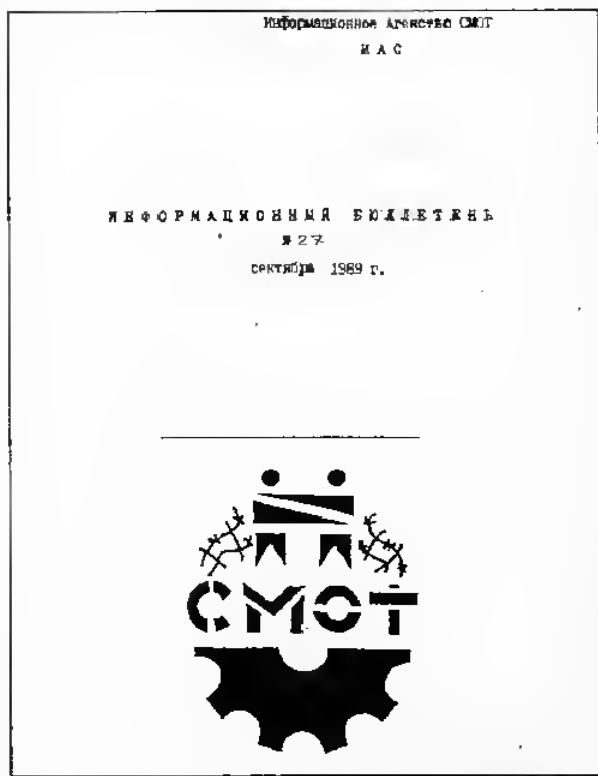
В лагере я встречался с эстонцами, которые были со мной связаны. В их приговорах было указано, что они имели связь с Питером. Это Арво Пести и Хейки Ахонен. Их «паровозом» была Лагла Парек, которая сейчас является председателем Партии национальной независимости Эстонии (в настоящее время — Министр внутренних дел Эстонии — Ред.). Она приезжала в Питер. Мы передавали им литературу, микрофильмы, которые они у себя размножали. А от них шла информация о событиях в Эстонии, в частности, о забастовках в Тарту. Тогда была попытка провести общэстонскую пятнадцатиминутную забастовку, и листовки с призывами к этой забастовке распространялись по многим городам Эстонии. И многие на 15 минут останавливали тогда работу. Мне кажется, это не были забастовки в поддержку «Солидарности». То, что нам передавали эстонцы, было проверено и надежно. В Эстонии не было филиала СМОТа и вообще аналогичного профсоюзного движения, но, конечно, эстонцы следили за событиями в Польше не меньше, чем мы.

Но особенно за событиями в Польше следили в Литве. Мне доводилось встречаться со многими литовцами, и они говорили тогда, что вся Литва напряженно слушает польское радио. Несмотря на немалые противоречия, которые все-таки существуют между поляками и литовцами, тогда Литва была целиком на стороне Польши.

Большой интерес к польским событиям проявлял тогда и питерский «Клуб-81». Естественно, симпатии «Клуба-81» были на стороне «Солидарности». Однако, «Клуб-81» — объединение людей, ставших перед собой, в первую очередь, культурные, а не политические задачи. Конечно, «Клуб» интересовался и польской культурой. Тогда переводились и печатались в «Часах», а несколько позже и в журнале переводчиков «Предлог» произведения польских авторов, которые официально не переводились на русский язык. Это, в первую очередь, произведения Мrojeжа. Мrojeж был тогда вообще не знаком советскому читателю, а в самиздате он печатался.

Совершенно особый интерес был к польскому кино. И, читая в советской печати злобные статьи о последнем фильме Анджея Вайды, которых мы не видели, например, «Человеке из мрамора», мы очень хотели его посмотреть. Тем более, что доводилось встречаться с людьми, которые приезжали из Польши и видели там этот фильм, пересказывали его сюжет. Потом о «Человеке из мрамора» мы прочли в журнале «Посев», — мы радовались тому, что цвет польской культуры, лучшие польские писатели, музыканты, кинорежиссеры были с «Солидарностью». Мы понимали, что действительно независимая, честная, высшая культура должна быть на стороне демократического движения. И то, что Вайда и других поносила советская печать, свидетельствовало о том, что они занимают правильную позицию.

Я тоже был членом «Клуба-81», но я занимался еще и политической деятельностью, в отличие от большинства членов клуба. И одной из целей моей посадки для КГБ было запугать «Клуб-81». Запугать и ссучить. «Ссучить» — слово грубое, но очень точное. Ведь гебисты

хотели, чтобы клуб меня исключил. И если бы "Клуб-81" меня исключил, пойдя на поводу у КГБ, какой бы это был козырь властям! Не этого не случилось. Хотя в клубе были сторонники моего исключения, но их оказалось очень немного. Это были, в первую очередь, те, кто сотрудничал с КГБ. А такие люди в клубе были, это не секрет. Я не буду называть фамилий, пусть у каждого человека будет шанс самому избавиться от этого груза, самому порвать с этой организацией. Самому.

Клуб, надо сказать, остался на высоте и отказался меня исключать. Провели собрание, голосование, и большинством голосов я был оставлен в рядах клуба. Такой единственный, я думаю, случай, когда члены творческого союза вдруг отказались, несмотря на указание ГБ исключать из своих рядов человека. Это беспрецедентный факт.

Если вообще говорить о том, какую роль сыграла Польша, польская мысль, польская культура, польское демократическое движение, какое влияние все это оказало на меня и на людей, которых я знаю, начинать следует не с "Солидарности". Я был маленьким ребенком, когда впервые увидел фильм, который меня потряс. Этот фильм называется "Канал" — первый фильм Анджея Вайды. Это может показаться смешным: маленький ребенок, что он понимает? Но, знаете, дети многое способны понимать, чувствовать. Я вдруг почувствовал тогда, что вижу Правду. Мы росли в те годы, когда шли фильмы о Второй мировой войне, мы читали книги об этой войне. Конечно, в детстве, как правило, доверяешь всему. Но все это подавалось очень однобокое, узко, стереотипно. В детстве этого не осознаешь, но чувствуешь. И вдруг встречаешься с другим, совершенно другим подходом. И чувствуешь, что именно это и есть правда.

Насколько я знаю, в жизни людей, которые несколько старше меня, огромную роль сыграла польская печать, гораздо более свободная, чем советская. Тогда, в 50-е годы, многие изучали польский язык для того, чтобы читать польские газеты и журналы. Сам журнал "Польша" на русском языке выгодно отличался от, скажем, журнала "Советский Союз".

Я формировался в 60-е годы. Именно тогда в прокат пошел целый ряд очень ярких польских фильмов. "Пепел и алмаз", вышедший в Польшу в 1957 году, у нас появился только в 1963-м. И вот тогда, в юности, я его посмотрел. Впечатление было огромным. Я его смотрел несколько раз. Этот фильм заставлял многие вещи осмыслить. Мне было 17 лет. Это как раз тот возраст, когда в моем сознании произошел перелом и я отказался от марксизма. До этого я был убежденным марксистом, я читал Ленина, верил официальной пропаганде вопреки фактам. Но в конце концов факты победили марксизм. И этому прозрению очень помогла польская культура, не столько в смысле просветительском, сколько в обретении внутренней свободы. Были прекрасные фильмы Войцеха Хассы. Я смотрел фильм, не имеющий прямого отношения ко всяким политическим ситуациям — "Рукопись, найденная в Сарагосе". В нем было столько внутренней свобо-

ды, такой полет мысли, фантазии... Польское кино помогало нам ориентироваться в мире культурных ценностей, понимать, что есть что. Собственно, после того, как человек знакомится с настоящим искусством, «искусство» соцреализма перестает для него существовать. Помню, я с удовольствием читал в те годы Галчинского, Тувиима, Андреевского. К польской культуре очень многие тянулись. Она не была настолько идеологизирована и настолько задраматизирована, как советская.

В те годы, в начале 60-х, в нашей стране шла кампания борьбы с модернизмом, с абстракционизмом. А журнал "Польша" как раз помещал репродукции тек художников, которых мы не знали. В Польшу издавались книги с репродукциями модернистов, мы их могли купить в магазине "Книги стран народной демократии". Эти польские издания помогли нам лучше понять мир того искусства, которое ахивалось официальной советской печатью. «Живой, выделанный ослиным хвостом» — такой характерный яркий выделанный абстрактной живописи тогдашней советской пропагандой.

Мы ходили по много раз смотреть одни и те же польские фильмы. И, помню, для нас страшной трагедией была гибель актера Збигнева Цибульского. Мы устроили митинги по Цибульскому, очень его жалели, для нас это была большая потеря. Вообще, мы любили и прекрасно ориентировались в польском кино. Польских актеров знали очень хорошо, лучше, чем советских.

Я хорошо помню 1968 год. Была опубликована речь Гомулки, посвященная событиям в Польшу того времени — антисемитской кампании. Речь была очень интересной, многие ее читали внимательно. В ней было названо много имен польских интеллигентов. И нас радовало тогда то, что польское студенчество, польская интеллигенция выступили в поддержку евреев.

Пожалуй, главным источником информации для меня были «голоса». Кстати, когда в 1981 году в Польшу ввели военное положение, их тут же начали глушить. До этого можно было слушать достаточно свободно — не "Свободу", нет — но "Немецкую волну", "Би-Би-Си". Это был важный источник информации.

Другой источник — самиздат, тамиздат. С годами он становился все мощнее и мощнее. В 60-е годы самиздата в сфере досягаемости было относительно немного. А в Польшу — совсем мало. В 70-е мне попался парижский польский журнал "Культура", отдельные его номера. Меня совершенно поразил этот журнал — я впервые тогда увидел напечатанные анекдоты, советские анекдоты на польском языке. Вообще, было заметно, какое большое внимание "Культура" уделяла советским проблемам. Было заметно, что польская оппозиция и польская эмиграция внимательно следят за тем, что происходит у нас, что Польша очень заинтересована в демократизации советского режима. Общность задач польской и советской оппозиции была очевидна.

Санкт-Петербург

Александр СКОБОВ

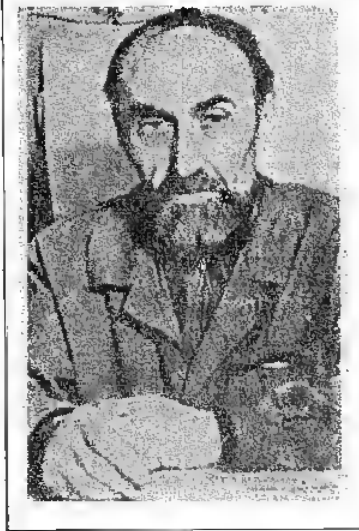
“Солидарность” жива! СМОТ.

Когда началась польская революция, я сидел. Отбывал срок по 70-й статье (антисоветская агитация и пропаганда). В 1978 году я был осужден ленинградским городским судом на принудительное лечение в психбольнице. И сначала я мог судить о событиях в Польшу только по тем искаженным сообщениям, которые мелькали в наших газетах. К тому же, эту информацию я воспринимал в значительной степени через призму моих тогдашних марксистских представлений. То есть, я увидел в этом долгожданную народную революцию, которая призвана свергнуть господствующий класс партийно-государственной бюрократии и установить некий истинный социализм — не социализм, но, в общем, «третий путь». Тот самый новый строй, основанный на коллективном владении средствами производства, широком самоуправлении... То есть, ту модель, которую исповедовали многие оппозиционные течения левого направления. Причем, эти идеи в значительной степени нашли отражение в "Солидарности". «Рабочее самоуправление» достаточно долго было ее основным лозунгом. К признанию частной собственности они пришли только когда оказались у власти. А тогда, в 80-м, польская

революция была для меня подтверждением тех моих полумарксистских взглядов.

Конечно, многие диссиденты старались, по возможности, собирать материалы о Польшу и как-то их распространять. Делалось это несколькими способами. Во-первых, из передач западного радио, которые ловить было очень трудно, потому что в тот период их глушили особенно широко. Но, тем не менее, энтузиасты умудрялись находить какие-то часы, когда лучше слышно, вылавливать что-то сквозь глушилки, что-то собирать по крупицам. И еще шла литература. Тут нужно сказать несколько слов благодарности издательству "Посев", которое очень оперативно подготовило сборник материалов о Польшу еще в 1980 году. Да и затем энтузиасты скупали польскую прессу в советских киосках.

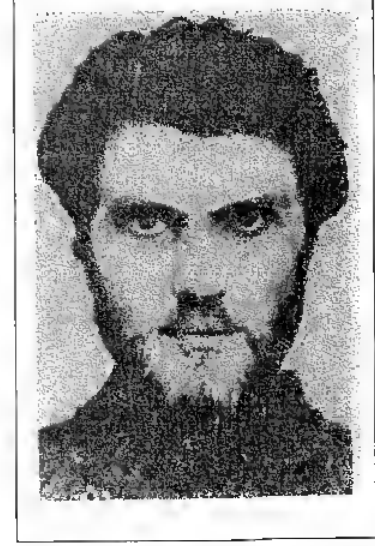
Известно, что любая либерализация режима в любой коммунистической стране начинается с того, что вдруг становится гораздо свободнее официальная пресса. Хотя, вроде бы, всё остается в силе, все законы и принципы, все руководящие роли партии, и так далее, но вдруг мы видим, что эта официальная, подконтрольная журнали-

Владимир ГЕРШУНИ

Лев ВОЛОХОНСКИЙ

Валерий СЕНДЕРОВ

стика начинает говорить гораздо свободнее. Так было и в Польше, когда в результате этого взрыва — появления "Солидарности" и общей демократизации в обществе — даже самая официальная и самая коммунистическая пресса опубликовала массу материалов, с точки зрения той ситуации — полностью диссидентских. А наша бюрократическая машина, к счастью, ужасно неповоротлива: что продавалось раньше, то и продолжало продаваться. Поэтому быстро нашлись энтузиасты, которые скупили эту прессу, делали переводы наиболее интересных и наиболее революционных для нашего застойного времени материалов. Первое, что мне дали друзья, когда я вышел из психушки летом 1981 года, был посевовский сборник "Солидарность".

К тому времени, кроме круга моих старых друзей и единомышленников, которые с большим сочувствием переживали все, что происходило у поляков, у меня появились новые знакомые, с которыми я сблизился именно в те годы, — это компания Льва Волохонского: Лев Волохонский — один из основателей и ведущих деятелей СМОТа — Свободного межпрофессионального объединения трудящихся. Оно существует до сих пор под тем же названием. Историю СМОТа до конца 1981 года я знаю по рассказам. В 1981 году СМОТ представлял из себя, на мой взгляд, довольно интересное социальное явление: на периферии диссидентского движения возник круг людей с сильным элементом социального протеста, как правило, социально неустроенных, социально мобильных, несколько авантюрного склада и достаточно агрессивно настроенных по отношению к существующей системе. Классический панкконформистский социальный андерграунд, преимущественно аутсайдеры, не закончившие образования или забросившие его, или работающие не по специальности — люмпенизированная интеллигенция.

К концу 70-х годов в Москве образовался достаточно большой круг ходоков и жалобников из народа, в том числе и из рабочих, которые, испытывая на себе типичные советские бытовые неурядицы и несправедливости, конфликты с администрацией, с местными властями, приехали в столицу искать правды. В 1978 году их объединил некто Клебанов — энергичный человек из рабочих, по-видимому, имевший контакты с диссидентами. Он объявил эту группу независимым профсоюзом, провел пресс-конференцию для западных корреспондентов. Естественно, это вызвало полнейший шок у властей, они его тут же репрессировали, а этот его независимый профсоюз — разогнали. Кто-то из этих нескольких десятков людей был выслан из Москвы, кого-то раскидали по психушкам, кого-то подкупили и удовлетворили, и они успокоились. А кто-то из них познакомился с людьми из полудиссидентского круга...

Периферия диссидентского движения — люди со своими историями, с имеющимися уже политическими конфликтами с властями, которые решили для себя: вот то, что позволит им раскатать

советскую систему. И они — Владимир Борисов, Лев Волохонский, Николай Никитин, Владимир Гершун и другие — преобразовали это движение в СМОТ. СМОТ имел Совет представителей, издавал информационный бюллетень.

События в Польше продлили существование СМОТа именно с такой вывеской. Потому что к 1980 году, насколько я понимаю, в первоначальном составе СМОТа воцарилось такое настроение: рабочее движение у нас не раскатать никакими средствами, и вообще, нужна ли эта вывеска, которая работает исключительно на Запад, якобы это какой-то зародыш профсоюзного движения рабочих, которого на самом деле не существует. СМОТ в то время мало отличался от обычной диссидентской компании, пытающейся, кроме всего прочего, более активно собирать информацию о проблемах простого народа. Но ничего специфически социального и профсоюзного в его бюллетенях не было.

А Польша опять дала надежду: нет, все-таки это возможно, и мы обязательно, во что бы то ни стало, должны сохранить эту вывеску, это знамя, пока под него не пойдет масса. Да, сейчас мы не более, чем еще одна периферийная диссидентская группа. Но мы должны сохранить готовую форму для будущего массового движения. Польские события вдохнули новую жизнь в эту, в общем-то, заглохшую к тому времени попытку. В то время я активно включился в жизнь СМОТа, мне стали очень близки эти люди. Я занялся записью на магнитофон передач западного радио о Польше, их перепечаткой и разношением.

В то время я работал на Керамическом заводе в Питере, и могу сказать, что там среди рабочих польские события никакого отклика не находили. Или вызывали исключительно негативную реакцию — раздражение, какую-то злобу. Власть добились от рабочих именно того, чего хотели — это была имперско-шовинистическая реакция в чистом виде: вот, мол, сволочи поляки, не хотят жить так, как мы живем! Но мы не позволим им жить по-другому! Как это так? Все должны жить так, как мы! Мне кажется, что подсознательно их раздражением и враждебностью к полякам двигали зависть и чувство собственной неполноценности. Человек чувствует, что все — не так, что его дураят, угнетают. Но все это он загоняет в подсознание, а сам агрессивно онетививается, и в то же время завидует этим полякам, что они такие смелые, и не боятся бороться, бастовать и выступать против своего начальства. А ему слабо.

Но все это отнюдь не разочаровало меня в главной идее СМОТа, которая в то время была созвучна лозунгу "Солидарности". Она заключалась в том, что через самоорганизацию людей можно разрушить тоталитарный режим. Если люди объединятся в независимые организации и будут жить независимой жизнью, просто вся жизнь из официальных структур уйдет туда, в эти организации. Например,

руководитель подпольной координационной комиссии "Солидарности" Збигнев Буаж развивал идею о том, что вся Польша должна уйти в подполье. А режим, таким образом, просто окажется в одиночестве, некем будет управлять. В Польше это было реально при той массовости движения, какая у них была. Они организовывали бойкоты официальной прессы, которую просто никто не покупал, и ее огромными кипами увозили обратно. Но у нас была только красивая идея участия ни в чем официальном. По сути дела, еще тогда выдвинулась идея неформального объединения.

Весной 1982 года я уволился с Керамического завода и уехал с компанией Волоховского лесорубить и дерево, в Новгородскую область. Это было попыткой реализовать наше естественное желание сблизиться в кучу себе подобных, по возможности отделиться от остальной чуждой и враждебной среды и как можно меньше соприкасаться с казенными советскими структурами. К нам приезжали друзья. Тогда же мы узнали, что очередная редакция информационного бюллетеня СМОТа — Сендеров и Гершуни — арестована в Москве. Значит, очередной номер делать — нам, потом еще и еще, пока и нас не арестуют. Редактировал номера я. Аресты были обычным делом. У сматовского бюллетеня была такая же блуждающая редакция, как и у "Хроники текущих событий". Одних арестовывали, другие принимали эстафету: собирали материалы, печатали, ставили обложку. Иначе в тех условиях самиздатский орган существовать не мог — его создателей слишком быстро находили и пресекали. Так случилось и с нами. Уже в сентябре к нам в деревню нагрянула целая сборная команда чекистов из Москвы, Питера, с Украины. Устроили у нас обыски. Всех по очереди допросили, никто не давал никаких показаний, и ни одна из вещей, описанных в протоколе обыска, не нашла своего хозяина. Это с нашей стороны было демонстрацией полного пренебрежения к советской власти и к ее карательным органам. Из деревни нас после этого просто выптали. Мы с Волоховским приехали в Питер.

...Сначала арестовали Леву. Это было в декабре 1982 года. А до этого мы промем собой договорились, что если кого-то из нас возьмут, то остальные должны отвечать на это какими-то акциями протеста: распространять в городе листовки или делать политические надписи на стенах. Все понимали, что при той психологической атмосфере, которая тогда господствовала в обществе, пропагандистская отдача от таких акций равнялась нулю. Но репрессивная машина на такие вещи почему-то реагировала очень болезненно.

Сразу после ареста Волоховского я стал готовить акцию по расписыванию стен политическими лозунгами. Сообщил об этом заранее в Москву, откуда по моему сигналу информация об этой акции

должна была уйти на Запад. Тексты были самые простые: «Свободу политзаключенным!», «Свободу Волоховскому!», «Солидарность жива!» (режим Ярузельского тогда сильно хвастался своими успехами в борьбе с подпольной "Солидарностью"). Это было фуфло, которое с радостью перепечатывали у нас. Дескать, никакого подполья не осталось. Ну, вот вам «не осталось», зато у нас есть! И все эти лозунги были подписаны СМОТом. Везде "СМОТ", "СМОТ", "СМОТ". А кто не знает, что это такое — плювать, пусть сами думают. Вот есть подпольная организация, какой-то СМОТ. И чекишники почему-то очень боялись этого. Им было очень важно иметь общий психологический фон, что у нас никакой оппозиции нет и быть не может, тем более — организованной. Ну, отдельные отщепенцы есть, так их периодически ловят и судят, но никакой оппозиции нет, и это все должны знать.

Какого-то конкретного плана у нас не было, мы импровизировали. Написали синей краской во многих местах в центре города больше десятка таких лозунгов. Это было в ночь с 12 на 13 декабря 1982 года. Через неделю, 20 декабря, меня арестовали. Не знаю, почему они неделю протянули — что это моих рук дело, секретом ни для кого не было. Но я постарался сделать так, чтобы им не помогать. И они не нашли никаких концов: я уничтожил одежду, в которой работал, химическим составом протер очки, на которых оставались капли краски. У меня есть несколько акций, которыми я горжусь, поскольку исполнил их хорошо — и это одна из них.

Для меня лично, и, я думаю, не только для меня, польская революция 1980 года была событием важным и знаменательным. Наверное, для каждого поколения диссидентов было какое-то такое событие. Для первого поколения — революция в Венгрии, для диссидентов-правозащитников — Чехословакия 1968 года...

У всех наших борцов с существующим строем, мне кажется, всегда присутствовало какое-то подсознательное чувство, что этот строй — навечно, никакими силами его не раскачать, и вся эта борьба бесполезна. Это довлело над психикой. Поэтому каждое такое событие в любой из стран соцлагеря имело огромное значение. Оно показывало пример, что все-таки узавим этот режим, что все-таки крупное выступление против него возможно. И поэтому любое движение против коммунистической системы в любой из стран советского блока вызывало к себе особенное, эмоционально окрашенное, теплое чувство у диссидентов здесь. Это было что-то очень дорогое, очень родное...

Материал подготовила Татьяна КОСИНОВА.

Санкт-Петербург

Karta

ЭКСПРЕСС
C
ХРОНИКА

КАРТА

Крупнейшее правозащитное издание России — газету "Экспресс—хроника" и независимый исторический журнал "КАРТА" вы всегда сможете купить в фирменном киоске "Э—Х" в Москве, на Пушкинской площади, напротив кинотеатра "Россия".

Петр МИЦНЕР:

«Karta» продолжила в России. Значит все не так уж безнадежно...»

Первый номер польского журнала «Karta» вышел 4 января 1982 года, через 21 день после объявления военного положения в Польше. В начале это был классический самиздат — листок на печатной машинке. Затем была собственная мини-типография. Конечно, такая, которая не очень бросалась в глаза гебистам.

В первом составе редакции были Збигнев Глуза (нынешний главный редактор), Алиция Ванцерз, Катаржина Мадон. Помогал им масса людей, сейчас даже трудно вспомнить всех. Я был одним из таких людей, не входящих в состав редакции — в то время занимался подпольным издательством.

Сначала «Karta» была информационным журналом, общественно-политическим, как принято говорить. В то время демократическое движение еще не разделилось на конкретные направления, поэтому и журнал был как бы «общим». Это был журнал Сопротивления. Такое направление журнала существовало до августовских манифестаций 1986 года в Варшаве.

Это был сложный период. Антикоммунистическое подполье переживало кризис — в конце лета все ждали восстания, а его не произошло. Люди устали от давления властей, от страха, от политики. Тогда же состоялся генеральный разговор в нашей редакции. Поиск своей ниши, своего лица — очень сложная задача. Человек должен заниматься тем, что он умеет и хочет делать. Мы хотели делать «Karta», но понимали, что это должен быть другой журнал. Главной его темой должна стать судьба человека в тоталитарном обществе. И мыслились в виду не только жерлвы. Журнал должен был рассказывать о людях несломленных, людях, продолжающих бороться с тоталитаризмом в самых сложных условиях в разных странах Европы и Азии. В то время в «Karta» появились первые серьезные исторические материалы — знаменательной была статья о судьбе поляков в ГУЛАГе, опубликованная осенью 1987 года. Это были воспоминания женщин, которые сами пришли в редакцию. Затем был большой материал о трагедии человека, жизнь которого детства была искорежена ГУЛАГом — детские дома НКВД, лагеря. Столько лет мечтаний о Родине, выживший благодаря мечте о Полонии, он оказался никому не нужным в социалистической Польше.

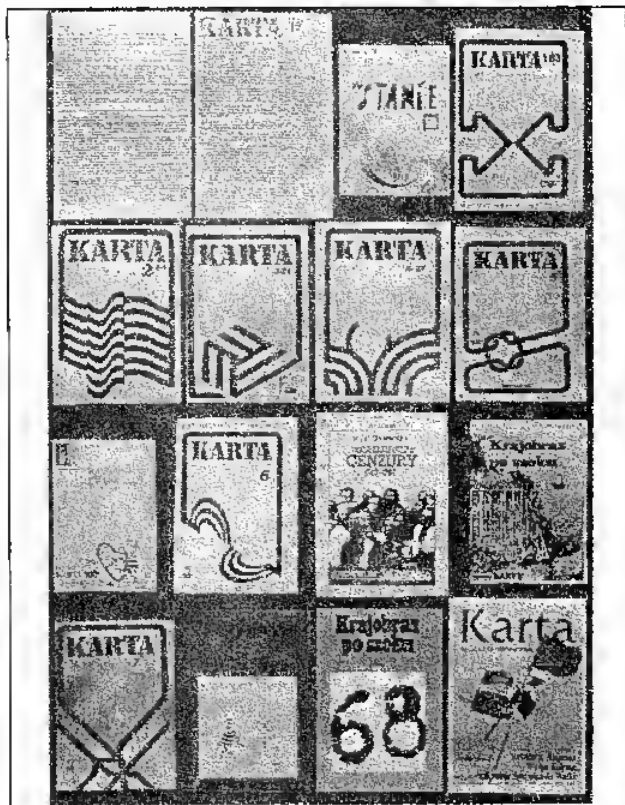
Редакция вновь оказалась на распутье — что делать с этим направлением — заниматься всерьез новейшей историей или не трогать этого, идти по пути популярных изданий?

Результатом наших дискуссий стало основание в 1987 году Восточного Архива. Мы бросились в омут, называемый устной историей. Поняли, что просто обязаны собрать воспоминания, свидетельства, фотографии, документы — живые следы новейшей истории, доказательства преступлений тоталитарных режимов. Обязаны устеть, пока живы поколения людей, прошедших через горнила социализма всех модификаций. С тех пор шла параллельная работа Архива и «Karta» вплоть до «Круглого стола» 1989 года, да, пожалуй, даже и до 90-го. Мы долго не выходили из подполья, потому что не очень-то доверяли возможности компромиссов с коммунистической диктатурой, всем этим переговорам за «Круглым столом».

Нас заверяли, что террора больше не будет, цензура прекратила свирепствовать — надо только зарегистрироваться. У генералов «Karta» регистрироваться не будет, не дожидаетесь, — ответили мы.

Свобода в конце концов пришла. «Karta» стала вполне легальным солидным изданием. Мы уже не сомневались, что должны делать журнал, близкий Восточному Архиву, а не тому нашему подпольному изданию. К этому времени в Восточном Архиве накопилось большое количество интереснейших материалов, которые требовали обработки и публикации. Сама «Karta» сейчас ведет целый ряд исследовательских архивных направлений. Трудно определить структуру нашего журнала — здесь сочетается публицистика, архивистика и мемориальная деятельность. Постепенно «Karta» превратилась в исследовательский Центр: лавина телефонных звонков, десятки посетителей, запросы, ответы. Особенно сложна финансовая ситуация — ведь каждая программа требует затрат.

Государство на историю народа практически не обращает внимания. Десятки бюджетных организаций, прямая задача которых состоит в изучении истории, ее правдивом описании, раздираемы внутренними меркантильными конфликтами, преисполнены необосно-

ваным сомнением. Интеллектуальная элита, к сожалению, занята политикой и... светлым будущим. Мы постоянно слышим, что «не надо копаться в истории, это портит взаимоотношения поляков с другими народами, черные страницы прошлого надо быстрее забыть».

А в редакцию идут и идут люди, которые жалуются, что никто не хочет их слушать, что им некому рассказать о недавней истории, своих трагедиях.

Сегодняшний тираж польской «Karta» — 8 тысяч экземпляров. По польским меркам — это большой успех. Более того, потребность в таком журнале мы, оказывается, не удовлетворяем полностью. У нас лежат заявки на 10 тысяч экземпляров. Но наши постсоциалистические монополисты, которые занимаются распространением прессы, работают из рук вон плохо.

В Польше сеть несколько читательских клубов «Karta» и, что особенно приятно, они находятся в глубокой провинции. Любопытно, что наш журнал больше читают не в гуманитарных, а в технических вузах и гимназиях. В этом году министерство народного образования рекомендовало «Karta» в качестве учебного пособия для учителей и учителей истории в средних школах. Почти год мы ведем на центральном телевидении свою программу, на радио «Свободная Европа» ежемесячно идут передачи, подготовленные нашей редакцией. Самые тесные отношения польская «Karta» поддерживает с историко-просветительским и правозащитным обществом «Мемориал» во всех республиках бывшего Союза. У нас одна задача, те же методы их реализации. В апреле 1992 года нам удалось провести в Варшаве Неделю Совести, на которой побывали 50 мемориальцев со всего СНГ. В результате мы разработали совместную программу деятельности на ближайшие годы: «Общая миссия, общая судьба — Восточная Европа». Главный принцип — поиск правды в современной истории. Ее, к сожалению, не было ни в университетских курсах, ни в школьных учебниках. Правды, которой и сейчас еще не знает общество. Не только правды об истории, но и правды о человеке.

Самая большая радость этого года — выход в России независимого исторического журнала «Karta». Начало очень серьезное и, честно говоря, несколько неожиданное для нас.

Друзья из Рязани делают журнал на весьма приличном уровне и нам, как «духовным отцам», есть чем гордиться. Мы очень надеемся на поддержку российской «Kарты» со стороны международного «Мемориала» и западных благотворительных организаций. Ведь нам, в Варшаве, хорошо известно, какой это труд — исторический журнал.

Наше дело продолжили в России, значит, все не так уж безнадежно...

Варшава-Москва

PROJECT MODERN HISTORY
INDEPENDENT RESEARCH
CENTER — «KARTA» JOURNAL

The modern history true to life description is the major problem in the field of arts. State research institutions are unable to carry out the full scale work in the field. Being the international historical and educational charitable human rights defending Society "Memorial" has more than one hundred local branches providing research in modern history. The activity of local "Memorials" may be called unique because they don't work with archive sources only, but also with participants and witnesses of historical events (the so called "oral history").

Priceless documents obtained as a result of their investigation have to be generalized, put into shape and published. Unfortunately the local experts have no opportunity to realize it. To put the idea into practice the scientific research group was created by Ryazan "Memorial" Society. It began editing the materials sent from different parts of the former USSR. In January 1993 the first issue of independent historical journal was published ("Ryazanski Vestnik" newspaper is being issued from July 1990).

"Karta" journal publishes materials in the following research programmes:

- "Common fate — Eastern Europe",
- "Archive",
- "Witness" (oral history),
- "The War II Soldiers"
- "The Red Wheel" (the repressive policy of totalitarian regimes),
- "The GULAG Map" (the problems of penitentiary system in totalitarian postcommunist countries),
- "Human Rights".

"Karta" journal makes its aim:

- to carry out educational and didactical work (the publication on the above mentioned items are unsystematic. There is no true to life scientific description of modern history. "Karta" could fill in these blank spaces),
- to carry out the methodical work (the journal publications help to increase professionalism of local experts and to master the search and data collecting systems),
- to carry out coordinational work (it will help to create non-governmental scientific research institutions in the former USSR republics. Specifically it is supposed to create the unified computer data-base system and electronic mail).

At present our Society has an office, IBM PC/AT - 386 computer, library, an archive of historical information sources and printing equipment which we rent.

The whole amount of work including historical journal issuing is being carried out by a small group of 5 editorial staff members. Their minimal salary of 8-10 \$ a month is sponsored by the Joint Stock Company "ROKS". It is the lack of means that slows down the creation of a perfectly credible scientific research centre.

If a financial assistance was rendered we could create the above mentioned scientific research centre in a full scale in a period of 3 years and provide the stable historical journal publication.

Address: 390000, Russia, Ryazan-centre, PB 20, Tel.: (0912)77-51-17, 55-91-84, 76-95-19. E-mail in the RELCOM-network: JULIA@MEMORIAL.RYAZAN.SU

Current accounts for rendering assistance: — in Germany: N 107072969, Bankindex 40050150, Stadtparkasse Munster, BRD; — in Poland: N A-00210988 P.K.O. S.A. oddz Olsztyn ul. Dabrowsczakow 30, Polska.